

МОЛДАВСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗВЕСТИЯ

Молдавского филиала
АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 4 (31)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛДАВИИ
КИШИНЕВ * 1956

МОЛДАВСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗВЕСТИЯ

Молдавского филиала
АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 4 (31)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛДАВИИ
КИШИНЕВ • 1956

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Ответственный редактор: действительный член Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, доктор геолого-минералогических наук *Н. А. Димо*

Зам. ответ. редактора: доктор биологических наук *А. И. Ирихимович*

Члены редакционной коллегии:

доктор исторических наук *Я. С. Гросул*,
доктор технических наук *Н. К. Могилянский*,
доктор биологических наук *В. Н. Андреев*,
доктор сельскохозяйственных наук *П. В. Иванов*,
кандидат биологических наук *С. М. Иванов*,
кандидат биологических наук, профессор *Д. А. Шутов*,
кандидат сельскохозяйственных наук *М. А. Худзинский*,
кандидат сельскохозяйственных наук *Л. С. Мацюк*,
кандидат сельскохозяйственных наук *П. И. Дворников*,
кандидат биологических наук *Б. Г. Холоденко*,
кандидат сельскохозяйственных наук *А. А. Петросян*,
кандидат технических наук *Р. Д. Федотова*,
кандидат филологических наук *А. Т. Борщ*,
кандидат исторических наук *Н. А. Мохов*.

Редактор выпуска — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*.

Ответственный секретарь выпуска — кандидат исторических наук *Э. А. Рикман*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Систематически проводимые за последние годы на территории Молдавии археологические исследования дали немало нового и интересного материала по древней истории населения Днестровско-Прутского междуречья. В 1955 году археологи, постоянные участники Молдавской археологической экспедиции Института материальной культуры АН СССР и Молдавского филиала АН СССР, опубликовали в «Известиях Молдавского филиала АН СССР»¹ в основном некоторые из результатов археологических исследований на территории Молдавии за 1951—1953 гг. Настоящий сборник статей является следующим выпуском, содержащим ценные исследования и публикации новых источников по древней истории Молдавии, полученные в итоге археологических раскопок 1953—1955 гг.

Второй выпуск состоит из двух разделов. В первом помещены статьи, посвященные вопросам древней истории Молдавии, начиная от эпохи энеолита и до позднего средневековья.

В статье Е. К. Черныш «К вопросу о раннетрипольских поселениях» обобщен материал из раннетрипольских поселений, изучавшихся за последние годы на территории Украины и Молдавии. Приводимая в статье карта, расположения раннетрипольских памятников в ранний период развития трипольских племен, показывает значительную территорию их расселения в бассейнах Прута, Днестра, Южного Буга и в верховьях Роси. Автор пытается вскрыть как черты общности культуры, так и выделить ее локальные различия в отдельных районах.

Статья Т. С. Пассек посвящена основным результатам раскопок 1954 года, произведенных Молдавской экспедицией в зоне строительства Дубоссарской ГЭС у с. Голерканы на Днестре, где в результате раскопок было изучено многослойное поселение, сохранившее остатки культурных отложений от раннетрипольского времени (начало III тысячелетия до н. э.) и до славянской поры X—XII вв. Особого внимания заслуживает открытие экспедицией на поселении у с. Голерканы культурного слоя, содержащего находки (керамику, бронзовую булавку и т. п.) эпохи поздней бронзы, памятники которой оставались неизвестными до сих пор на территории Молдавии. Сделанные находки подчеркивают культурно-исторические связи местных племен Приднестровья в эпоху поздней бронзы с племенами Полудавья и Прикарпатья.

Статья А. И. Мелюковой посвящена характеристике неизвестных до раскопок Молдавской экспедиции в 1954 году памятников предскифского времени (VIII в. до н. э.) на поселении и могильнике у с. Шолднешты. Автор высказывает предположение, что эти памятники принад-

п16364
Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Иришской ССР

¹ Известия Молдавского филиала АН СССР. № 5 (25). Кишинев, 1955.

лежат фракийским племенам, культура которых была воспринята в скифское время племенами лесостепной зоны Молдавии.

Статья Г. Б. Федорова «К вопросу о сарматской культуре в Молдавии» посвящена публикации открытых в 1954 году автором Боканского селища и могильника сарматского облика. Автор ставит интересные вопросы о славянском влиянии на культуру сармат.

В статьях Г. Д. Смирнова рассматриваются, добытые раскопками 1953—1954 гг. в Старом Орхее, интересные архитектурные материалы — декоративный кирпич XIV—XV вв. и изразцы XV в.

Во второй раздел настоящего сборника включены материалы, сообщения и хроника о вновь открытых археологических памятниках Молдавии. В сообщении А. П. Черныша приводятся материалы из 30 новых палеолитических местонахождений на Днестре, обнаруженных автором в 1952 году. Приложенная к статье карта изученного района с нанесением на нее новых пунктов находок палеолитической эпохи значительно расширяет наши знания о территории расселения древнейшего человека в Молдавии.

Интересны в этом разделе публикации А. А. Нудельмана и Э. А. Рикмана случайной находки наперстка и клада серебряных украшений скифского времени из Молдавии и Г. П. Сергеева о находке бронзовых сосудов на территории Молдавии, а также публикации Э. А. Рикмана и А. А. Нудельмана о новых римских и ранневизантийских нумизматических находках в Молдавии.

Во втором же разделе печатается в порядке обсуждения статья Э. А. Рикмана по вопросу о технике раскопок некоторых средневековых поселений.

В конце сборника помещена хроника Г. Ф. Чеботаренко об археологических раскопках на территории Молдавии в 1955 году и А. С. Киделя «Материалы для библиографии археологических и этнографических работ по Днестровско-Прутскому междуречью».

Настоящий выпуск «Известий Молдавского филиала АН СССР», специально посвященный новым археологическим материалам, открытым археологами за последние годы (1953—1954 гг.) на территории Молдавии, стремится заполнить пробел по ряду вопросов древней истории Молдавии и ввести в научный оборот разносторонние исторические источники, по-новому раскрывающие далекое прошлое молдавского народа, древнего населения Днестровско-Прутского междуречья.

Т. С. Пассек

I. СТАТЬИ

Е. К. ЧЕРНЫШ

К ВОПРОСУ О РАННЕТРИПОЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ

В III—II тысячелетиях до н. э. в лесостепной полосе Восточной Европы по бассейнам рек Южный Буг, Днестр, Прут и Серет жили земледельческо-скотоводческие племена трипольской культуры. Длительное изучение памятников этой культуры позволило археологам довольно подробно охарактеризовать отдельные периоды развития трипольских племен и даже выделить локальные группы среди памятников поздне-трипольского времени. Накопившиеся в последнее время данные, хотя еще и скудные, позволяют уже ставить вопрос о существовании территориальных отличий и у раннетрипольского населения. Но прежде чем говорить об особенностях, имеющихся в материалах раннетрипольских поселений различных районов, следует остановиться на признаках общих для всех раннетрипольских поселений и дать краткую характеристику памятникам Буга, Днестра, Прута и Серета¹.

В настоящее время в бассейне Южного Буга известно 15 раннетрипольских поселений, однако хорошо изучено только одно из них — Сабатиновка II.² Оно расположено в урочище «Мельничная круча» на первой надпойменной террасе р. Синица.

При раскопках поселения были обнаружены остатки нескольких глинобитных жилищ прямоугольной формы, площадь которых достигала 140 кв. м. В одном из домов возле печи находились три глинобитных возвышения, над которыми было обнаружено большое количество человеческих фигурок из глины, посаженных на стулья с «рогатыми» спинками. Интересной деталью жилищ являются пороги, вымощенные крупными плоскими камнями.

Во всех жилищах было найдено большое количество керамических изделий и различных орудий труда. Керамика сабатиновского поселения делится на несколько групп. Значительную группу составляет керамика с углубленным орнаментом, иногда инкрустированной белой пастой. Поверхность таких сосудов бывает покрыта красной краской. Формы посуды разнообразны: широкие чаши на высоких подставках с отверстиями в стенках, грушевидные сосуды с крышками, сосуды на поддонах, сосуды в виде кувшинов, миски и т. п. Другую группу образуют лощеные сосуды с каннелированной поверхностью, зачастую орнаментированной оттисками зубчатого штампа. По форме — это горшочки и ковшики

¹ В статье учтены раннетрипольские памятники Побужья, открытые учителем гайсинской школы т. Хавлюком, с разрешения которого эти памятники помещены нами на карту, за что мы приносим ему свою благодарность.

² М. Л. Макаревич, Среднебугская экспедиция по исследованию памятников трипольской культуры, АП УРСР, 1952, т. IV. Его же. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II, КСИИ, 1954, в. 3.

различной величины. Третья группа представлена кухонными горшками с шероховатой наружной поверхностью, украшенной рядом ямок.

Среди многочисленных сабатиновских статуэток преобладает группа сильно схематизированных фигурок в сидячем положении, у которых углубленной полоской разделяющей ноги и треугольником внизу живота подчеркнуты линии тела. Интересно, что на некоторых статуэтках имеется роспись красной краской по белому ангобу.

Среди кремневых изделий преобладают скребки на небольших отщепках. Кремневые ножи, остря, вкладыши серпов изготовлены преимущественно из небольших пластинок. Сланцевые орудия представлены теслами и долотами. Наконечники мотыг и шилья делались из кости.

Кроме различных изделий, в жилищах было найдено довольно много костей животных, большинство из которых — домашнего скота: быка, козы, свиньи. Судя по костям диких животных, трипольцы охотились на косулю, оленя, кабана и на различных пушных зверей.

Материалы раннетрипольских поселений Побужья почти не опубликованы, поэтому мы и остановились на Сабатиновке II, как на одном из наиболее известных поселений. Небольшие работы велись в Греновке¹, Печерах², Красноставке³, Даниловой-Балке⁴. Материалы всех раннетрипольских поселений Побужья очень похожи, что обычно и отмечают их исследователи. Говоря о раннетрипольских поселениях Побужья, следует еще указать, что помимо наземных жилищ в них были обнаружены и землянки (Печеры, Красноставка).

Очень близки к памятникам Побужья раннетрипольские поселения, расположенные в верховьях Роси: Плисков-Чернявка и Борисовка. Исследования у Плисков-Чернявки были небольшими и материалы этого поселения не опубликованы. Поселение у с. Борисовка исследовано несколько лучше⁵. Оно расположено на плато возле ручья. При раскопках было вскрыто несколько землянок, большинство из которых имело каменную обкладку стен. В плане форма ям была округлой и только одна из них была четырехугольная. Наземные глинобитные жилища сохранились плохо.

В жилищах найдено большое количество керамики, среди которой преобладает посуда с углубленным орнаментом. Поверхность сосудов хорошо отполирована и иногда окрашена красной краской. По форме — это грушевидные сосуды, шлемовидные крышки, биноклевидные сосуды, сосуды на подставках. Особую группу составляют небольшие горшочки с каннелированной поверхностью, причем на ребрах каннелиюр имеются отпечатки зубчатого штампа. Кроме того, венчик и ребра каннелиюр окрашены красной краской. Кухонная посуда представлена горшками с небрежно сглаженной наружной поверхностью; орнаментированной ямками по плечикам сосудов.

Плисков-Чернявка и Борисовка — это самые северо-восточные поселения раннетрипольского времени. По характеру материала они ближе всего стоят к наиболее северным памятникам Побужья типа Печеры.

¹ М. Л. Макаревич, Среднебугская экспедиция...

² Археологические исследования в Южной Подольи в 1948 г., АП УРСР, т. IV, 1952.

³ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений МИА, 1949, № 10, стр. 37—39.

⁴ Э. А. Симонович, Раннетрипольское поселение в с. Данилова-Балка, КСИИМК, вып. XXXIX, 1951.

⁵ Біляшівський М., Дослідні на городищі біля с. Борисівки... Коротке звітання за археологічні дослідні 1952 р., К., 1926; Его же, Борисівське городище, Трипільська культура на Україні, I, 1926.

Центральным районом распространения раннетрипольских поселений является бассейн Днестра. В этом районе лучше других исследованы памятники у сс. Лука-Врублевская, Ленковцы, Берново-Лука на Украине, а также Солончены I и Голерканы в Молдавии.

При раскопках раннетрипольского поселения, расположенного на плато правого берега Днестра у с. Ленковцы¹, были вскрыты жилища двух типов. Наземные глинобитные жилища этого поселка были небольшого размера (40—50 кв. м) и лишь один из домов занимал площадь в 140 кв. м. В жилищах имелось по две-три печи. Вблизи печей были обнаружены глинобитные столообразные возвышения хозяйственного назначения.

Величина полуземлянок колебалась от 5 до 30 кв. м. В этих жилищах возле стен устраивались открытые очаги, возле которых располагались кучи отбросов, состоящие в основном из створок моллюсков, костей животных и разбитой посуды.

В жилищах ленковского поселения было обнаружено большое число находок, среди которых преобладает керамика тех же типов, о которых мы говорили при описании материалов из поселений Побужья. Это — кухонная посуда, посуда с углубленным орнаментом, каннелированная и с гладкой поверхностью, покрытой красной краской.

Особую группу керамических изделий составляют статуэтки людей. Наибольшую группу образуют очень схематично вылепленные фигурки, сплошь покрытые углубленным орнаментом. Ко второй группе относятся еще более схематично вылепленные фигурки без орнамента, у которых линии тела лишь несколько подчеркнуты углубленными полосами. Третью группу составляют фигурки с совершенно гладкой поверхностью, окрашенной белой и красной красками. Четвертую группу образуют неорнаментированные статуэтки с двумя согнутыми в коленях ножками, вылепленными отдельно одна от другой.

Значительную группу находок представляют разнообразные орудия, изготовленные из местных пород камня, а также орудия из кости и рога. В их числе кремневые отбойники и ретушеры, скребки, ножи и пластины со скошенным краем, вкладыши серпов, сверла, проколки, заготовки крупных рубящих орудий из кремня, сланцевые тесла и долота, каменные сверленные топоры, костяные шилья, лопаточки, наконечники мотыг. Зернотерки делались из песчаника и других местных пород камня. Из медных изделий на поселении был найден только сломанный браслет.

Кости животных, найденные в жилищах, указывают на существование скотоводства (бык, свинья, коза) и охоты (олень, косуля, волк, заяц, медведь).

Подобные материалы были обнаружены и в других Днестровских поселениях: Берново-Лука², Лука-Врублевская³, Солончены I⁴, Голерканы и пр. Даже при сравнении таких памятников, как Ленковцы и Солончены I, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, обнаруживается очень большое сходство между ними. В Солонченах I наряду с глинобитным жилищем довольно большой величины (88 кв. м)

¹ Е. К. Черныш, Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы, КС ИИМК, 1952, в. XLVII, 1952; Ее же, Житлові споруди раннетрипольського поселення біля с. Ленківці. Наукові записки інституту суспільних наук АН УРСР, 1954, т. 2; Ее же, Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы Черновицкой области, КСИИМК, вып. 4.

² Т. С. Пассек, Раскопки трипольских поселений на Днестре, КС ИИМК, в. 51, 1953.

³ С. Н. Бибилов, Поселение Лука-Врублевская, МИА, 1953, в. 38.

⁴ Т. Г. Мовша, Глинобитное жилище раннетрипольского поселения Солончены I, «Известия МФ АН СССР», 1955, № 5 (25).

было раскопано несколько землянок. В землянках сохранились открытые очаги, а в одной — глинобитная печь. В наземном жилище проследжено две печи, вблизи которых находились небольшие глинобитные сооружения хозяйственного назначения (для размолы муки, приготовления пищи). Специальные места возле дома были предназначены для изготовления кремневых орудий.

При раскопках этого поселения в большом количестве найдена керамика с углубленным орнаментом, посуда с гладкой поверхностью, каннелированные сосуды и кухонная посуда с шероховатой наружной поверхностью. В жилищах обнаружены камни зернотерок, кремневые пластинки, скребки, вкладыши серпов, заготовка наконечника копья, медные рыболовные крючки, костяные наконечники мотыг, проколки.

При сравнении друг с другом раннетрипольские памятники Поднепровья обнаруживают большое сходство между собой.

Меньше изучены раннетрипольские памятники на Пруте. Из поселений, расположенных в бассейне Прута, небольшие работы проводились только в двух пунктах — Ветилровке и Ларга-Жижи.

Раннетрипольское поселение у с. Ветилровки находится недалеко от Черновиц на низком берегу р. Савицы¹. При раскопках здесь были обнаружены площадки и ямы раннетрипольского времени.

В жилищах найдены различные орудия труда, статуэтки и многочисленные фрагменты керамики: грушевидные сосуды, крышки, мисочки, бинноклевидные сосуды, ковшики, покрытые углубленным орнаментом; небольшие тонкостенные сосуды с каннелированной поверхностью иногда покрытые отпечатком зубчатого штампа; кухонная посуда с шероховатой поверхностью, украшенная ногтевым орнаментом.

Орудий труда найдено сравнительно мало. Это — кремневые скребки, сделанные преимущественно из широких коротких пластин, проколки с ретушью, сланцевые тесла и долота, часть сверленого топора-молота, зернотерки и пр.

Выразительный материал был получен при раскопках раннетрипольского поселения в Ларге-Жижи в Румынии². Поселение расположено в урочище Градина на р. Жижи. Судя по изданному материалу, здесь было найдено много различных орудий труда, фрагментов, посуды, глиняных статуэток людей и животных. Среди кремневых орудий преобладают скребки из укороченных широких пластинок и отщепов. Тесла и долота сделаны из сланца.

Среди керамики выделяются те же типы посуды, о которых мы говорили выше. Один из них представлен фрагментами керамики с углубленным орнаментом, в котором углубленные полосы сочетаются с оттиском штампа. Ко второму типу относится небольшое количество сосудов с каннелированной поверхностью. Третий тип представлен кухонной посудой. У некоторых сосудов этого типа орнамент состоит из одного ряда ямок, проходящих под горлом сосуда; у других сосудов вся поверхность покрыта ямками или бугорками.

Большинство статуэток представлено сильно схематизированными женскими фигурками с подчеркнутой стеатопигией. Зооморфные статуэтки очень примитивны и совсем не орнаментированы.

Материалы других поселений бассейна Прута аналогичны материалам указанных выше памятников.

Среди раннетрипольских поселений в бассейне Серета наибольшую известность получило поселение у с. Извоар, расположенное вблизи

г. Пятра Нямц на р. Быстрице в предгорьях Карпат¹. Особая ценность небольших раскопок, проведенных в этом пункте, заключается в том, что это единственное место, где удалось проследить стратиграфию двух ранних трипольских слоев. Верхний слой Извоара, в комплексе находок которого имеется полихромная керамика, аналогичен нижнему слою поселения у с. Кукутени. Таким образом, нижний слой Извоара оказывается древнее памятников типа Кукутени А. В отличие от верхнего слоя в нем совершенно отсутствует расписная керамика. Среди остатков керамики основную группу составляют обломки посуды с углубленным орнаментом. Небольшую группу образует каннелированная посуда. Орудий труда, украшений, медных изделий найдено сравнительно мало.

Другой многослойный памятник был открыт на левобережье Серета у с. Траян². Верхний слой этого поселения относится исследователями к переходной фазе А—В культуры Кукутени; в нем было вскрыто несколько глинобитных наземных жилищ, в которых находилось много различных изделий.

Ниже залегал слой, содержащий докукутеновскую, то есть раннетрипольскую керамику, орнаментированную углубленными линиями и рядами оттисков зубчатого штампа, каннелированную керамику, кухонную посуду с бугристой поверхностью. Интересно, что исследователи памятника отмечают наличие в этом слое керамики окрашенной охрой. В остальном материалы этого памятника очень близки находкам из раннетрипольских поселений Прута.

Сравнивая материалы раннетрипольских поселений, мы находим много общих черт между памятниками, удаленными друг от друга на большое расстояние. Именно это и позволило Т. С. Пассек выделить их как особый этап в развитии трипольской культуры³. В настоящее время известно более 50 поселений раннетрипольского времени, характеризующихся определенными чертами общими для всех памятников (рис. 1).

Родовые поселки этого времени еще не отличались такой большой величиной, как поселения периода расцвета трипольской культуры. Они состояли не только из землянок и полуземлянок, но в значительной степени и из глинобитных домов. В раннетрипольское время наземные жилища имели в среднем площадь около 80 кв. м, реже — около 140 кв. м. В жилищах с двумя-тремя комнатами сооружалось по несколько печей. Полуземлянки иногда были образованы одной ямой, но чаще состояли из нескольких ям округлой формы и различной величины. Очаги в землянках обычно устраивались в ямках, иногда подмазанных глиной или выложенных камнями. Реже при помощи глиняной обмазки укреплялись основания стен полуземлянок. Обычно эти жилища имели небольшую величину (8—10 кв. м), но бывали и такие жилища-гиганты, как полуземлянка № 3 в Луке-Врублэвской, достигавшая в длину 43 м.

Возле печей жилищ и у очагов землянок обычно находятся камни зернотерок, сосуды для хранения припасов и большое количество другой посуды.

Умение изготавливать керамические изделия стояло на довольно высоком уровне развития. Как мы видели, к началу III тысячелетия до н. э. у трипольцев имелось несколько видов посуды различного назначения,

¹ Vulpe Radu. Civilisation précucutenienne récemment découverte a Izvoare en Moldavie. Eur. Sept. Ant., Helsinki, 1937, XI.

² Studii și cercetări de istorie veche, 1952, v. III, p. 138.

Studii și cercetări de istorie veche, 1954, №№ 1—2, p. 63—64.

³ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, 1949, № 10, стр. 28—41.

¹ Б. О. Тимошук, Розвідка в басейні р. Прута. АП УРСР, т. III, 1952.

² Studii și cercetări de istorie veche, 1952, v. III, pp. 42—43, 111—112.

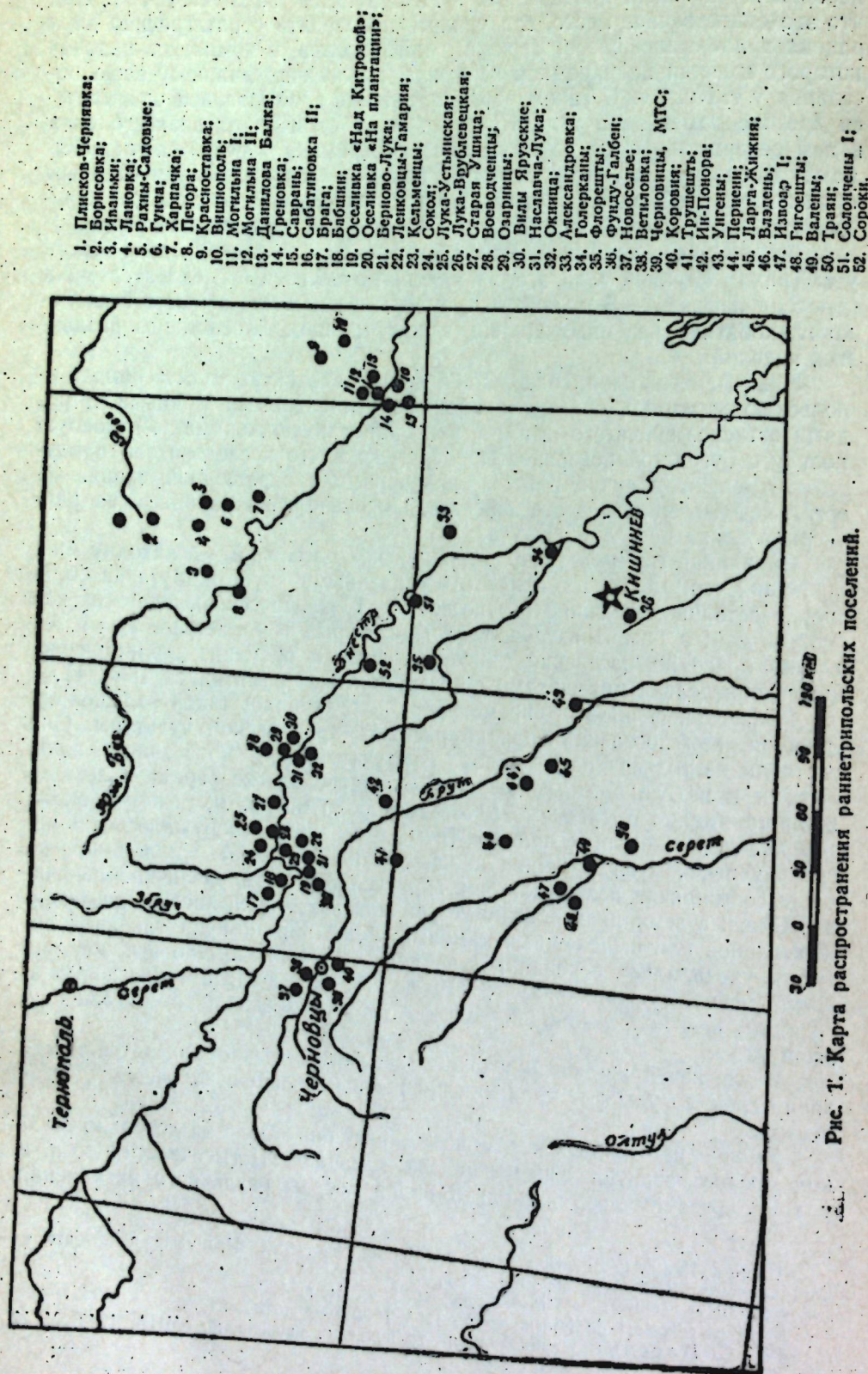

Рис. 1. Карта распространения раннетрипольских поселений.

что указывает на сравнительно большую развитость хозяйства. Для всех раннетрипольских поселений характерна посуда трех типов (рис. 2). Группа керамики с углубленным орнаментом всегда оказывается наиболее многочисленной; затем следует группа кухонной керамики; очень небольшую группу составляет керамика, украшенная каннелюрами. В ограниченном количестве и далеко не на всей территории трипольской культуры встречается керамика с гладкой поверхностью, окрашенной красной краской.

К керамическим изделиям относятся и статуэтки людей, которые по форме и орнаментации делятся на несколько вариантов. После находки, сделанной в Трушешты¹, к числу условных изображений идолов должны быть отнесены также и небольшие глиняные конусики, постоянно находящиеся в трипольских поселениях. Иногда из глины делались бусинки. Пряслица для веретен в рассматриваемое время изготовлялись исключительно из фрагментов керамики.

Комплекс орудий труда во всех раннетрипольских поселениях довольно однороден. В трипольских поселениях обычно находятся: кремневые скребки, ножи, вкладыши серпов, проколки, сверла, наконечники дротиков, сланцевые тесла и долота, топоры, каменные зернотерки, костяные шилья, лопаточки, наконечники мотыг и т. п. Изделия из меди, сделанные путем холоднойковки, очень невелики по размеру. Это рыболовные крючки, долота, шилья, пронизки, браслеты, колечки.

Находки, сделанные в раннетрипольских поселениях, позволяют судить о характере хозяйственной деятельности трипольцев в начале III тысячелетия до н. э.

Камни от зернотерок, наконечники мотыг, вкладыши серпов, сосуды для хранения зерна, отпечатки половы на глиняной обмазке жилищ и нахождение зерен злаков все это указывает на существование примитивного мотыжного земледелия у раннетрипольских племен.

Кости домашних животных свидетельствуют о характере стада того времени (бык, корова и свинья).

Кости диких животных, орудия охоты и орудия для обработки шкур животных говорят о большой роли охоты у раннетрипольского населения. В некоторых поселениях этого времени количество костей диких животных преобладало над количеством костей домашних животных (Берново-Лука, полуземлянки Ленковец). Кроме того, во многих поселениях, расположенных у рек, имеются следы рыболовства и собирательства.

Мы остановились на тех признаках, которые объединяют все раннетрипольские поселения. Но наряду с ними в последнее время были выявлены и некоторые отличия, особенно заметные при сравнении материалов из поселений, удаленных друг от друга на большое расстояние, например, из поселений Побужья (рис. 3) и поселений бассейнов Прута и Серета (рис. 4).

Так, при сравнении жилищ раннетрипольских поселений этих районов обнаруживается некоторая специфика строительной техники у трипольцев Побужья. При сооружении глинобитных домов они использовали крупные плоские камни для выкладки порогов², а жители борисовского поселения употребляли камни для укрепления стен землянок. Эти приемы строительства жилищ не прослеживаются в других районах распространения трипольской культуры.

¹ Studii și cercetări de istorie veche, 1955, №№ 1—2, p. 190.

² М. Л. Макаревич, Среднебугская экспедиция..., стр. 89.

Рис. 2. Вещи из раннетрипольских поселений Поднепровья:
1-3 — из Луки-Врублевской;
4-21 — из Ленковца.

Другое отличие наблюдается при сравнении керамических изделий. Для памятников Побужья характерна кухонная посуда с шероховатой наружной поверхностью, орнаментированной только одним рядом ямок, а в памятниках Прута и Серета наряду с такой посудой в большом числе имеется керамика сплошь покрытая с наружной стороны ямками и бугорками, напоминающая посуду культуры Кереш (Венгрия).

Каннелированная керамика из юго-западных раннетрипольских поселений отличается большим разнообразием форм, чем такая же посуда из северо-восточных поселений трипольской культуры. Но в отличие от южных памятников только в северо-восточных поселениях встречена каннелированная керамика, богато орнаментированная отпечатками зубчатого штампа и окрашенная полосами красной краски, подчеркивающими линии каннелюр.

В юго-западных поселениях на посуде с углубленным узором в большом числе встречаются элементы орнамента, не типичные для керамики северо-восточных поселений, например, лента, заштрихованная параллельными короткими черточками или заполненная отпечатками зубчатого штампа. Кроме того, в южных поселениях значительное количество посуды покрыто углубленным узором совершенно особого стиля. Глубоко вырезанные, а не прочерченные, как обычно, углубления орнамента, типичные для этой категории посуды, особенно часто образуют узор шахматной доски, в виде рядов прямоугольных или треугольных ямок и глубоких параллельных линий. На многих сосудах сохранилась инкрустация белой пастой.

Говоря об отличиях керамики из северо-восточных и юго-западных раннетрипольских поселений, следует указать на то, что в Побужье до сих пор еще не обнаружен тип посуды с гладкой поверхностью, равномерно окрашенной красной краской, который известен в других районах.

Еще одно отличие можно найти при сравнении антропоморфных глиняных статуэток из поселений бассейнов Южного Буга, Днестра, Прута и Серета. Для поселений Побужья наиболее характерными являются схематично сформованные статуэтки без орнамента, у которых углубленными линиями только слегка подчеркнуты линии тела. Широко распространенные в Поднепровье статуэтки с углубленным орнаментом в Побужье встречаются редко. В Побужье хорошо представлен тип статуэток с росписью красной краской по белому фону. В отличие от указанных фигурок огромное большинство статуэток из раннетрипольских поселений юго-западного района предельно схематизированы. Это — фигурки с подчеркнутой стеатопигией, почти без туловища и совсем без плечей. Крошечная головка сидит на длинной массивной шее, постепенно переходящей в торс и ноги. Поверхность статуэток гладкая, только ножки разделены углубленной полосой, сливающейся в нижней части живота с изображением треугольника.

Заметна разница и при сравнении орудий труда. В раннетрипольских поселениях Побужья кремневые орудия находятся в сравнительно ограниченном количестве. Это объясняется тем, что на Южном Буге нет больших залежей кремня. Недостаток кремня заставлял трипольцев использовать не только хороший по качеству валунный кремень, встречающийся у реки, но зачастую и очень плохие его местные сорта.

Среди памятников раннетрипольского времени обилием кремневых и сланцевых орудий особенно отличаются поселения Поднепровья.

В поселениях Побужья почти отсутствуют изделия из меди. Очевидно, это объясняется значительной удаленностью от Карпат, откуда к трипольцам поступала медь.

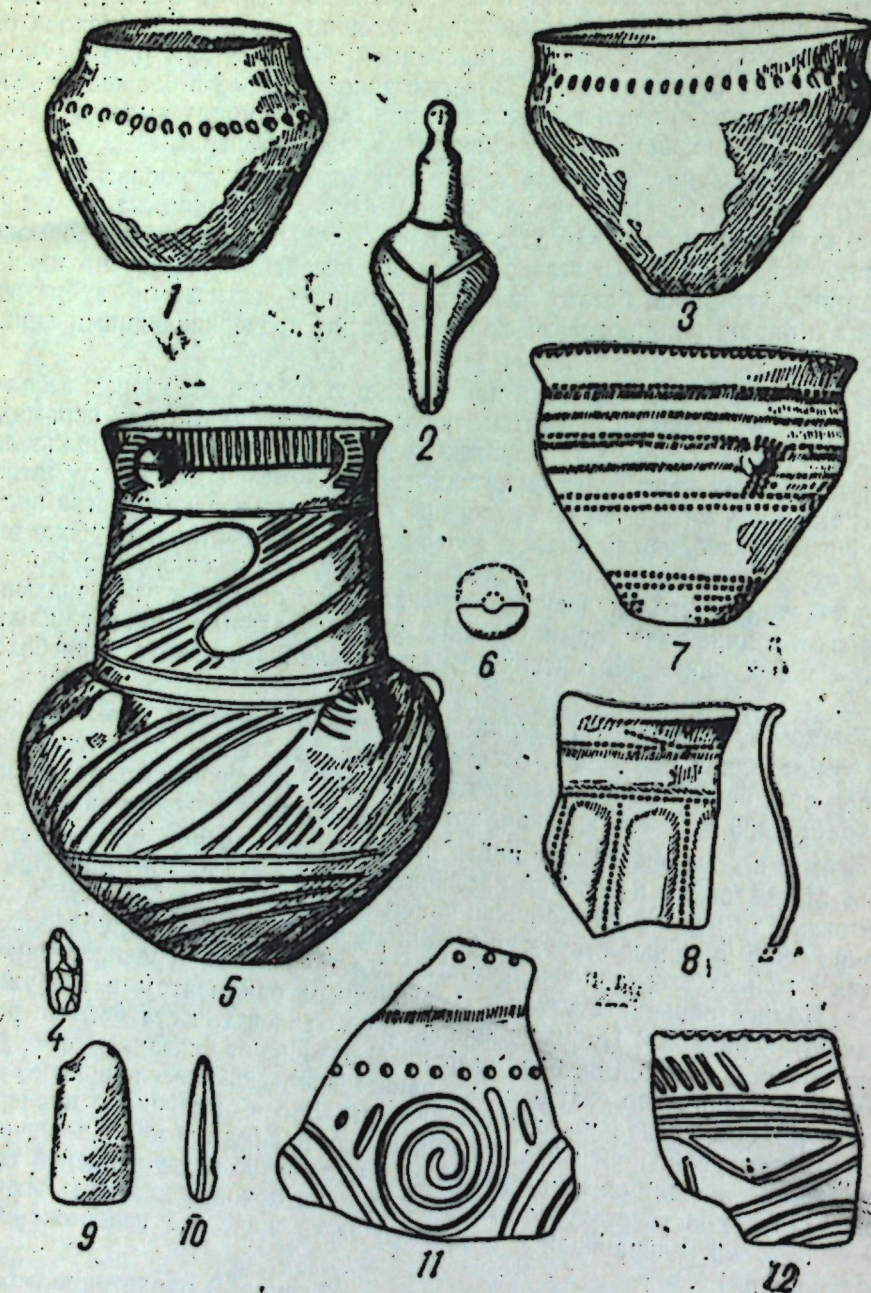

Рис. 3. Вещи из ранне трипольских поселений Побужья и Поросья:

1-4, 6, 7, 9, 10 — из Сабатиновки;
5 — из Даниловой Балки;
8, 11, 12 — из Борисовки.

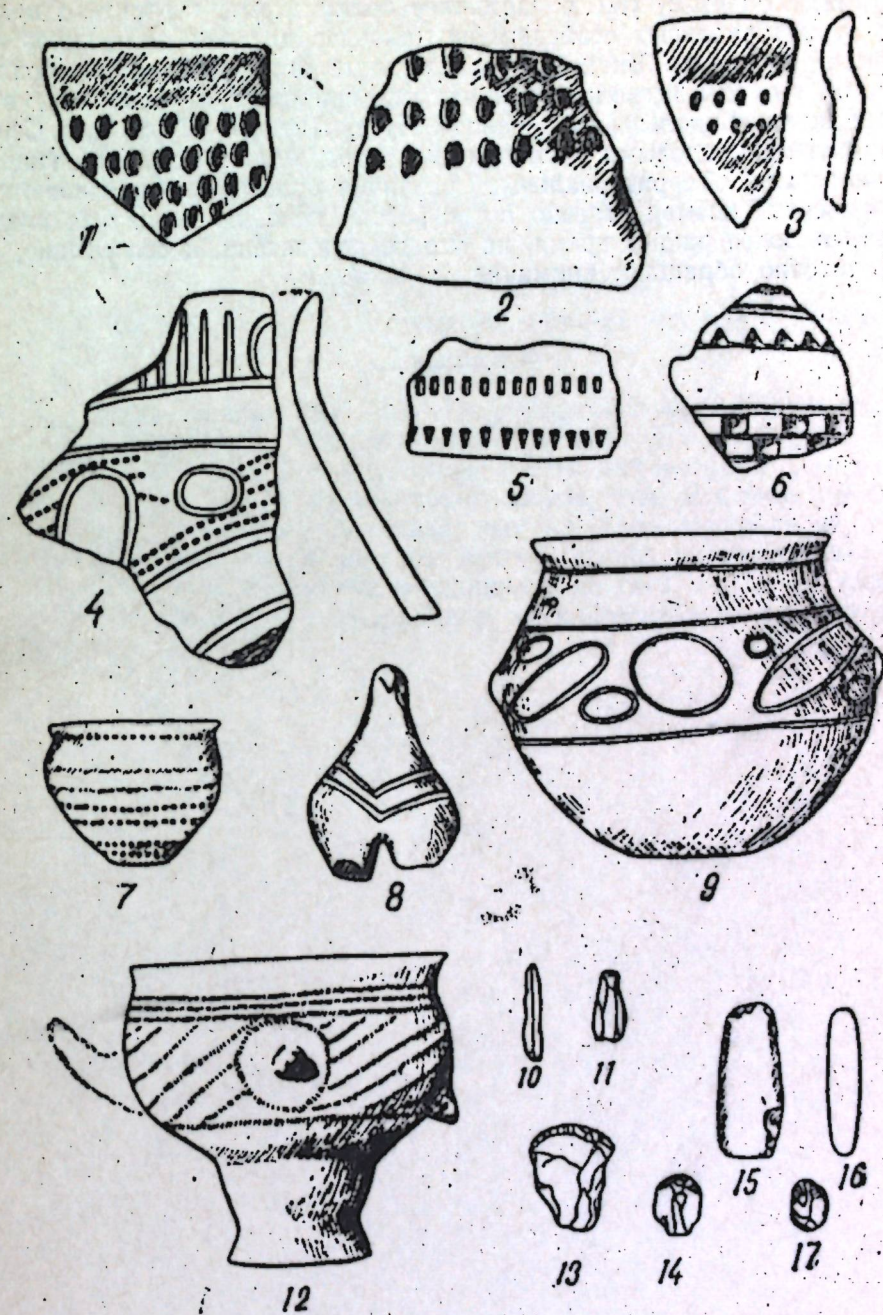

Рис. 4. Вещи из ранне трипольских поселений бассейнов Прута и Серета:

1, 6, 8, 10, 11, 13-17 — из Ларги-Жижия;
4 — из Ветилловки;
2, 3, 5 — из Гигосшти;
9, 12 — из Траяна.

Таким образом, уже в настоящее время можно говорить о некоторых территориальных особенностях наиболее древних памятников трипольской культуры. Видимо, эти локальные отличия были обусловлены с одной стороны несколько различными природными условиями, в которых жили трипольцы на Южном Буге, Днестре, Пруте или Серете, а с другой — родовыми отличиями и традициями, существовавшими у трипольцев. Территориальные различия более четко проявляются у трипольских племен только в бронзовом веке, но основу их следует искать в более раннее время, на что исследователи, к сожалению, еще недостаточно обращают внимания.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Е. К. Черныш «Деспре ашесэриле триполиче тимпурий»

Ауторул аратэ, каре сынт деосэбириле локале динтре челе май векь монументе але културий триполиче депе Бугул де Мязэ-зы, Ни-стру, Прут ши Сирет. Монументеле ачестя диферэ унул де челалалт атыт прин фелул, кум се конструяу каселе, кум се фэчяу унелтеле де мункэ, кум се фабрика черамика, кыт ши прин типуриле де статуете антропоморфиче, фэкуте дин лут. Ауторул креде, кэ деосэбириле ачестя сынт о урмаре а деосэбирий кондициилор де трай, кыт ши а трэсэтури-лор карактеристиче ши традициилор, че карактеризазэ фиекаре ням ын парте.

п 16364
Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

RÉSUMÉ.

de l'article de E. K. Tchernych «Sur la question des établissements de la période tripolienne primitive».

L'auteur relève les distinctions locales entre les plus anciens monuments de la culture tripolienne dans les régions du Boug inférieur, du Dniester, du Prout et du Sereth. Ces distinctions sont visibles dans la construction des maisons, dans la confection des outils, de la céramique, dans les types des figurines humaines.

L'auteur suppose que ces distinctions sont dues aux différences des climats et des traditions.

Т. С. ПАССЕК

РАСКОПКИ НА МНОГОСЛОЙНОМ ПОСЕЛЕНИИ
У с. ГОЛЕРКАНЫ НА ДНЕСТРЕ В 1954 году

В течение ряда лет (1952—1954 гг.) Молдавская экспедиция¹ проводила свои работы на территории строительства и в зоне строительства Дубоссарской ГЭС. Археологическим обследованием были охвачены значительные территории, начиная от г. Дубоссары, вверх по течению, вдоль обоих берегов Днестра, вплоть до Каменки. Предварительные разведки выявили здесь значительное количество памятников эпохи палеолита и мезолита, неолита и бронзы, предскифского и скифского времени, эпохи «полей погребений» и славянской поры. На месте многих из обнаруженных древних памятников, экспедиция произвела раскопки, давшие интереснейшие материалы по древней истории Молдавии. Так были произведены раскопки на трипольских поселениях, расположенных на первой надпойменной террасе у с. Солончены², Журы и Попенки³, на позднетрипольском поселении у с. Гедерим⁴, на могильнике у с. Выхватинцы⁵, на поселениях эпохи «полей погребений» у с. Солончены⁶, Лопатна и др. Кроме того в 1954 г. раскопкам было подвергнуто поселение, обнаруженное во время разведок экспедиции, у с. Голерканы, Криулянского р-на, МССР⁷.

Поселение у с. Голерканы расположено в пойме р. Днестра на правом его берегу, в 2 км ниже села, вблизи лесничества, в урочище «Мохната», на высоте 4—5 м над уровнем реки. После поднятия воды в Днестре в связи со строительством Дубоссарской ГЭС с весны 1955 года древнее поселение у с. Голерканы находится под водой.

Первые наблюдения над залеганием культурного слоя на поселении были сделаны в обресе берега Днестра. Культурный слой прослеживался на протяжении 100 метров в черноземе на границе с суглинками. Культурный слой, мощностью до 1,2 м, менее насыщенный в верхних

¹ Молдавская экспедиция, организованная ИИМК АН СССР и Молдавским филиалом АН СССР, проводилась под моим руководством.

² Раскопки на раннетрипольском поселении у Солончены I проводились в 1952 г. Т. С. Пассек и в 1953 г. Т. Г. Мовша — см. Т. С. Пассек, Итоги работ в области первобытной археологии на территории Молдавии, «КСИИМК», 56, М. 1954. Т. Г. Мовша, глинобитное жилище раннетрипольского поселения у с. Солончены I. «Изв. Молд. филиала АН СССР», № 5 (25), 1955 г.

³ С. Н. Бибииков, Раскопки у сс. Журы и Попенки, КСИИМК, 56, М. 1954 г.

⁴ Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, «Изв. Молд. фил. АН СССР», № 5 (25), 1955 г.

⁵ Т. С. Пассек. Итоги работ в области первобытной археологии на территории Молдавии. КС ИИМК, 56, М. 1954; ее же, Некоторые итоги работ в Молдавии в 1955 г. КСИИМК, 70, М., 1956.

⁶ Э. А. Рикман, Раскопки у с. Солончены, КСИИМК, 68 М., 1956.

⁷ Поселение было открыто местным краеведом В. И. Маркевичем. В раскопках Молдавской экспедиции 1954 г. у Голеркан, приняли участие А. И. Мелюкова, И. К. Свешников, студенты МГУ З. Кусургацева, Г. Никитина, Е. Симонова, С. Студзика, В. Титов и др.

горизонтах и более насыщенный — в нижних, дал находки обожженной обмазки, фрагментов керамики, угольков, золы, костей животных, скоплений створок раковин *Unio* и т. д. Зачистка берега почти на всем пространстве залегания культурного слоя дала возможность вести наблюдения над остатками ям-землянок, глинобитных и каменных выкладок. Подъемный материал, собранный на поселении в процессе разведок, указывал на существование у Голеркан разновременных поселений. Сделанные находки, прежде всего керамика, датировались ранне-трипольским, скифским и славянским временами. В 1954 г. на месте поселения было заложено 5 больших раскопов, прилегавших друг к другу, вдоль берега Днестра, и две траншеи вглубь поселений, вскрывших в общей сложности площадь свыше 504 кв. м¹. Повсюду раскопки были доведены до материка (до 2,5—3 м глубины). Сверху шел гумус — 0,45 м; затем чернозем с коричневатым суглинком — 1,5 м и ниже светлый суглинок — 0,3—0,5 м. Во всех раскопках были вскрыты культурные остатки, позволяющие отнести поселение к 5 различным хронологическим периодам: ранне-трипольскому, поздне-трипольскому, эпохи бронзы, скифскому и славянскому. К сожалению, в раскопках не удалось наблюдать четкой стратиграфии культурных наслоений, но все же была прослежена последовательность в залегании более ранних и более поздних комплексов находок и сделаны наблюдения о соотношении между ними².

Раскопками 1954 года установлено, что древнее поселение с. Голерканы было обитаемо человеком в различные эпохи, начиная с начала III тысячелетия до н. э., вплоть до X—XII вв. н. э.

Так, при снятии верхних горизонтов культурного слоя на всей вскрытой площади обнаружили фрагменты толстостенных горшков с грубой примесью крупнозернистого песка и с волнистым орнаментом у основания плечиков и на стенках, датируемых славянским временем X—XII вв. К славянскому же времени должны быть отнесены и обнаруженные на поселении остатки землянок с печами-каменками. Всего у Голеркан открыто 5 славянских землянок³. Некоторые из них разрушены обвалами берега Днестра. Все они имели почти правильную прямоугольную форму. Так, например, одна из славянских землянок (3,55 × 2,60 м) была прослежена в светлых суглинках в раскопе IV. Дно ее неровное находилось на глубине 2,40 м от современного уровня. Землянка (№ 1) была ориентирована по длине с северо-востока на юго-запад. Ее северная часть была уничтожена береговым обрывом. В северо-западной части ямы вскрыты остатки сильно разрушенной печи-каменки в виде завала камней разной величины. Под завалом найдены сильно обожженные камни, угли и фрагменты славянских толстостенных горшков с волнистым орнаментом.

В соседнем раскопе V — славянская землянка (яма № 4) в плане имела почти правильную четырехугольную форму (3,25 × 2,35 м). Северо-восточная стенка ее разрушена обвалами берега. Она ориентирована с северо-запада на юго-восток. Стенки ямы были вертикальными, дно ее неровное, находилось на глубине 2,45 м в светлых суглинках. На дне, почти в середине ямы, обнаружен развал камней печки-каменки. Оче-

видно большая часть печи была разрушена вместе с северо-восточным краем землянки. Кроме камней от печи сохранилась еще часть глинобитного пода. Глиняная обмазка пода печи лежала на дне ямы. На обмазке имелся толстый слой золы с углем. При разборке камней развала печи были найдены фрагменты славянского горшка с волнистым орнаментом.

Совершенно очевидно, что подобные ямы представляли собой остатки жилищ земляночного типа. Об этом свидетельствуют и правильная форма ям, и их большие размеры, и наличие печей-каменок.

В раскопе II на неровном дне ямы (№ 1) — землянки¹, развал камней печи-каменки занимал площадь 3 × 2 м, причем после снятия крупных камней под ними оказалась углистая прослойка в виде пятна, по краям которого шла полоска из золы. После расчистки прослойка угля и золы обнаружено пятно докрасна обожженной и утрамбованной обмазки пода печи. Возле пода в развале камней найден грубый славянский горшок с волнистым орнаментом.

Более подробно наблюдать устройство печей-каменок в Голерканах удалось в траншее 1, где печь-каменка (№ 1), обнаруженная на глубине 1,70—1,80 м, представлялась в виде большого нагромождения мелких камней (площадь скопления 1,0 × 1,60 м), под которым лежали более крупные. Восточная сторона скопления представляла собой правильно выложенную кладку, сохранившуюся нетронутой в основании печи. В южной стороне — несколько плит известняковых камней стояли вертикально, видимо являясь частью стены печи. Под развалом камней обнаружена прослойка угля и золы. Ниже под углем и золой найден слой докрасна обожженной глины — под печи. На уровне пода самые нижние камни, обнаруженные на дне землянки², лежали в один ряд в форме подковы, причем отверстие ее было обращено на север. Видимо, эти камни представляли собой основание стен печи-каменки, построенной на материковом суглинке. Об устройстве этой печи-каменки в жилище полуземляночного типа можно предположительно сказать, что стены печи были сложены из крупных камней, свод же ее мог быть глинобитным с большим количеством мелких камней. Под печи был сильно прокален и представлял собой докрасна обожженную глину, на которой находилось скопление угля и золы.

Устройство другой печи-каменки (№ 2) в траншее 1 примерно такое же, но лучше сохранились стенки, выложенные прямо на материковом суглинке из крупных камней, поставленных с наклоном внутрь, так что они образовывали низ свода печи. Топка была обращена на северо-запад. Верх печи, вероятно, сделан из глины и мелких камней.

В обеих печах-каменках под развалами камней обнаружены фрагменты грубых горшков с волнистым орнаментом, позволяющих датировать жилище полуземляночного типа с печью-каменкой славянским временем.

Все эти данные позволяют говорить о существовании у Голеркан славянского селища X—XII вв.

В процессе раскопок в культурном слое поселения с. Голерканы обнаружено немалое количество фрагментов местной керамики скифского времени, а также остатки ям хозяйственного назначения, очагов, каменных выкладок³ и т. п. Интересные остатки этого времени были обнаружены в раскопе I, где с достаточной четкостью на глубине от 0,60—1,80 м, мо-

¹ Раскопки производились с применением бульдозера, снявшего слой покрывающей почвы на глубину 0,70—0,80 м. Далее раскопки велись ручным способом.

² Снятие земли в процессе раскопок велось в пределах штыков (0,15—0,20 м).

³ Славянские землянки с печами-каменками были открыты в раскопах II, IV, V и в траншее I. — см., Т. С. Пассек, Отчет о раскопках Молдавской экспедиции в 1954 г. Архив Молд. филиала АН СССР.

¹ На глубине 2,40 м.

² На глубине 2,20 м.

³ Яма хозяйственного назначения, каменные выкладки скифского времени были открыты в раскопах I, II, III и в траншее I. См. Т. С. Пассек, Отчет о раскопках Молдавской экспедиции за 1954 год (Архив Молдавского филиала АН СССР)

жет быть выделен культурный слой, содержащий сосуд скифского времени с валиком по краю и с упорами-ручками, кости животных, уголь, отдельные камни. На этой же глубине залегла кладка из известняковых камней. Кладка проходила у края обреза берега длиной 5,8 м, шириной до 1,30 м; толщина кладки — 0,50 м. Камни крупные, часто в форме плит (0,3 × 0,4 м) как бы обрамляли центральную часть, состоящую из более мелких камней. Непосредственно под камнями в разрезе была заметна сильно разрушенная глиняная обмазка. Трудно определить назначение этой каменной кладки. Подобные каменные кладки стен жилищ известны на городищах у племен позднескифского времени, например, на городище у с. Выхватинцы.¹ Но здесь, в Голерканах, эта кладка, проходившая непосредственно у берега и вдоль его, служила, видимо, стеной, укреплявшей берег Днестра, предотвращая его от оползней.

В этом же раскопе в его юго-западной части также прослежена каменная кладка из довольно мелких известняковых камней, тянувшаяся на протяжении 5 м. Мелкие камни были уложены правильной кладкой, производя впечатление вымостки улицы на поселении позднескифского времени.

Основной материал, полученный в этом раскопе, составляет керамика скифского времени, датируемая IV—III вв. до н. э. На некотором расстоянии от раскопа, ниже по течению Днестра, в раскопе III были сделаны наблюдения над наименее потревоженным культурным слоем скифского времени, где были обнаружены пять ям хозяйственного назначения, остатки двух очагов и печи.

Остатки двух открытых очагов² встречены в культурном слое на глубине 1,20—1,30 м в коричневатом суглинке, в виде скопления глиняной обмазки, под которой была обнаружена площадка из правильно, горизонтально лежащих глиняных вальков и плиток. Площадка имела в плане неправильную форму размерами 1,20—1,60 м × 0,60 м — 0,80 м. Глиняные вальки были довольно больших размеров (0,20 × 0,10 м), глина вальков плотная с примесями белых частиц извести и соломы. Вальки лежали на слое тонкой глиняной обмазки; вальки и обмазка сильно обожжены. Земля и камни, находившиеся под обмазкой, имели следы огня. Наиболее правильно считать, что описанная площадка представляет собой остатки разрушенного очага.

Другая вымостка и скопление обмазки³ (2 м × 1 м) из обожженной глины — овальная в плане площадка, состояла из небольших плит известняка обмазанных тонким слоем глины, носившей следы действия огня. С одной стороны площадку ограничивала оградка, сделанная из глиняных вальков. Под камнями вымостки находился слой сильно прокаленной земли толщиной до 0,20 м. В отличие от вышеописанной площадки эту каменную вымостку следует, видимо, считать подом печи, а не открытого очага. Об этом свидетельствует наличие мощного завала глиняной обмазки, покрывавшего каменную вымостку, а также глиняная оградка, не встреченная в открытых очагах. Среди обмазки имелись куски с отпечатками прутьев. Это дает основание предполагать, что свод печи имел каркас, сделанный из прутьев и обмазанный затем толстым слоем глины.

¹ На городище позднескифского времени у с. Выхватинцы, Рыбницкого р-на, МССР раскопки велись под руководством А. И. Мелюковой в 1952 г. См. А. И. Мелюкова, Отчет о раскопках отряда скифской археологии Молдавской экспедиции в 1952 г. (Архив Молд. филиала АН СССР).

² Скопление обмазки № 1 и № 2 в раскопе III.

³ Скопление обмазки № 3 в раскопе III.

При разборке остатков очагов и печи было найдено большое число фрагментов лепной керамики скифского времени IV—III вв. до н. э., известных в Молдавии, и стенки греческих амфор, того же времени.

В непосредственной близости от очагов и печи обнаружено 5 ям, овальной формы¹. Ямы выкопаны в слое светло-желтоватого суглинка. Стенки ям были почти вертикальными или слегка наклоненными внутрь так, что ямы несколько сужались ко дну. Дно ям находилось на глубине от 2,05 — до 2,65 м и было неровным. Заполнение ям составлял обычно серовато-коричневый суглинок с небольшим количеством фрагментов керамики скифского времени. Ямы № 1, 2, 4 и 5 располагались вблизи печи и, видимо, существовали одновременно с печью и имели какое-то хозяйственное назначение. Заполнение одной из ям (№ 3) составлял золистый слой с угольками и мелкими кусочками обмазки. Наибольшее количество золы лежало на дне ямы (на глубине 2,45 м). В слое обнаружено большое количество фрагментов керамики скифского времени, обломки стенок греческих амфор и кости животных. Судя по заполнению эту яму (№ 3) следует считать мусорной; в нее сбрасывались зола и угли от очагов, разбитая посуда, пищевые отбросы.

Подобные ямы хозяйственного назначения датируемые IV—III вв. до н. э. были встречены и в других раскопах у Голеркан². Основной материал, обнаруженный в культурном слое скифского времени, на поселении у Голерканы (на глубине от 1,60 до 1,80 м) — керамика. Среди нее преобладает местная, лепная посуда, сделанная из глины с примесью шамота. Большинство сосудов имеет желтовато-коричневые, серовато-коричневые или желтые поверхности, хорошо заглаженные или слегка лощеные. Изредка встречаются фрагменты чернолощеной посуды.

Что касается форм лепной керамики, то наиболее обычными являются баночные сосуды, имеющие слегка выпуклые бока. Часто эти сосуды по туловищу украшались налепными валиками с пальцевыми защипами или рядом ямок, сделанных нажимом пальца. Реже встречается орнамент в виде бугорков, круглых или сосковидных налепов. Обычно на стенках этих сосудов имелись полукруглые горизонтально расположенные ручки-упоры.

Наряду с баночными горшками встречались фрагменты сосудов с невысокой шейкой и выделенным туловищем. Небольшое количество фрагментов принадлежит сравнительно хорошо лощеным сосудам, имевшим высокое горло, относящихся, очевидно, к керамике типа корчаг, найденным Г. Д. Смирновым при раскопках городища у с. Бутучены. Довольно большое количество фрагментов представляли миски, имевшие слегка наклонный или загнутый внутрь край и плавно сужающееся ко дну туловище. Несколько обломков принадлежит небольшим кувшинам. Встречаются также фрагменты плоских крышек. Весь комплекс форм местной лепной посуды близок к керамике Выхватинского городища и других памятников Молдавии IV—III вв. до н. э.

В Голерканах кроме местной скифской посуды в культурном слое найдены фрагменты греческих амфор, представляющих обычные находки на городищах и поселениях Молдавии IV—III вв. до н. э.

Особый интерес вызывает нахождение на поселении у с. Голерканы в культурном слое на всех раскопах материалов, главным образом, керамических, предскифского времени, эпохи поздней бронзы.

Наибольшее внимания в связи с этим заслуживает раскоп IV, где при расчистке одной из раннетрипольских ям полуземлянок (№ 1-а),

¹ Размеры ям — 1,25 × 0,80 м (№ 1); 1,10 × 0,80 м (№ 2); 1,80 × 2,60 м (№ 3); 2,40 × 1 м (№ 4); 1,60 × 0,40 м (№ 5).

² В раскопе II и в траншее I.

имевшей форму неправильного прямоугольника (3,2 м × 2,15 м) и доходившей до 2,5 м глубины, в ее северо-западной части обнаружено скопление фрагментов серолощенной керамики, относящихся к позднебронзовой эпохе. Возле них остатки небольшого очага. Это дает некоторое основание для предположения, что северо-западная часть раннетрипольского жилища полуземляночного типа (яма № 1-а) была разрушена в эпоху бронзы ямой, врезавшейся в раннетрипольскую землянку¹.

В раскопе 1 при наблюдении над залеганиями отдельных горизонтов в культурном слое наибольшее число фрагментов серолощенных сосудов эпохи бронзы было найдено в культурном слое на глубине 1,60—1,80 м, непосредственно под выкладкой из мелких камней скифского времени.

На той же глубине в основном были найдены фрагменты тонкостенных чернолощенных и серолощенных чаш, относящихся к эпохе бронзы в раскопах II, III и в траншее. Среди них особенно выразительным является часть сосуда этого типа, украшенного тремя горизонтальными прорезанными линиями по шейке и короткими вертикальными резными линиями по наиболее широкой части туловища. Ручка этого сосуда, судя по сохранившейся части, была довольно широкой и имела форму петли (рис. 1—1). Обломки петельчатых ручек были найдены и в других раскопах на поселении (рис. 1—3—5).

К эпохе бронзы, вероятно, следует относить и обломок каменного сверленного топора (раскоп III) (рис. 1—9). Обломок топора был вторично использован, так как поверхность излома стерта. В раскопе V многочисленные обломки керамики эпохи бронзы принадлежали небольшим лощеным чашам того же типа, что и найденные в других раскопах. Кроме них было найдено несколько фрагментов больших чаш с широким слабо отогнутым венчиком, фрагмент лощеного сосуда с высоким горлом и довольно широким плоским краем, украшенным резными линиями, фрагмент сосуда с широким округлым телом с орнаментом в виде прямоугольного выступа.

Интересную находку в раскопе V представляет бронзовая булава с головкой в виде усеченного конуса (рис. 1—2). Она принадлежит к булавам того типа, которые были широко распространены в Средней Европе в период средней и поздней бронзы. Это дает основание для датировки слабо выраженного слоя поселения эпохи бронзы у с. Голерканы.

Несмотря на малое количество керамических находок эпохи бронзы, сделанных на поселении у Голеркан, все же они заметно отличны от наиболее древней предскифской керамики, известной на территории Молдавии (например, от керамики из могильника и поселения у с. Шолданешты)². Это сосуды в своем большинстве серые, коричневатые-серые, иногда серо-черные, превосходного лощения, иногда с углубленным и каннелированным орнаментом.

Наиболее характерны отделка поверхности, а также форма сосудов с одной или двумя ручками. Ручки ленточные, довольно широкие, плоские в сечении, обычно начинаются от основания плечиков и соединяют его с верхом края сосуда, часто значительно над ним поднимаясь, образуя небольшие уступы, верх края уплощен; найдены фрагменты чаш с плоским загнутым краем, ковши с высокоподнимающейся ручкой, сосуды с наlepным валиком. Подобная посуда была найдена на поселении

Рис. 1. Находки из культурного слоя поселения эпохи поздней бронзы у с. Голерканы

¹ Позднее в свою очередь обе землянки частично были уничтожены славянской землянкой с печью-каменкой.

² В. И. Маркевич, Археологические памятники в бассейне нижнего течения р. Черна, Известия Молдав. филиала АН СССР, № 5 (25), 1955 г.

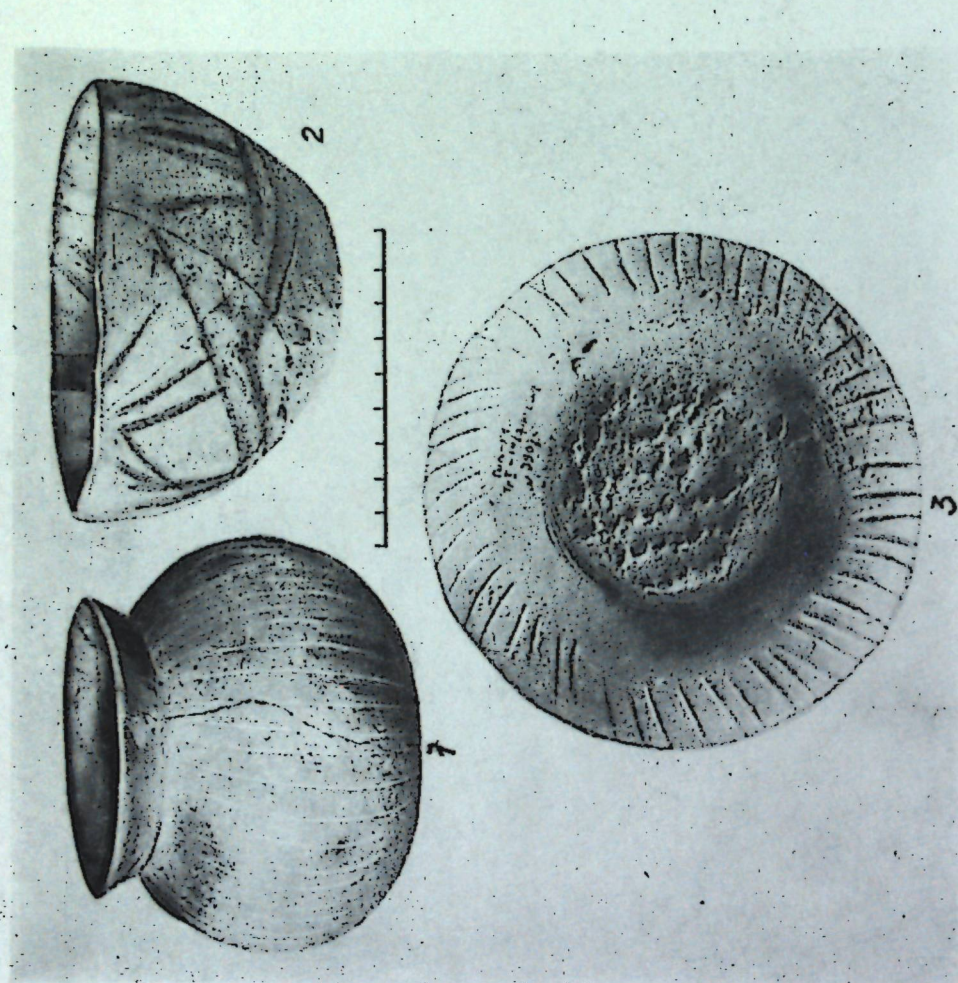

Рис. 2. Керамика из позднетрипольского могильника у с. Голерканы. 1—3 сосуда из погребения № 1. Сосуд из массы с примесью толченых раковин (1 и 3); днище этого сосуда с отпечатками ткани (3); чаша с черной и красной росписью (2).

в Голерканах ниже культурного слоя скифского времени, но выше более древнего слоя раннетрипольского времени.

Наряду с посудой, которую, безусловно, следует датировать эпохой бронзы, ее поздним периодом, на раскопе V обнаружена бронзовая булава с головкой в виде усеченного конуса, украшенная нарезными полосками по стержню. Датировать эту булаву, по аналогии с известными бронзовыми булавами этого же типа в Средней Европе, следует периодом поздней бронзы, то есть временем начала первого тысячелетия до нашей эры. Таким образом, бронзовая булава позволяет в настоящее время датировать и всю керамику бронзовой эпохи в Голерканах началом I тысячелетия до н. э. (X в. до н. э.), то есть временем более древним, чем памятники предскифского времени, типа могильника и поселения у Шолданешты, датируемых VIII в. до н. э.¹

Таким образом, постепенно вскрывая культурный слой на поселениях у с. Голерканы, мы вели изучение различных культурных комплексов находок, свидетельствующих, что первая надпойменная терраса Днестра у с. Голерканы была неоднократно заселена в различные периоды. Культурный слой славянского и скифского времени, эпохи бронзы и раннетрипольского периода был обнаружен не только вдоль берега Днестра, но, как показали раскопки двух траншей (I и II), он идет вглубь первой террасы. Интересно, что в эпоху раннего металла в позднетрипольский период в этой части поселения у Голерканы находился бескурганый могильник. Здесь (в траншее I) открыто три сильно разрушенных погребения с позднетрипольской керамикой.

Погребение № 1 обнаружено на глубине 1,80 м. При зачистке появились 2 сосуда — один целый, от другого — нижняя часть. Первый из них — чаша из розовой массы с росписью черной и красной красками позднетрипольского периода (рис. 2—2), второй — нижняя часть тонкостенного сосуда того же времени, из массы с примесью мелко толченых раковин.

При дальнейшей зачистке был найден детский костяк, лежавший на глубине 1,85—2 м в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток, ноги согнуты в коленях; в голове стояли оба вышеописанных сосуда. Третий сосуд шаровидной формы также из массы с мелко толчеными раковинами и с углубленным орнаментом стоял на ногах покойника, на днище сосуда отпечатки ткани (рис. 2—1 и 3).

Погребение было плохой сохранности, фаланги рук, ног и мелких костей не сохранились. Череп распался на части. Контуры могильной ямы, слабо прослеженные на уровне костяка, оказались неправильно овальными (размеры могильной ямы 0,95 × 0,90 м).

Погребение № 2 обнаружено на юг от погребения № 1, на расстоянии 2,10 м, на глубине 2 м, где были заметны контуры могильной ямы. Здесь же несколько выше на глубине 1,40 м при снятии земли найдены плитки мелкозернистого камня. При дальнейшей зачистке в сильно разрушенном состоянии найдены кости человека и около — фрагменты чаш из розовой массы с росписью черной и красной краской позднетрипольского периода. Контуры могильной ямы овальной формы едва были уловлены.

Погребение № 3 обнаружено при зачистке дна траншеи на глубине 2—2,27 м; сохранились отдельные фаланги пальцев руки, зубы, часть трубчатых костей человека. Здесь же стоял раздавленный сосуд с прямым венчиком, без орнамента, с коричневатой лощеной поверхностью. И кости, и сосуд погребения № 3 относятся к позднетрипольскому времени.

¹ А. И. Мелюкова, см. статью в настоящем выпуске.

Открытие у с. Голерканы, после Выхватинского, второго на территории Молдавии, позднетрипольского могильника представляет большой научный интерес. И по керамике и по обряду погребения бескурганый могильник у с. Голерканы аналогичен могильнику у с. Выхватинцы и датируется тем же временем — первой четвертью II-тысячелетия до н. э.

Ниже на Днестре у с. Раскойцы недавно был открыт подобный же могильник¹.

Наиболее богатый материал у с. Голерканы обнаружен в процессе раскопок в нижних горизонтах культурного слоя, относящегося к ранне-трипольскому периоду. Еще в самом начале разведки у с. Голерканы и подъемный материал, собранный на поселении, а позднее и зачистка культурного слоя вдоль берега позволили установить, что родовой поселок раннетрипольских племен занимал на первой надпойменной террасе Днестра значительное пространство. Поселение тянулось вдоль берега более чем на 100 м, а по данным двух разведочных траншей, заложенных для выяснения границ культурного слоя на поселении, распространялось и вглубь от берега примерно на 30—40 м. В древнее время поселение должно было быть еще большим, так как со стороны реки несомненно уже давно шло разрушение берега и культурных остатков древнего поселения. Во всех пяти раскопах у Голеркан ненарушенный культурный слой раннетрипольского периода и связанные с этим временем жилые и хозяйственные постройки были открыты в основном на глубине 1,70—2,2 м, ниже горизонта эпохи бронзы и скифского². После снятия земли до глубины 1,70—1,80 м на всем пространстве раскопок производилась неоднократная зачистка светлых суглинков и на фоне их выявлялись более темные очертания в виде пятен — ям полуземлянок и ям хозяйственного назначения.

Наиболее интересными и лучше сохранившимися оказались участки раннетрипольского поселения, вскрытого в раскопах IV и V, где обнаружено было 13 ям различного назначения³.

Так в раскопе IV, начиная с глубины 1,85—2 м, была произведена зачистка всех 4 ям и выборка земли в границах пятен (рис. 3). Пятно ямы № 1 имело прямоугольную форму, размером 2 м × 4 м, и ориентировано с юго-востока на северо-запад. Северо-восточный край пятна срезан береговым обрывом. С восточной стороны было заметно второе пятно. В этом пятне обнаружено значительное количество кусков обмазки, фрагментов раннетрипольской керамики. В северо-западной части пятна ямы № 1 находился завал из камней разной величины.

Предварительная зачистка на глубине 2,2 м (от современного уровня) пятна ямы № 1, а также завала камней в ее северо-западной части и глинобитной обмазки в юго-восточной части пятна, показала, что пятно (2 м × 4 м) ямы № 1 разделяется по своим очертаниям на два пятна. Одно из них (с завалом из камней) в северо-западной части обозначается нами, как яма № 1, и датируется, как выяснилось позднее, славянским временем, и другое (с глинобитной обмазкой) в юго-восточной части — как яма № 1/а, раннетрипольского периода.

¹ Т. С. Пассек, Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре. Изв. Молд. филиала АН СССР, № 5, Кишинев, 1955 г.

² К сожалению, почти повсюду этот раннетрипольский слой был разрушен более поздними сооружениями, возникшими на поселении в эпоху бронзы, в скифское и славянское время.

³ Всего в раннетрипольском горизонте во всех раскопах на поселении у с. Голерканы в 1954 г. открыто 20 ям — полуземлянок и ям хозяйственного назначения и остатки двух глинобитных жилых построек. См. Т. С. Пассек, Отчет о работах Молдавской экспедиции в 1954 г. (Архив Молд. филиала АН СССР).

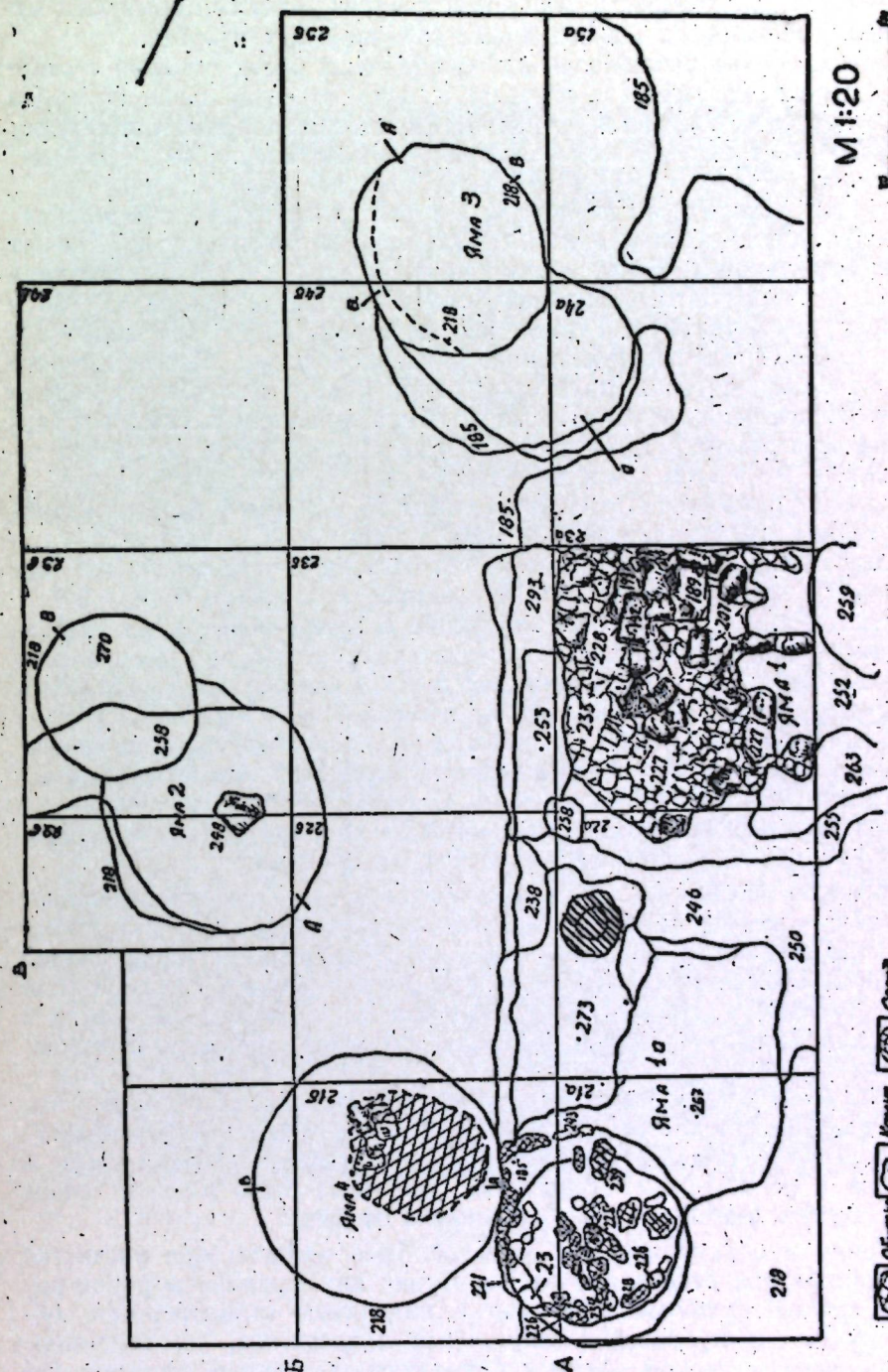

Рис. 3. Раннетрипольское поселение у с. Голерканы. Сводный план раскопа IV.

В южной части раннетрипольской ямы (№ 1-а) вскрыт развал глинобитной печи округлой формы — диаметром 1,60 м. Интересно, что стенки печи сохранились до высоты 0,28 м, считая от уровня пода печи. Под глинобитный сохранился только в нескольких местах, возле стены (в зап. части). Внутренность печи была завалена кусками обмазки с отпечатками (большого и малого диаметра) округлых прутьев.

В одном случае наблюдался куполообразный кусок обмазки с отпечатками перекрещивающихся прутьев, видимо от свода печи. От свода же печи найдены фрагменты обмазки с примесью полове, слабого обжига, довольно тонкие (2 см толщиной), напоминающие части от больших сосудов:

За печью в южной части ямы № 1-а находилось на уровне пода небольшое углубление (размером 0,75×0,75 м), на глубине до 2,30 м (от современного уровня). Северо-западная часть ямы № 1-а представляла собой ряд углублений неправильной формы, местами глубиной до 2,50 м (от современного уровня). У западной части ямы № 1/а заменен след пода печи или очага в виде сильно обожженной глины, возле которого вскрыта небольшая яма (диаметром около 0,30 м и глубиной около 2,40 м от современного уровня). Яма эта была заполнена песком и угольками. Непосредственно возле пода найдена нижняя часть большого сосуда, вкопанного в этом месте в землю.

Северная и северо-западная части ямы № 1/а имели форму неправильного прямоугольника размером 2,25×1,25 м.

Окончательная расчистка ямы № 1/а позволила установить, что она имела форму неправильного прямоугольника размером около 3,2 × 2,15 м и была ориентирована по длине с северо-востока на юго-запад. Северо-западная часть ямы представляла собой ряд неправильной формы углублений доходивших до 2,5 м.¹ В южной части ямы № 1/а вскрыты остатки раннетрипольской глинобитной печи округлой формы диаметром 1,50 м (рис. 4 и 6). Печь была вылеплена из глины на каркасе из прутьев и имела куполообразную форму. Под печью находилась яма. Стенки печи сохранились в высоту до 0,28 м, считая от уровня пода. Под сохранился только на относительно небольших участках; его поверхность ровная, обратная сторона с отпечатками прутьев.

Материалы, найденные среди завала печи и в яме под ней, позволяют отнести этот памятник к раннетрипольскому времени. Сохранившиеся плитки пода имели неправильную форму, а их размер не превышал 0,15—0,20 м. Диаметр прутьев отпечатывавшихся с нижней стороны пода не превышал 0,03 м. Ниже уровня пода залегал слой черной земли с культурными остатками (кости, керамики, кремь), доходивший толщиной до 0,20—0,22 м.

На глубине 2,32 м от современного уровня находилось дно ямы, над которой была построена печь. Яма имела в плане форму правильного круга и отвечала размерам печи. Ее стены были вертикальными и переходили в обожженные стены печи. Дно ямы было ровным, очень сильно выбитым (засыпка легко отделялась от дна).

Особенно много культурных остатков было найдено при расчистке завала глинобитной печи в яме № 1/а. Среди них фрагменты раннетрипольской грубой кухонной керамики с пальчатым сглаживанием, обломки сосудов с углубленным спиральным орнаментом, тонкостенная посуда из серой и черной массы с каннелюрами, хорошо лощеная. На некоторых фрагментах с углубленным орнаментом имеется покраска

¹ Некоторое количество фрагментов керамики, найденных в виде скопления в этой части ямы, как уже указывалось выше, относятся к позднебронзовой эпохе.

Рис. 4. Развал (1) и под (2) печи в яме № 1/а на раннетрипольском поселении у с. Голерканы. Раскоп IV.

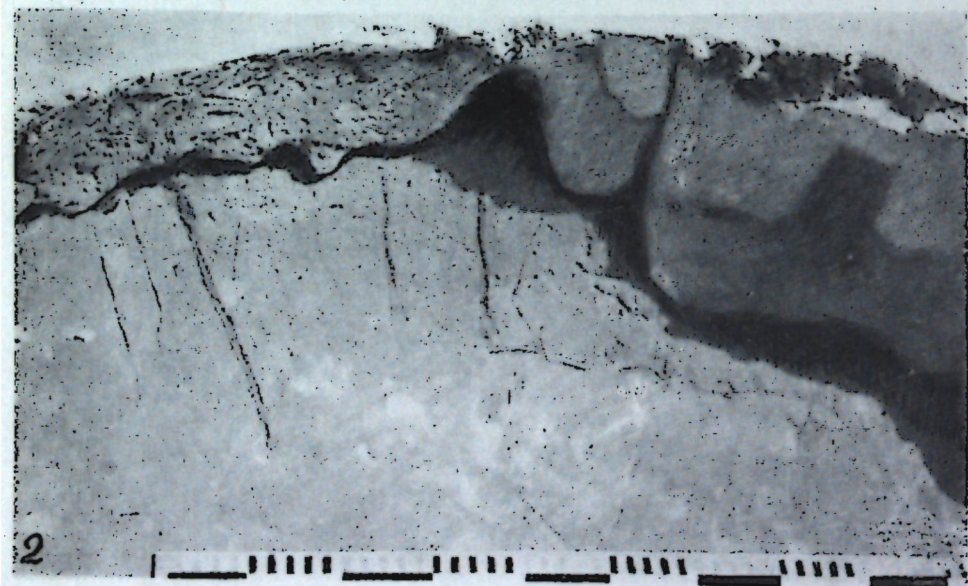

Рис. 5. Хозяйственная яма № 4, обмазанная глиной, из раннетрипольского поселения у с. Голерканы. Раскоп IV.

красной краской в пространствах между лентами. Кроме керамики сделаны находки костей животных, кремневых отщепов, и пластин, кусков обработанного рога; интересны находки ручки ковши с зооморфной головкой и миниатюрного сосуда с каннелюрами.

Интересна и яма № 2, обнаруженная частично у юго-западной стенки раскопа IV. Ее пятно при зачистке на глубине 2—2,2 м было полукруглой формы. Окончательной расчисткой ямы установлено, что она имела форму неправильной восьмерки и была ориентирована длинной осью по линии восток-запад. Восточная часть ямы была неправильных овальных очертаний и углублена на 2,37 м от современного уровня. Западная часть ямы имела форму правильного круга в 1 м диаметром и была углублена на 2,5 м от современного уровня. Ее дно было сильно утрамбовано.

Яма имела, видимо, хозяйственное назначение и позднее была использована, как мусорная, о чем свидетельствует заполнение ее западной части, состоявшего из черной земли и фрагментов раннетрипольской керамики, кусков обмазки, пепла, обломков роговых орудий, женских поломанных статуэток. Обмазка найдена, главным образом, в верхних слоях земли, заполнявших яму; она обнаружена отдельными кусками и не составляла сплошного слоя или какой-либо конструкции. Не доходя 10 см до дна ямы, прослеживалась тонкая прослойка пепла (около 0,02 м толщиной), почти без культурных остатков.

В верхних слоях земли, заполнявшей западную часть ямы № 2, найдены: костяные поделки, костяное острие с небольшой втулкой, заготовка роговой мотыги, костяная проколка, костяное острие со втулкой и сквозной сверлиной сбоку, сидячая женская статуэтка с отбитой головой. Здесь же найдено много фрагментов раннетрипольской керамики, в том числе раздавленный большой кухонный сосуд. Среди кремневых изделий — пластины, скребки, нуклеусы и большое количество кремневых отщепов. Найдены кости животных и рыб.

Яма № 3, обнаруженная при зачистке раскопа IV на глубине 2—2,20 м, имела неправильную форму и была ориентирована длинной осью по линии восток-запад (размеры: 2,45 м × 1,35 м). Восточная часть ямы, углубленная на 2,35 м от современного уровня, образовала как бы ступеньку в форме полумесяца. Западная часть ямы имела круглую форму (диаметр 1,65 м). Она была углублена на 2,90 м от современного уровня земли. В южной стороне западная часть ямы № 3 уходила возле дна в стену небольшим подбоем.

Дно западной части было ровным. На нем лежало несколько камней разной величины и кусок рога оленя. Яма была заполнена черной землей, значительным количеством раннетрипольской керамики и костей животных. Найдены также створки раковин.

Среди находок следует отметить обломки роговых мотыг, сланцевый топор, костяную проколку, кремневые нуклеусы, пластины, отщепы и осколки кремня. Наряду с грубой кухонной керамикой найдены сосуды с каннелюрами и с углубленным орнаментом. Часть пространства между лентами спиралей покрашена красной краской.

Яма № 4, обнаруженная в процессе окончательной зачистки площади раскопа IV на глубине 2,20—2,40 м, была заполнена черной землей, на фоне коричневатых суглинков. При зачистке удалось заметить, что пятно ямы окаймлено тонкой просушенной желтой материковой глиной.

Яма № 4 имела форму правильного круга диаметром 1,85 м и находилась возле печи ямы № 1/а. В средней части стенок ямы образовался небольшой подбой, благодаря чему стены имели дугообразную форму. Дно ямы находилось на глубине 2,5 м от современного уровня и было

наиболее углублено в центре¹. При зачистке удалось заметить, что стены ямы обмазаны тонким слоем сильно просушенной желтой материковой глины, толщиной 0,05 м (рис. 5).

Обмазка стен ямы № 4 была наложена на стены кусками разной формы, между которыми иногда прослеживались небольшие щели. Слой обмазки был затем просушен на солнце или при помощи обжиги.

Дно ямы не было обмазано и представляло собой сильно выбитый слой материковой глины, в которой была выкопана яма. Яма № 4 была заполнена черной мешаной землей, в которой найдены фрагменты раннетрипольской керамики, кости животных, кремневые отщепы, нуклеусы, обломок каменного топора, заготовка каменного клиновидного топора, обломок роговой мотыги, костяная проколка. Можно предполагать, что яма № 4 служила для хранения запасов.

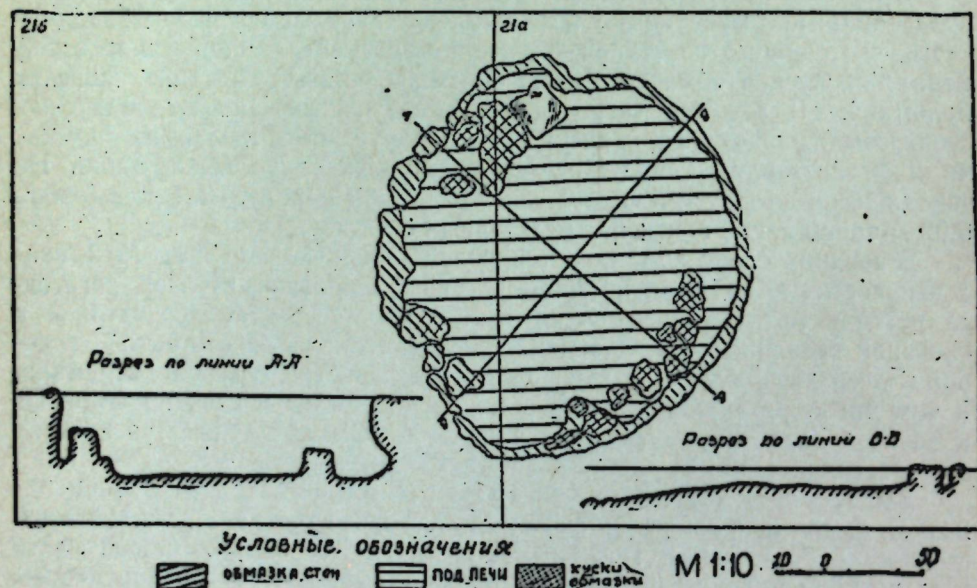

Рис. 6. Раннетрипольское поселение у с. Голерканы. Развал печи в яме № 1/а. Раскоп IV.

На площади раскопа IV вскрыто, таким образом, 4 ямы (1/а, 2, 3, 4) с культурными остатками, позволяющие отнести исследованные объекты к раннему этапу развития трипольской культуры.

Близкая картина наблюдалась на соседней площади раскопа V, где на глубине 1,80—1,90 м после снятия земли и зачистки, на фоне светло-коричневых суглинков грунта выявились пятна 9 ям (рис. 7). Часть из них (№ 1, 2, 3, 7) имела неправильную округлую форму, размерами до 2 м в диаметре и глубиной от 2 до 2,75 м. Стенки ям обычно вертикальные, в одном случае (яма № 3) на глубине 2 м имелся неширокий (шириной 0,30 м) уступ; в других (яма № 7) — стенки ямы несколько сужались ко дну.

Дно обычно ровное. Заполнение ям составлял гумированный слой с небольшим количеством культурных остатков — фрагменты раннетрипольской керамики, обломки костей животных, кремневые осколки, камни. В одной из ям (№ 3), кроме того, найдены сланцевый топорик, фрагмент костяной проколки, часть роговой мотыги.

¹ Максимальная глубина 2,62 м от современного уровня.

Другие, обнаруженные в раскопе V, ямы не были округлыми. Так яма № 6 имела в плане неправильную восьмеркообразную форму. Она была ориентирована по длинной оси в направлении с юго-запада на северо-восток. СВ край ямы был разрушен обвалом берега. Длина ямы по линии ЮЗ—СВ равна 4,10 м, наибольшая ширина ее в СВ части — 3,30 м, наибольшая ширина ЮЗ части — 1,70 м, СЗ стенка ямы была плавно покатой ко дну. ЮЗ стенка также плавно переходила в дно. Дно ямы было неровным.

В центральной и юго-восточной частях ямы имелось углубление округлой в плане формы диаметром около 2 м. Стенки этого углубления переходили в дно широкими неровными уступами. Наиболее глубокая часть его находилась в ЮВ половине, глубина ямы здесь достигала 2,93 м, от поверхности. В северной половине этого углубления находилась большая куча створок раковин Unio. Заполнение остальной части ямы составлял гумированный слой, в котором было обнаружено большое количество культурных остатков: кремневые наконечники дротика или стрелы, кремневый скребок на отщепе, кремневый концевой скребок, кремневый нож в виде тонкой пластины с двусторонней ретушью, глиняная женская статуэтка, поделка из клыка кабана, фрагменты лощеной раннетрипольской посуды и обломки грубой кухонной посуды. Помимо отмеченных находок, в заполнении ямы были обнаружены кости животных. Судя по размерам и форме, яма № 6 могла служить землянкой раннетрипольского времени.

Яма № 8 в плане имела также восьмеркообразную форму. Она была ориентирована по длинной оси с З на В с небольшим отклонением к северу. Длина ямы по этой линии равна 3 м. Диаметр восточной половины ямы равен 1,80 м. Диаметр западной — 1,30 м. Стенки восточной части ямы были наклонными внутрь. Дно ее, находившееся на глубине 2,28 м от поверхности, было покатым с востока на запад. Вторая, восточная половина ямы, была глубже первой, дно ее находилось на глубине 2,80 м. Яма ко дну становилась уже, диаметр ее на дне равен 1,40 м. Заполнение обеих половинок ямы составлял гумированный слой с небольшим содержанием культурных остатков. В слое были найдены фрагменты раннетрипольских сосудов и обломки костей животных.

На раскопе V основную массу находок как в слое, так и в ямах составляет раннетрипольская керамика. Она очень разнообразна по формам, орнаментации и характеру обработки поверхностей. Всю керамику можно разделить на три группы (рис. 8). В первую из них входит лощеная посуда серая или черная с каннелюрами. Она сделана из очень хорошо отмученной глины с мелкими примесями шамота. Поверхности ее имеют серый, желтоватый или черный цвет. Хорошее лощение покрывает чаще всю поверхность, реже лощение имеет место только на одной внутренней поверхности. Снаружи лощеная посуда обычно покрывалась орнаментом в виде каннелюр.

Вторая группа сосудов — с углубленным орнаментом. Углубления иногда сочетаются с каннелюрами и с узором, сделанным мелким зубчатым штампом; на стенках часто небольшие конические выступы, ряды неглубоких круглых ямок. Орнамент чаще всего составляют композиции из спиралей, кругов. Углубленные полосы в сочетании с заштрихованными треугольниками составляют основную систему орнамента. Каннелюры обычно неширокие и неглубокие. Часто каннелюрами сплошь украшается поверхность сосуда. Встречено несколько фрагментов сосудов, на поверхности которых кроме углубленного орнамента имеется еще красная покраска между полосами.

Из форм этих групп керамики особенно характерными являются со-

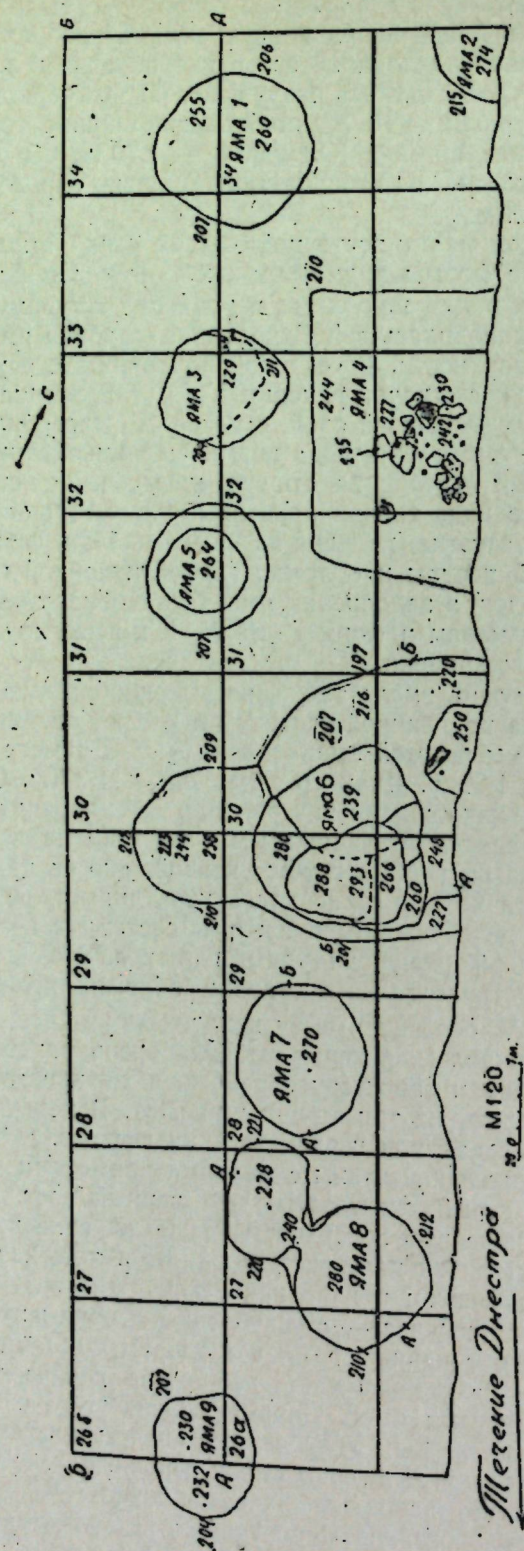

Рис. 7. Раннетрипольское поселение у с. Голерканы. План раскопа V.

Рис. 8. Керамика раннетрипольского поселения у с. Голерканы.

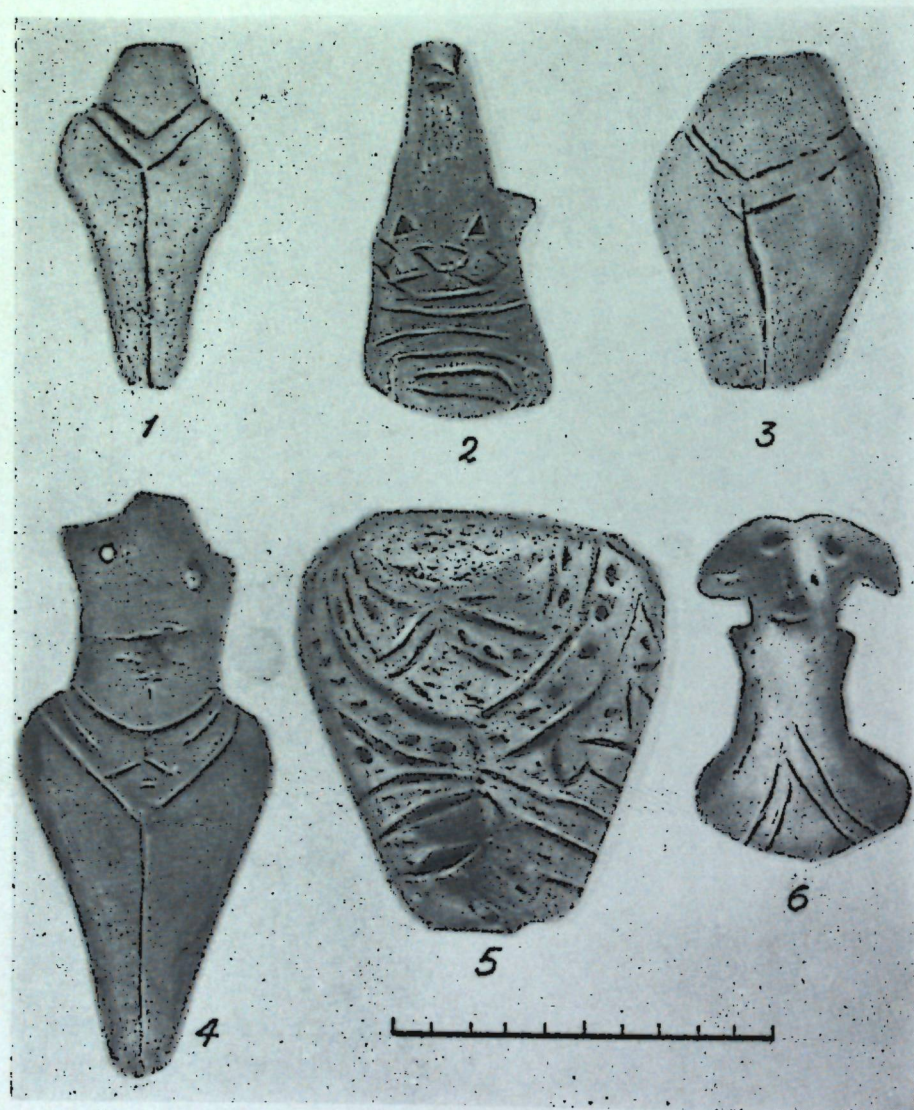

Рис. 9. Раннетрипольское поселение у с. Голерканы, 1—5 фрагменты глиняных статуэток; 6 — фрагмент глиняной головки животного.

суды с округлым телом, невысокой, слабо выделенной шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком. Наряду с ними имеются сосуды на высоком поддоне, а также с высокой шейкой, хорошо выделенными плечами и туловищем, резко суживающимся ко дну. Небольшое количество фрагментов принадлежит ковшам, имеющим полусферическое тело и прямую ручку (рис. 8—1, 2).

Третья группа кухонной керамики отличается от лощеной не только по менее тщательной обработке поверхностей, но и по составу глины. В массе кухонных сосудов содержится крупный шамот. Глиняная масса плохо промешана. Наружные поверхности шероховатые и только на крае сосуда снаружи и на внутренних поверхностях встречается слабое лощение. Наружные поверхности больших сосудов часто сглаживались пальцами, отчего остались неглубокие бороздки. Большинство сосудов имеет желтый или серовато-желтый цвет. Часто на шейках кухонных сосудов имеется орнамент в виде ямок, сделанных пальцем (рис. 8—5). Кроме этого узора, изредка встречаются невысокие налпы.

Наиболее обычной формой кухонной посуды являются высокие горшки со слабо выделенной шейкой, слегка отогнутой наружу.

Весь комплекс описанной керамики из Голеркан близок к керамике, происходящей с ряда других раннетрипольских поселений у с. Солончаны I (Резинского района МССР), у с. Берново-Лука (Кельменецкого р-на Украинской ССР), у с. Ленковцы (того же района), у с. Лука-Врублевская (Каменец-Подольской области) и других.

Среди керамических изделий в Голерканах встречены фрагменты глиняных статуэток с углубленным орнаментом (рис. 9—1—5).

В материале, происходящем из раскопа, довольно хорошо представлены орудия из кости и рога. Среди них имеются обломки крупных мотыжек из рога, части небольших роговых орудий с заточенным рабочим концом и круглым отверстием для крепления с рукоятью. Наряду с ними были найдены обломки костяных проколов, изделия из клыков кабана, костяной зубчатый штамп для нанесения орнамента (рис. 10).

Изделий из кремня и камня найдено немного. Среди них имеются — клиновидный сланцевый топорик, скребки на массивных отщепах, кремневый концевой скребок на удлиненной пластине, кремневый нож на пластине с ретушью на обеих гранях, кремневый листовидный наконечник стрелы. Кроме орудий были найдены кремневые отщепы и пластины, нуклеусы и массивные отбойники. Находки нуклеусов, отбойников и отщепов свидетельствуют о том, что кремневые орудия производились на месте.

Хозяйственные ямы раннетрипольского периода были обнаружены и на территории древнего поселения в глубине от берега. Так, в разведывательной траншее I одна из ям (№ 3) вскрыта при зачистке на глубине 2,27 м. Она округлая по своим очертаниям (размеры — 1,5×1,2 м, глубина дна 2,87 м) и близка к вышеописанным, но отличается от нее тем, что стенки и дно обмазаны глиной; глина, видимо, лишь просушена, но не обожжена. Глина очень тонким слоем покрывает стенки и дно ямы. Толщина слоя глины на стенках — 5 см, на дне — до 10 см¹. В заполнении ямы № 3 найдено значительное число фрагментов раннетрипольской керамики с каннелированным и углубленным орнаментом, грубой кухонной посуды; ручки от ковшика, миниатюрный сосудик из серой массы. Среди находок кремневый наконечник стрелы; костяной плоский предмет, по-видимому, для нанесения углубленного орнамента. На проти-

¹ Подробнее о других ямах раннетрипольского периода в Голерканах см. Т. С. Пассек, Отчет о работах Молдавской экспедиции в 1954 г. (Архив Молдавского филиала АН СССР).

воположном широком конце сквозное отверстие для подвешивания предмета и с двух сторон зубчики также для нанесения орнаментов (рис. 10—8).

Наблюдения над ямами на поселении у Голеркан (раскопы IV и V), относящихся к раннетрипольскому периоду, позволяют предполагать, что некоторые из них (например, № 1/а на раскопе VI и № 6—на раскопе V) служили жилищем полужемельного типа с остатками очагов, другие имели какое-то хозяйственное назначение (например, для хранения припасов) и, судя по расположению жилищ, составляли с ними единое хозяйственное целое.

Кроме полужемельного типа жилищ и хозяйственного назначения ям, на раннетрипольском поселении у с. Голерканы обнаружены (раскоп II) остатки двух наземных глинобитных трипольских жилищ обычного типа (площадки), сильно разрушенных более поздними хозяйственными ямами скифского времени. На других поселениях раннетрипольских племен в Поднестровье характерно сочетание обоих типов жилищ. Это было отмечено на целом ряде раннетрипольских поселений, как, например, в Ленковцах¹, в Солонченках² и др.

После больших раскопок, проведенных Молдавской экспедицией в 1954 году, установлено, что древнее поселение у с. Голерканы было заселено человеком с начала III тысячелетия до н. э. в течение длительного отрезка времени в различные эпохи. В X—XII вв. на поселении жили славянские племена. Жилищами их были землянки четырехугольной формы с печами-каменками. Под завалами камней найдены грубые горшки с волнистым орнаментом, датируемые X—XII вв. Интересно, что обычно в славянских землянках в Молдавии на городищах (Екимауцы, Алчедар), как и в других городах древней Руси печи в жилищах делались глинобитными. Здесь же в Голерканах открыты редкие для Молдавии X—XII вв. печи-каменки, которые возможно сравнить с каменными печами в других городах древней Руси, например, в Новгороде, в Старой Ладге. Все это, как и материалы из раскопок на славянских городищах в Екимауцах и в Алчедаре, показывает на тесную культурно-историческую связь славян Поднестровья с передовыми центрами древней Руси.

Не менее интересными были и раскопки остатков скифского времени в Голерканах, которые обнаружены в одних раскопах в виде культурного слоя, в других — в виде остатков полужемельнок с глиняными очагами. Среди находок скифского времени в полужемельниках найдено большое число фрагментов сосудов разнообразных форм, причем наряду с местной посудой хозяйственного назначения обнаружены фрагменты греческих амфор, в которых греки доставляли вино, торгуя с местными племенами, жившими на Днестре, Южном Буге и на Днепре. На основании находок этих амфор следует датировать жилища скифского времени в Голерканах IV—III в. до н. э.

Большой интерес вызвало наличие на поселении в Голерканах, наряду с остатками жилищ скифского времени, каменных кладок и вымосток в слое того же времени. Подобные каменные кладки стен жилищ известны на городищах племен позднескифского времени в Молдавии, например, на городище у с. Выхватинцы, но здесь в Голерканах эта кладка, видимо, служила стеной, укреплявшей берег Днестра (предотвращая от оползней). Непосредственно к ней примыкали каменные

¹ Е. К. Черныш, Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы, Черновицкой области, КСИИМК, XLVII, 1952.

² Т. Г. Мовша, Указ. соч. Изв. Молдавского филиала АН СССР, № 5; Кишинев, 1956 г.

Рис. 10. Изделия из кости и рога оленя из раннетрипольского поселения у с. Голерканы:
1—6 шпиль из кости; 7 кабанний клык; 8 костяной штамп; 9—11 мотыги из рога оленя.

кладки из более мелких камней, возможно вымостки улиц на поселении позднескифского времени.

Особое внимание на поселении в Голерканах вызывает нахождение в культурном слое материалов предскифского времени датируемых, эпохой поздней бронзы. На одном из раскопов (IV) было обнаружено наибольшее скопление подобных сосудов и удалось проследить часть ямы бронзового века, разрушенной, однако, более поздними скифскими и славянскими жилищами.

Обнаружение в Голерканах культурного слоя с керамикой поздне-бронзовой эпохи и бронзовой булавкой заполняет значительный пробел в наших знаниях об отрезке времени между периодом ранней бронзы (памятники поздне трипольские 2000—1700 до н. э.) и скифским временем (700—600 до н. э.), остававшимся совершенно неизвестным в истории древней Молдавии.

На поселении в Голерканах в 1954 г. были сделаны находки еще двух различных хронологических периодов.

Так, в ранне трипольское время здесь существовал родовой ранне-трипольский поселок, с полужемлянками и с наземными жилищами, включавшими целую систему ям с печами и ямами хозяйственного назначения, а в более позднее время в напольной части поселения у Голеркан находился поздне трипольский могильник.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Т. С. Пасек «Сэлэтуриле, ынтрепринсе ын анул 1954
пе малул Ниструлуй лынгэ сатул Голеркань»

Принтре монументеле археоложиче, каре ау фост черчетате ын курсул анилор 1952—1954 де кэтре Экспедиция археоложикэ молдовеняскэ пе малул Ниструлуй ын зона базинулуй Станцией хидроелектриче дела Дубэсарь, ун монумент таре интересант ый ашезаря де лынгэ сатул Голеркань.

Ын курсул вакурилор X—XII пе ачесте мелягурь ау трэит нямурь славе. Ау фост гэсите бордееле лор ку собе де пятрэ. Дин эпока счицилор (вакуриле IV—III ыннаинте де ера ноастрэ) провин семибордееле ку ветре де лут. Деосэбит де интересанте сынт материалеле, дископерите аич пентру прима датэ ын Молдова, че провин дин эпока де бронз (антесчитикэ). Ын ачеяш ашезаре ау фост гэсите урме де семибордее ши касе, че провин дин эпока триполикэ тимпурие ши ун цынтирим триполик тырзыу.

RÉSUMÉ

de l'article de T. S. Passek «Fouilles archéologiques entreprises au cours de 1954 dans l'établissement à plusieurs niveaux, situé près du village de Golercani»

Parmi les monuments archéologiques examinés par l'expédition archéologique moldave aux années 1952—1954 dans les régions du Dniester, inondées lors de la construction de la station hydroélectrique de Dubassari, l'établissement de Golercani est le plus digne d'être mentionné.

Aux X-e — XII-e siècles l'établissement était habité par des peuplades slaves. On a trouvé leurs huttes creusées dans le sol avec des fours de pierre. Des huttes creusées à moitié dans le sol avec des âtres d'argile appartiennent à la culture scythique du IV-e et du III-e siècles a. n. e.

Ce qui attire surtout l'attention à Golercani, ce sont les découvertes de matériaux inconnus en Moldavie jusqu'à présent, — matériaux de l'âge du bronze tardif (période préscythique). Dans le même établissement on a trouvé des vestiges de demi-huttes et de maisons du tripolien inférieur et un cimetière du tripolien récent.

А. И. МЕЛЮКОВА

ПАМЯТНИКИ VIII в. до н. э. НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОЙ
МОЛДАВИИ

Для выяснения вопроса о происхождении культуры племен, живших в скифскую эпоху на территории Молдавии, отряд скифской археологии Молдавской археологической экспедиции ИИМК и ИИЯЛ МФ АН СССР в 1954 году начал заниматься исследованием памятников предскифского периода. До этого времени специальных раскопок памятников начала I тыс. до н. э. в Молдавии не производилось. Только при работах на славянских городищах у сс. Алчедар и Лукашевка Г. Б. Федоровым были обнаружены культурные слои интересующей нас эпохи, подстилавшие более поздние наслоения.

В 1954—1955 гг. нами были произведены раскопки на поселении и могильнике у с. Шолданешты¹. Небольшие разведывательные работы производились в 1955 году на поселении в окрестностях Кишинева².

На поселении у с. Шолданешты были обнаружены остатки трех жилищ (рис. 1). Дома представляли собой наземные сооружения, стены которых были глинобитными, сделанными на каркасе из нетолстых жердей, укрепленных в земле без фундамента. Характер скоплений глиняной обмазки с отпечатками жердей, оставшейся от стен жилищ, позволяет говорить о том, что дома имели прямоугольную форму, длина их достигала 8—10 м, а ширина — 5—7 м. Пол жилищ был земляным, о перекрытиях судить невозможно. Внутри домов найдены остатки печей, имевших ровный плитчатый глинобитный под и куполообразный свод. Печи были расположены или в центре жилища (в двух домах) или у одной из его стен (в жилище № 2) (рис. 2). Кроме печи, в жилище № 2 находилась еще небольшая каменная вымостка, сделанная на земляном полу и имевшая в плане неправильно округлую форму и размеры 1,20 и 1,10 м. По всей вероятности, эта вымостка служила открытым очагом. Для хранения припасов были предназначены округлые в плане ямы, обнаруженные как внутри жилищ, так и за их пределами (в жилище № 1 было вскрыто две ямы, в жилище № 2 — одна, в жилище № 3 — две и еще три ямы находились вблизи от стен дома). На полу всех трех жилищ были найдены разбитые сосуды, обломки зернотерок, глиняные пряслица и небольшое количество обломков кремневых орудий.

Глиняная обмазка с отпечатками жердей, оставшаяся, повидимому, от стен домов, была встречена в слоях предскифской эпохи на го-

¹ В 1954 году раскопки на поселении у с. Шолданешты велись под руководством Т. С. Пассек.

Оба памятника были открыты В. И. Маркевичем, см. В. И. Маркевич. Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна Известия МФ АН СССР, 1955, № 5 (25).

² Поселение было обнаружено сотрудником Республиканского музея краеведения г. Кишинева Г. П. Сергеевым в 1952 г.

рождения у сел Алчедар и Лукашевка. Округлые в плане ямы, вероятно, хозяйственного назначения, были открыты на поселении в окрестностях г. Кишинева.

Керамические комплексы, происходящие с названных поселений, несколько отличаются друг от друга. При этом выделяется две группы керамики: одна из них представлена находками на поселениях в окрестностях г. Кишинева (рис. 2, 3) и у с. Лукашевки, вторая — находками на поселениях у сел Шолданешты и Алчедар (рис. 4, 5).

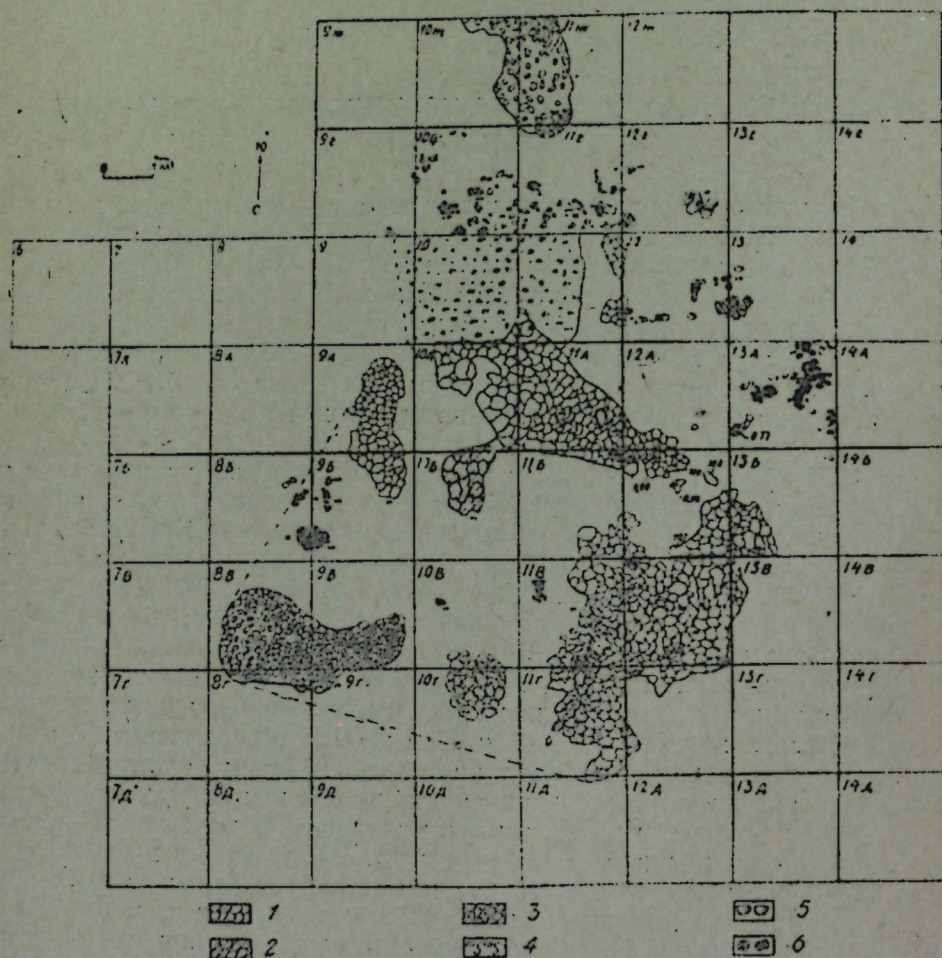

Рис. 1. План жилища № 2 на поселении у с. Шолданешты:

В материале Лукашевского городища и поселения в окрестностях Кишинева большим количеством фрагментов представлена лощеная посуда и керамика с заглаженными поверхностями, богато украшенная каннелюрами.

На поселениях у сел Шолданешты и Алчедар хорошо лощеной керамики почти нет, а орнаментация на столовой посуде с заглаженными или слабо лощеными поверхностями значительно беднее. Что касается форм, то одни комплексы посуды мало чем отличаются от других. Наиболее обычной находкой на каждом поселении являются фрагменты мисок с загнутым внутрь или ровно срезанным краем. На поселениях в

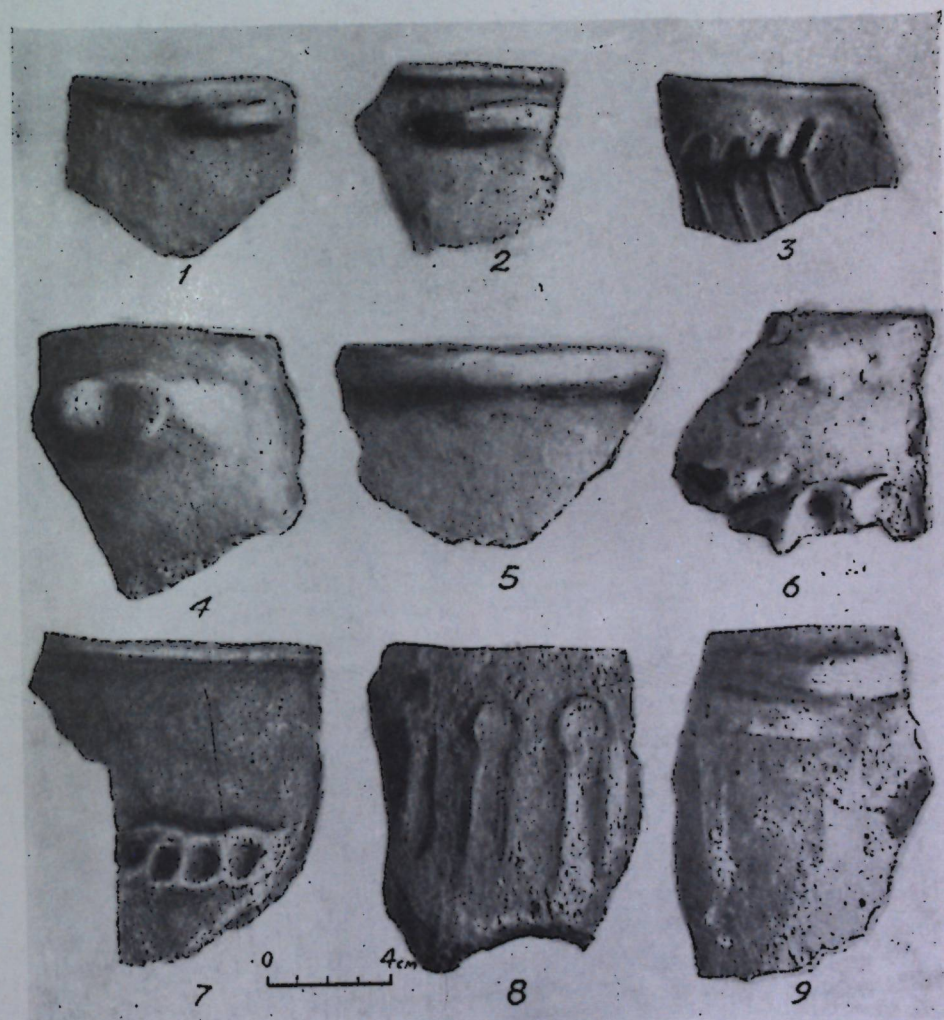

Рис. 2. Керамика с поселения в окрестностях г. Кишинева.

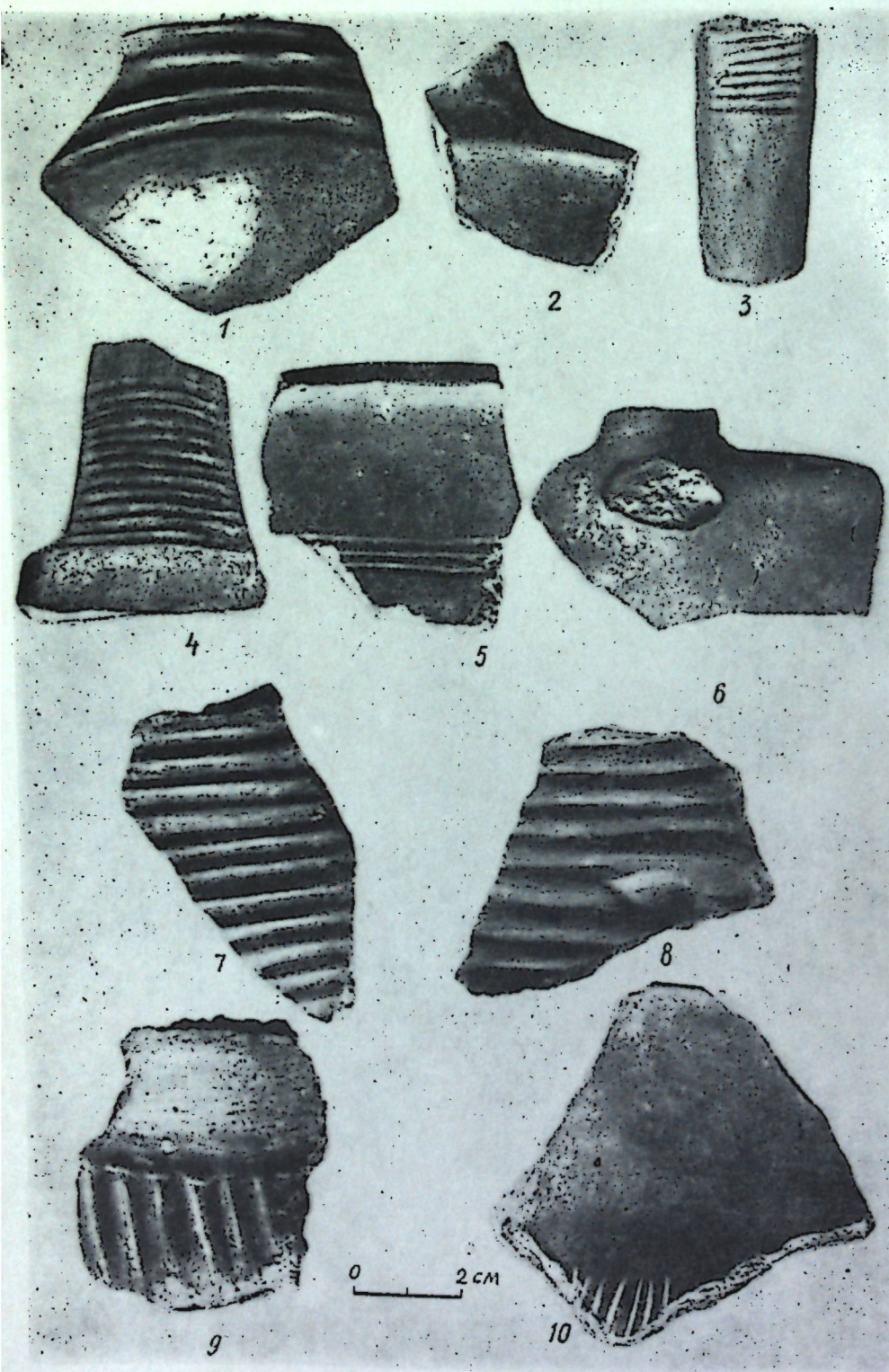

Рис. 3. Керамика с поселения в окрестностях г. Кишинева

окрестностях г. Кишинева и у с. Лукашевки миски обычно украшены широкой полосой горизонтально расположенных каннелюр не только на наружной, но часто и на внутренней поверхности. Иногда, кроме каннелюр, на одной или реже на обеих поверхностях имеется еще прочерченный орнамент.

На фрагментах мисок, найденных на поселениях у сел Шолданешты и Алчедар, орнамент в виде горизонтальных каннелюр и прочерченных линий отсутствовал. Край этих мисок часто украшен косо расположенными каннелюрами или невысокими также косыми валиками.

На всех названных поселениях найдены фрагменты чарок. Однако на двух первых поселениях преобладали фрагменты чарок с полусферическим туловом и простой петельчатой ручкой, украшенной каннелюрами; фрагменты чарок с выделенной шейкой и округлым туловом, украшенным каннелюрами по наиболее широкой части, здесь представлены лишь несколькими фрагментами, тогда как на поселениях у сел Шолданешты и Алчедар они преобладают. Наряду с чарками на последних двух поселениях известны небольшие двуручные сосуды, иногда украшенные по тулову вертикальными каннелюрами.

На тех и других поселениях найдены фрагменты сосудов типа виллановы и сосудов с сильно отогнутым краем, с орнаментом в виде вертикально расположенных каннелюр и узором, выполненным зубчатым штампом или резьбой.

Керамика, сделанная из более грубой глины, имеет шероховатую поверхность и представлена баночными сосудами или горшками со слабо выделенной шейкой. На посуде этого типа с поселения у с. Шолданешты часто встречается орнамент в виде одного или двух наклепных валиков с защипами, реже — узор по краю, сделанный защипами или насечкой. На поселениях в окрестностях г. Кишинева и у с. Лукашевки валиковый орнамент на горшках встречается лишь изредка, но значительно чаще, чем на указанном выше поселении, здесь имеют место полукруглые ручки-упоры.

Различия в комплексах керамики скорее всего объясняются некоторой разницей во времени, существовавшей между ними. Однако на основании находок с поселений не представляется возможным уточнить время памятников с керамикой первой и второй групп. Наиболее близкая как к тем, так и к другим комплексам керамика известна из памятников Карпато-Дунайского района, которые датируются предкифской эпохой, 900—700 гг. до н. э.¹

Керамика, близкая к происходящей с поселений у с. Лукашевки и из окрестностей Кишинева, известна, кроме того, из памятников так называемого голиградского типа северо-западного, среднего и отчасти верхнего Поднестровья². Последние по аналогиям с посудой Карпато-Дунайского района датируются также в пределах IX в. — первой половины VII в.

¹ V. Christescu. Les stadions préhistoriques de lac de Boian, Dacia, II, 276. рис. XXX, 4; XXVII, 3; XXIX, II, XXXI, I. D. Berciu. Ein hallstädtisches Brandgrab aus Baltaverde, ESA, III, 1928, стр. 165.

² Поселения известны в Тернопольской, Станиславской обл. по материалам больших раскопок и разведок польских археологов у с. Голирады, Городница, Новоселка, Городок и др. Материал не издан, хранится во Львовском историческом музее. Ряд поселений был открыт в зап. районах Черновицкой обл. разведками сотрудников Черновицкого музея у с. Репужинцы, Дорошильцы, Новая Жучка. Материал хранится в Черновицком историко-краеведческом музее. В одну группу с названными поселениями объединяются клады бронзовых предметов, среди которых преобладают изделия Карпато-Дунайского происхождения и знаменитый Михалковский клад золотых изделий. Т. Sulimirski. Die thrako-kimmerische Periode. Wiener prähistorische Zeitschrift, 1938, XXV. Сводка всего материала из памятников голиградского типа недавно сделана И. К. Свешниковым, но еще не издана.

до н. э. и считаются одновременными памятниками чернолесского типа правобережного среднего Поднестровья. Предметы, найденные в могильнике у с. Шолданешты, позволяют говорить о том, что керамические комплексы, выделенные нами во вторую группу, относятся к несколько более позднему времени, чем керамика первой группы.

Могильник находится на расстоянии около 1 км от поселения у с. Шолданешты и, повидимому, принадлежал населению, жившему на описанном селище. Могильник расположен на плато, слегка покатом с северо-востока на юго-запад. Никаких внешних признаков захоронений на плато не заметно. Первое погребение было открыто случайно, при рытье водопроводной траншеи¹. При наших раскопках в 1954—1955 гг. было открыто еще 8 погребений, находившихся на значительном расстоянии друг от друга. Восемь из девяти погребений могильника представляли собой трупосожжения и лишь одно детское погребение было совершено посредством трупоположения.

Сожжения покойников совершались на специально отведенном на территории могильника месте. Своеобразный древний крематорий, открытый нами в 1955 году, представлял собой яму почти квадратной в плане формы размерами 5 × 4 кв. м, глубиной 0,85 м. По устью яма была обложена камнями, на дне ее имелось три углубления. Сожжение, по всей вероятности, производилось в том, которое имело прямоугольную в плане форму и размеры 2 × 0,80 кв. м. Яма была заполнена до красна прожженной землей, смешанной с углями и золой. В заполнении ямы найдено небольшое количество кальцинированных человеческих костей и обломки сосудов.

После сожжения прах покойников собирали в урны, которые затем погребали в неглубоких ямах. Лишь в одном погребении кальцинированные кости были положены без урны на дно могильной ямы (погребение № 8). Большинство погребений было одиночными, и лишь в одной яме встречены сразу три урны с остатками трупосожжений (могильная яма № 3, рис. 6). Урнами служили большие сосуды с высоким горлом и грушевидным или реповидным туловом (типа виллановы) или баночные горшки. Урны накрывались сверху мисками или каменными плитками. Погребения обычно сопровождалось различным количеством сосудов и реже металлическими вещами. Последние несут следы действия огня. Повидимому, во время сожжения они находились на покойнике и горели вместе с ним на погребальном костре.

Среди керамики, сопровождавшей погребенных, преобладали чарки, имевшие сравнительно высокую шейку с отогнутым наружу краем и округлое тулово с выделенным плечиком. Ручки чарок невысокие, лишь немного выступающие над венчиком сосудов. На шейке часто имеется узор в виде горизонтально расположенных каннелюр. Вертикальные каннелюры иногда в сочетании с небольшими выпуклостями с четырех сторон представляют обычный орнамент тулова. Поверхности этих сосудов хорошо заглажены или залощены, имеют серовато-коричневый или оранжевый цвет.

Чарки из погребений совершенно аналогичны сосудам этой формы, найденным на поселении у с. Шолданешты. Не отличается от керамики с поселения и другая посуда из могильника: миски с загнутым внутрь краем, баночные горшки, сосуды типа виллановы. Только миски с широким, отогнутым наружу краем, найденные в обломках в одном из погребений и в крематории, не находят аналогий в керамике поселений. Край одной из этих мисок украшен богатым узором, сделанным мелким зубчатым

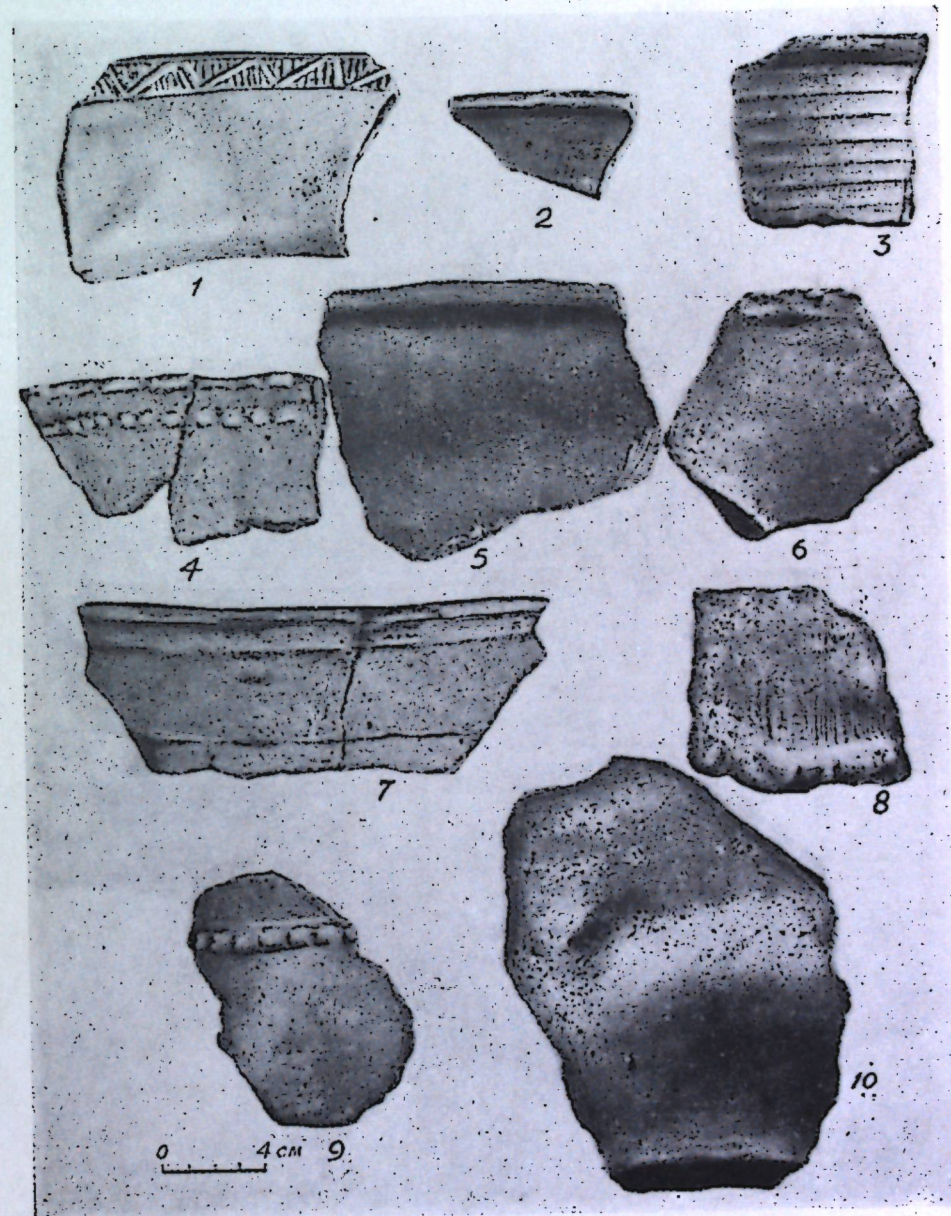

Рис. 4. Керамика с поселения у с. Шолданешты.

¹ В. И. Маркевич, указ. статья, стр. 136.

штампом, край другой — орнаментирован вертикально расположенными каннелюрами (рис. 7)¹. С другой стороны, среди погребальной посуды могильника отсутствуют двуручные кубки, найденные на поселении. Металлические изделия из могильника (рис. 8) представлены бронзовыми круглыми бляшками, одни из которых имеют маленькие отверстия по краю для нашивания на кожу или матерью, другие — маленькое ушко на обороте. В погребении № 8 обнаружена бронзовая звездчатой формы пуговица, орнаментированная насечками по углам и

Рис. 6. Могильник у с. Шолданешты. Погребальное место № 3.

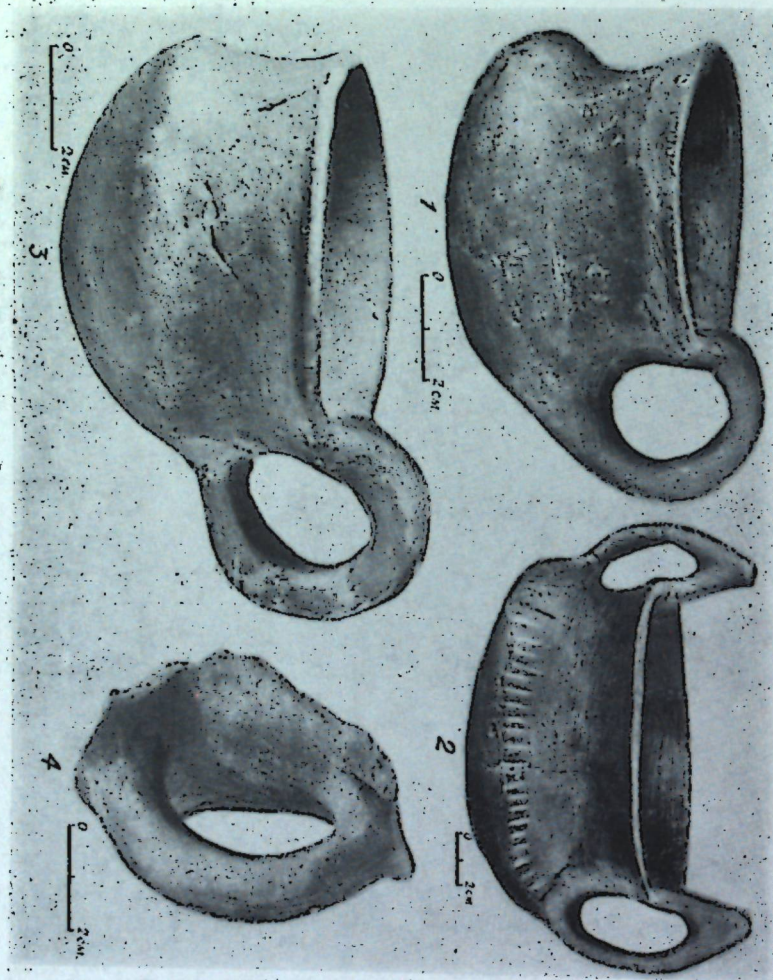
точкой в центре, и биконическая пронизка или бусина. Недалеко от могильной ямы № 3 была найдена половина бронзовых двукольчатых удил кобанского типа. Из железных изделий в могильнике были обнаружены обломок браслета, две фибулы аркообразной формы, небольшие ножи, один из них представляет собой миниатюрную копию с бронзовых ножей семиградского типа², другие — относятся к числу ножей с горбатой спинкой.

Предметами, определяющими время могильника, являются половина бронзовых удил кобанского типа и железные фибулы. А. А. Иессен считает бронзовые двукольчатые удила наиболее ранним типом удил кавказского происхождения и датирует их VIII в. — первой половиной VII в. до н. э. Временем их наиболее широкого распространения не только на

¹ Совершенно такие же миски известны из гальштатского слоя поселения у с. Пояна, района Текуч, в Румынии, см. R. Vulpe, Ec. Vulpe, A. Nitu... Activitatea şantierului arheologic Poiana-Tecuci, 1950. Studii şi cercetări de istorie veche, 1951, № 1, anul II, p. 189, рис. 11, а также Studii şi cercetări..., 1952, t. III, рис. 100.

² Бронзовые ножи этого типа см. F. Tompa, 25 Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn, 1912—1936. 24/25 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1934/1935, Iaf, 52, 10.

Рис. 5. В. В. Керамика с поселения у с. Шолданешты.

Кавказе, но и в Северном Причерноморье считается вторая половина VIII в. — начало VII в. до н. э.¹ Близкие к найденным в могильнике фибулы М. Эберт² датирует IV—V периодами бронзы по Монтелиусу, а Дешелетт³ VIII—VII вв. до н. э. Остальные металлические предметы из могильника не подвергаются сколько-нибудь точной датировке. Так, бронзовые круглые бляшки с отверстиями для нашивания появились в Карпато-Дунайском районе еще в период ранней бронзы⁴ и продолжали существовать там и в раннем железном веке⁵.

На основании бронзовых двукольчатых удили и фибул могильник у с. Шолданешты и поселения с керамикой, аналогичной найденной в могильнике, могут датироваться временем не ранее VIII в. до н. э., скорее второй его половиной. В связи с этим поселения в окрестностях Кишинева и у с. Лукашевки, очевидно, относятся к несколько более раннему времени, к IX в. — первой половине VIII в. до н. э. Датировать памятники у с. Шолданешты несколько более поздним временем, чем поселения в окрестностях г. Кишинева и у с. Лукашевки, позволяет еще и то, что керамические комплексы, происходящие с поселений Молдавии VII—VI вв. до н. э., ближе к первым, чем ко вторым.

Памятники предскифского периода, известные в настоящее время в лесостепной Молдавии, отличаются от одновременных им чернолесских памятников лесостепной правобережной Украины и памятников типа Саботиновки степного Северного Причерноморья. По погребальному обряду, комплексу посуды и большинству металлических изделий они близки к памятникам конца эпохи бронзы — начала железного века Карпато-Дунайского района⁶. Лишь отдельные формы посуды были общими для Карпато-Дунайского района, Молдавии и правобережной лесостепной Украины. К их числу относятся большие сосуды типа виллановы и миски с загнутым внутрь краем, распространившиеся в VIII в. до н. э. и существовавшие в раннескифское время. Остальные типы керамики, характерные для Карпато-Дунайского района и Молдавии, почти не встречаются в указанных памятниках Украины. Отмеченная выше близость керамических комплексов, происходящих с поселений голиградского типа северо-западного, среднего Поднестровья, к керамике Молдавии позволяет относить те и другие памятники к одной культуре. Польские исследователи Т. Сулимирский и А. Козловский связывали появление памятников голиградского типа в северо-западном Поднестровье с вторжением или продвижением с Дуная фракийских племен⁷.

Новые исследования материалов предскифского периода с этой территории, произведенные И. К. Свешниковым, подтверждают эту точку зрения. Памятники голиградского типа в северо-западном Поднестровье не имеют местных корней. Вместе с тем совершенно очевидна их близость к памятникам фракийского круга Карпато-Дунайского района.

¹ А. А. Иессен, К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, VIII, стр. 102.

² М. Ebert, Reallexikon..., т. III, стр. 292.

³ Déchelette J., Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, vol. II, p. 2, стр. 846.

⁴ Amália Mazsolyes, Der frühbronzezeitliche Urnenbriedenhof von Kispöstlag. A. H. Budapest, 1942, табл. I, 63—75; табл. II, 78—126, IV, 46—64.

⁵ Materiale archeologice privind istoria veche a RPR, vol. I, стр. 193, рис. 12, II.

⁶ Наиболее близкие к описанным погребениям см. Dinu V. Rosetti, Tombes à incineration de l'âge du fer et de l'époque romaine dans la région Bucaresti Publicațiile muzeului municipal, Bucuresti, 1935, № 2, стр. 53 сл.

⁷ M. Parduch, Ein Gräberfeld in Hödmerovasarhelej kiskomlek aus Bronze, skythen, La Tene und Germanen Zeit. Dolgoratok, 1940, XVI, стр. 95 сл.

⁸ T. Sulimirski, Указ. соч. L. Kozłowski, Zarys pradziejow Polski poludniowo-wschodniej. Lwów, 1939, стр. 50 сл.

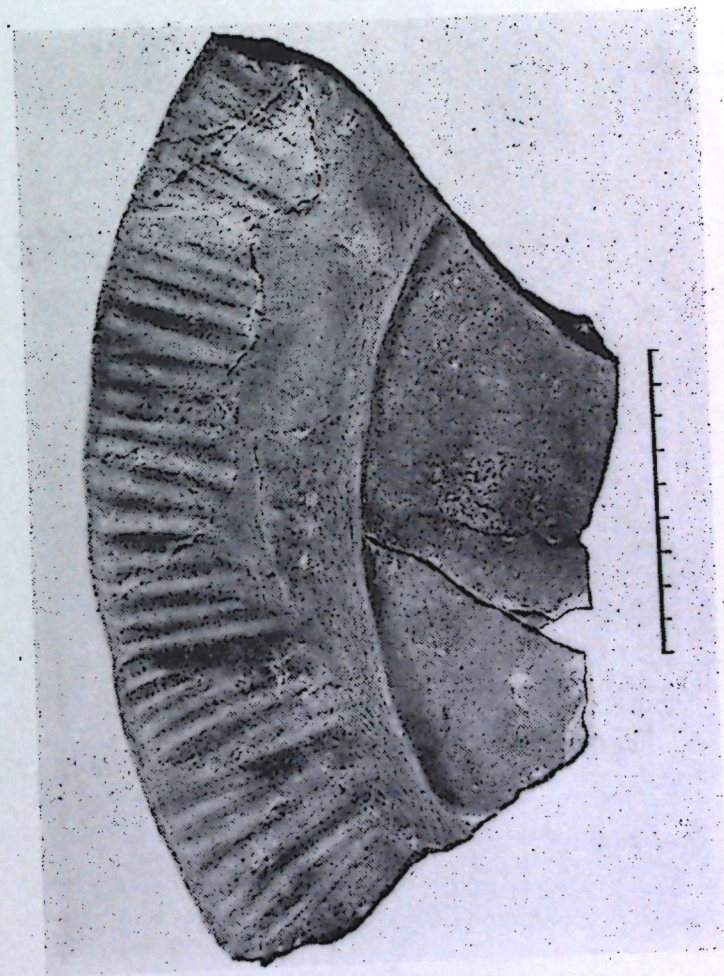

Рис. 7. Могильник у с. Шолданешты. Фрагмент миски.

О происхождении культуры конца эпохи бронзы — начала железного века в лесостепной Молдавии пока нельзя сказать ничего определенного, так как памятники бронзового века здесь совершенно не изучены.

Что касается дальнейших судеб культуры предскифского периода северо-западного Поднестровья и Молдавии, то, повидимому, они были различными для той и другой групп. На территории лесостепной Молдавии эта культура как будто была той основой, на которой сложилась местная культура скифской эпохи. В северо-западном Поднестровье она не играла столь существенной роли в процессе формирования культуры последующей эпохи. Памятники скифского периода, известные в этом районе по своему происхождению, связываются с западным вариантом культуры чернолесского типа.

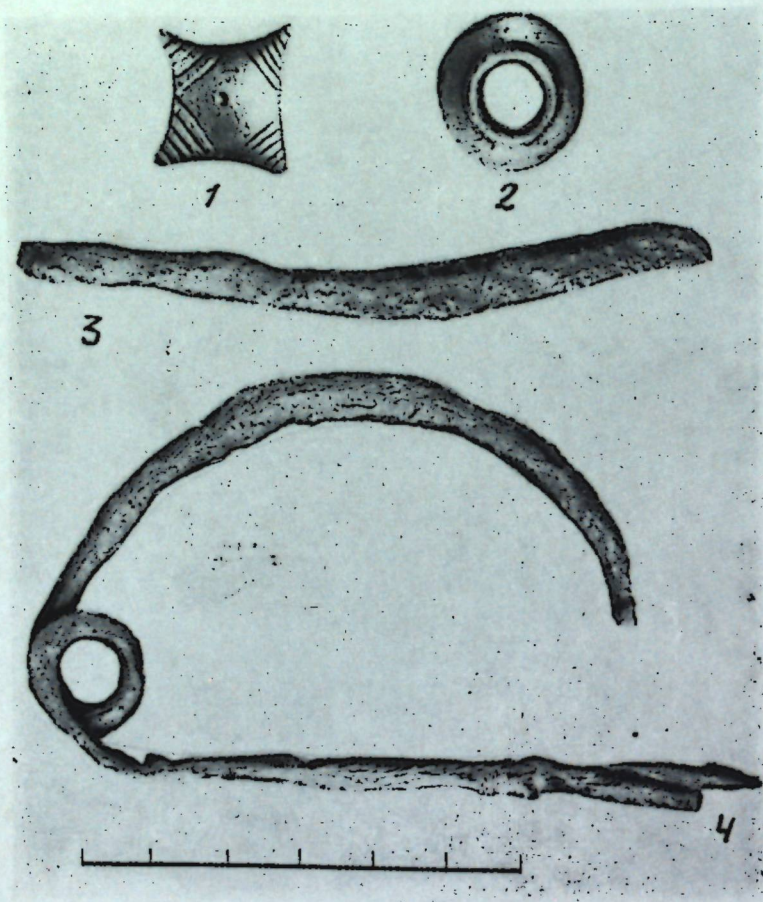

Рис. 8. Предметы из могильника у с. Шолданешты:

1. бронзовая пуговица из погребения № 3;
2. бронзовая прошивка из погребения № 3;
3. железный нож из погребения № 3;
4. железная фибула из погребения № 3.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй А. И. Мелюкова «Монументе дин вакул VIII ыннаинте де ера ноастрэ, афлате пе териториул режиуний де степэ ку пэдурь дин Молдова»

Ын курсул анилор 1954—55 отрядул археоложией считиче ал Экспедицией Молдовенешть а Институтулуй историей де културэ материалэ ши ал Филиалей Молдовенешть а Академией де Штиинць а Униуний РСС а интреприис сэпэтурь лынгэ сатул Шолдэнешть, унде ау фост гэсите о ашезаре ши ун цынтирим. Ын ашезаре ау фост дископерите трий локуинць, пэреций кэроара ерау фэкуте дин нуеле, унсе ку лут, — подяуа ера де пэмынт: Ын интериорул каселор ау фост гэсите рестурь де себе, клэдите дин лут, ши гропь пентру требунць господарешть. Ын пэтура културалэ ши ын локуинць ау фост гэсите васе де тот фелул, рышнице, фрынтурь де унелте де кремене ши оасе де анимале.

Ын цынтирим ау фост дископерите ноуэ морминте. Олт динтр'ынселе концыц урне ку ченуша рэмасэ дупэ ардеря дефункцилор. Ын цынтирим а фост гэситэ ши гроапа, унде се фэця кремация дефункцилор. А фост гэситэ ши урма унуй скелет де копил. Алэтурь де урне, ын морминте ау фост гэсите васе ши объекте металиче: куците де фер ши фибуле де бронз, тиникеле пентру ымподобит шелеле, ун кэпэстру де бронз. Черамика гэситэ анч ый асэманэтоаре ку васеле, гэсите ын ашезаре.

Жудекынд дупэ объектеле де метал ши черамикэ гэсите, амындоуэ монументеле, каре ау фост дископерите лынгэ сатул Шолдэнешть, провин дин вакул VIII ыннаинте де ера ноастрэ, дар май пробабил ын а доуа луй жумэтате. Яр ашезаря, каре а фост дископеритэ ын ымпрежуримиле Кишинэулуй ши черчетаря кэрея а фост ынчепутэ ын анул 1955, провине дела сфыршитул вакулуй IX — ынтыя жумэтате а вакулуй VIII ыннаинте де ера ноастрэ.

Материалеле гэсите ын курсул сэпэтурилор ачестя доведеск, кэ нямуриле, че трэяу ла ынчепутул примулуй милениу ыннаинте де ера ноастрэ пе териториул режиуний де степэ ку пэдурь дин Молдова, дупэ култура лор се апропие де нямуриле режиуний Карпаць — Дунэре.

RÉSUMÉ

de l'article de A. I. Méliukova, «Vestiges archéologiques du VIII-e s. a. n. è. sur le territoire de steppe et forêt de la Moldavie»

Le détachement d'archéologie scythique appartenant à l'expédition archéologique moldave de l'Institut d'Histoire, Langue et Littérature de la Filiale Moldave de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S. et à l'Institut de l'Histoire des Cultures matérielles de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S. a pratiqué des sondages sur le territoire de l'établissement et du cimetière situés près du village Choldanesti. Dans l'établissement on a découvert trois habitations situées à la surface du sol, sans plancher, dont les cloisons étaient faites de perches enduites d'argile. À l'intérieur on a découvert des débris de fours pisés et des fosses à usage domestique. Dans la couche de culture et dans les demeures on a trouvé diverse vaisselle, des pierres destinées à la trituration des grains, des fragments d'outils en silex et des os d'animaux.

Dans le cimetière on a découvert huit tombes d'incinération aux urnes et un squelette recroquevillé d'enfant. On a examiné la fosse crématoire sur le terrain du cimetière. Dans les cendres on a trouvé des vases et différents objets métalliques: des couteaux et des fibules en fer, une moitié de mors, des plaques et des perles en bronze. La céramique du cimetière est analogue à celle de l'établissement.

De l'examen des objets métalliques et de la céramique il résulte que les deux monuments historiques dantent de la seconde moitié du VIII-e s. a. n. è. L'établissement de la région de Kichinev date probablement de la fin du IX-e s. ou de la première moitié du VIII-e s. a. n. è. Les recherches dans cette station ont été entreprises en 1955.

Les matériaux de nos recherches révèlent une étroite liaison entre la culture des peuples habitant la région de steppe et forêt de la Moldavie au début du I-er millénaire et de ceux qui habitaient la région, située entre le Danube et les Carpathes.

Г. Б. ФЕДОРОВ

К ВОПРОСУ О САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЕ В МОЛДАВИИ

До последнего времени сарматские памятники на территории Молдавии не изучались. В 1953 году автором настоящей статьи были открыты и исследованы селища и могильник у с. Боканы (Фалештский район, МССР) в бассейне р. Прут. Эти памятники, как будет показано ниже, относятся в основном к сарматской культуре (рис. 1).

Боканское селище расположено на расстоянии 1 км к югу от с. Боканы на северном пологом склоне холма, у подножья которого проходит грунтовая дорога Боканы-Челачевка и телеграфная линия, в 15 м от родника и заболоченного ныне пруда. Селище вытянуто вдоль дороги. Примерные размеры его 200×60 м. Подъемный материал, собранный на селище, состоит из фрагментов серолощенной и сероглиняной керамики, черняховского типа, в том числе серолощенной керамики с орнаментом (процарапанные линии) и без орнамента, одноручных серолощенных кувшинов, пифосовидных сосудов-зерновиков, небольших серолощенных мисок и небольшого количества лепной толстостенной кухонной керамики, встреченной также при раскопках Боканского могильника. В разных местах селища было заложено пять небольших шурфов. Культурный слой селища, достигающий мощности 100—120 см, содержит керамику вышеописанного типа, железные и керамические шлаки и кости домашних животных: лошади, коровы и мелкого рогатого скота. Судя по содержанию культурного слоя, селище принадлежало оседлым земледельцам и скотоводам II—V вв. н. э., знавшим также обработку железа и гончарное дело. Среди подъемного материала встречается так называемая керамика «позднеримского» типа — крупные фрагменты тонкостенной круговой сероглиняной посуды с линейным и волнистым орнаментом из частых и неглубоких линий. Культурный слой селища сильно нарушен многолетней распашкой.

Боканский могильник расположен на юго-западном склоне и гребне того же холма, на котором расположено селище. На расстоянии 30 м к юго-востоку от селища находятся два колодца. Могильник занимает, повидимому, площадь 100—120 м в длину (с севера на юг) и 40—50 м в ширину. Поверхность его распаханная и занята под посадку свеклы. С юго-восточной стороны холма часть могильника разрушена глиняным карьером. Серовато-желтый суглинок, находящийся под посадкой свеклы, с глубины 18—20 см переходит в желтую материковую глину, в которой и находятся могильные ямы, ничем не отмеченные на поверхности. Раскопки могильника велись раскопами площадью по 30—50 кв. м, с оставлением между ними бровок, толщиной в 50 см, разобранных после завершения работ. Судя по местоположению, датировке и ряду изделий, тож-

дественных тем, которые были найдены на селище (одноручные серолощенные кувшины и лепная керамика, по форме близкая к баночной), могильник, видимо, одновременен с селищем.

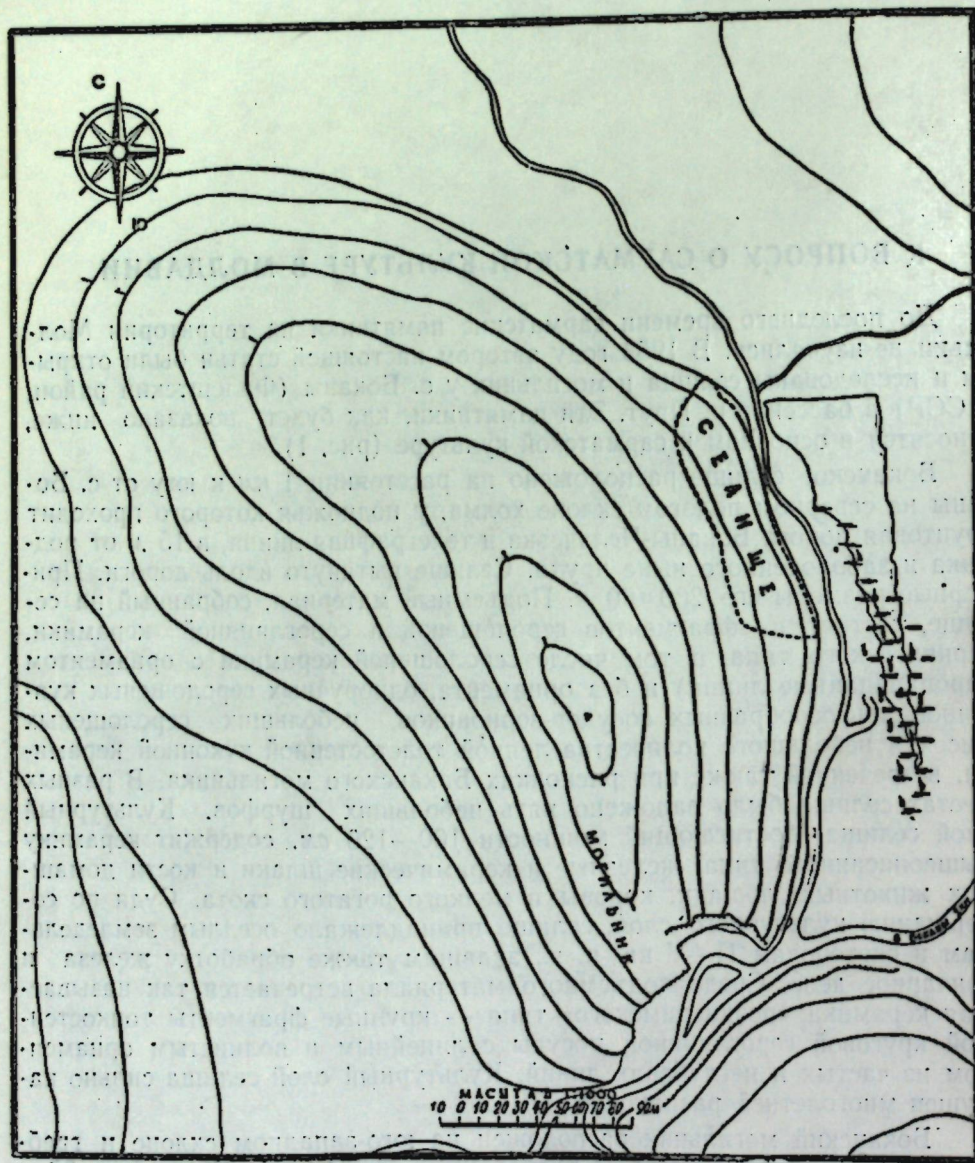

Рис. 1. План могильника и прилегающего селища у с. Боканы.

Могильник был открыт случайно во время разборки глиняного карьера рабочими-колхозниками, которые разрушили два погребения (см. на плане погребения «А» и «Б»). Погребение «А» было мужское. Обряд погребения — труположение на спине. У правой руки лежал меч длиной 75—80 см и шириной 4—5 см с прямым перекрестием. У головы погребенного стояло два серолощенных одноручных круговых кувшина. Погребение «Б» — женское с труположением на спине, череп деформирован. В изголовье стоял серолощенный гончарный сосуд, а лепной — в ногах. Около шеи находились разноцветные пастовые бу-

синки. Вещи и черепа из обоих погребений доставлены в Республиканский музей краеведения МССР.

Экспедицией вскрыто 18 погребений, а вместе с погребениями «А» и «Б» их известно 20.

Обряд погребения — труположение. Погребенные лежали на спине, головой на северо-восток или северо-северо-восток, с вытянутыми ногами и руками, в грунтовых овальных ямах, глубиной 90—160 см и размером 60 × 100 и 200—220 см. Шесть погребений мужских, восемь — женских и шесть — детских.

Инвентарь погребений богат и разнообразен. В могильнике найдено 2303 целых и много фрагментированных предметов из кости, дерева, пасты, стекла, глины, бронзы и железа. В их числе: 6 бронзовых сарматских зеркал (погребения №№ 5, 6, 7, 9, 10 и 13), 2 меча (погребения «А» и № 1), иглы (погребения №№ 4, 6, 7 и 11), медная фибула (погребение № 9), медное кольцо (погребение № 4), 6 медных бусин (погребения №№ 4, 5, 6 и 8), железное кольцо, 4 глиняных пряслица (погребения №№ 9, 10 и 13), бронзовый колокольчик и 2 бронзовых браслета (погребение № 10), 1 железный браслет (погребение № 8), 5 фибул (погребения №№ 5, 9 и 10), 4 медных серьги (погребения №№ 6, 8 и 13), железный нож (погребение № 8), около 3,5 тыс. целых и фрагментированных стеклянных, пастовых и глиняных бус различных форм, размеров и цветов, гончарная и лепная керамика. Всего найден 21 сосуд, из них 12 гончарных серо- и красноощенных и 9 лепных толстостенных горшков без орнамента, а также один стеклянный римский косметический флакон.

Могильные ямы вырыты в желтой материковой глине на расстоянии от 0,80 до 3,0—4,0 м друг от друга.

Погребение № 1 обнаружено на глубине 1,40 м от верха раскопа (рис. 2, 3). Могильная яма овальной формы, размером 80 × 200 см. Обряд погребения — бескурганное труположение в грунтовой яме. Скелет вытянут на спине, с вытянутыми конечностями, головой ориентирован на северо-северо-восток. Сохранность скелета хорошая. Длина скелета 177 см, ширина между плечами 38 см, ширина таза 32 см, длина рук 70 см, длина ног 92 см. Это скелет 20—25-летнего рослого мужчины.

У правой руки, вдоль бедренной кости найдены остатки меча, в виде истлевшей полосы железа, длиной 65—70 см и шириной 3—5 см. У ступни правой ноги обнаружен серолощенный одноручный кувшин, сделанный на ножном гончарном круге, с кольцевым поддоном. Обжиг горновой. Глина хорошо отмучена и не содержит видимых примесей. При переходе от горлышка к туловищу и на уровне нижнего корня ручки сосуд ориентирован поясом из двух углубленных линий, а между венчиком и первым рядом углубленных линий — горизонтальными проложенными линиями. Сосуд этот близок по форме и орнаменту к черняховским сосудам эпохи полей погребений II—III вв. н. э. Около горлышка сосуда найден небольшой фрагмент неопределимого деревянного предмета, неподалеку от левого колена — неопределимый железный предмет (возможно остаток ножа) и у самого левого колена — фрагмент

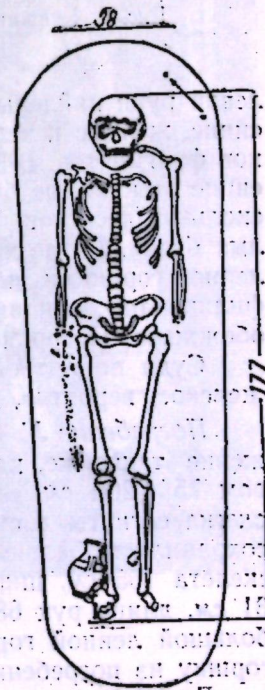

Рис. 2. Погребение № 1.

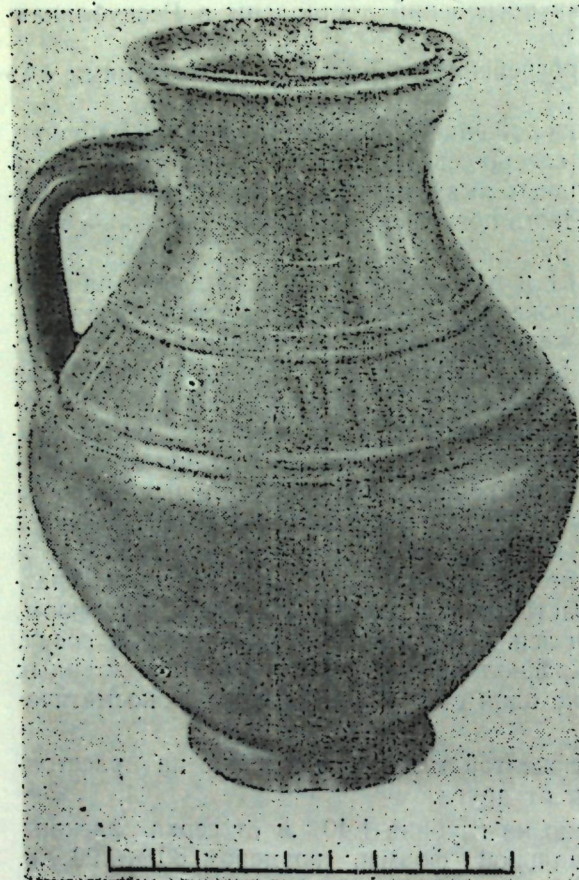

Рис. 3. Кувшин из погребения № 1.

левой руки найдены стеклянные и пастовые зонные круглые и граненые синие, желтые и зеленые бусы, в количестве 43-целых и несколько десятков фрагментов. В 50 см к северо-востоку от черепа найдены трехгранные синие стеклянные бусины и около шеи остатки ожерелья из 83 целых и нескольких десятков фрагментированных желтых, зеленых и голубых круглых бусин. Возле черепа с северо-западной стороны найден небольшой лепной горшочек, по форме близкий к баночному. Стенки его плохо профилированы, венчик отогнут слабо. Глина, с примесью дресвы, плохо обожжена. Поверхность шероховатая.

Судя по антропологическим данным и по инвентарю, погребение женское, вероятно, девушки-подростка.

Погребение № 4 обнаружено на глубине 1,15 м. Обряд и трупоположение такие же, как и в первых трех. Овальная могильная яма размером 75 × 200 см, костяк вытянут на спине. Правая рука и нога слегка согнуты в суставах. Скелет довольно хорошей сохранности. Не сохранились фаланги конечностей и почти все реберные кости. Длина скелета 155 см, ширина плечей 31 см, ширина тазобедренных костей 31 см, длина рук 68 см, длина ног 78 см. Ступни ног упираются в небольшой лепной горшок, по выделке и фактуре аналогичный лепному горшку из погребения № 3.

Глина желто-коричневого цвета, с темными пятнами от неравномерного обжига. В изломе видна темная непрокаленная полоса. Тулово

железного предмета. Все вещи найдены на уровне залегания скелета.

Погребение № 2 обнаружено на глубине 95 см. Овальная могильная яма размером 60 × 190 см. Обряд погребения такой же, как и в погребении № 1. Скелет мужчины 25—30 лет ориентирован головой на северо-восток. Череп раздавлен и слегка сдвинут к правому плечу. Фаланги пальцев, ключицы и почти все реберные кости не сохранились. Длина скелета 163 см, ширина плечей 35 см, длина ног 82 см. Вещей в погребении не обнаружено.

Погребение № 3. Обряд погребения и положение погребенного такие же, как и в первых двух погребениях. Погребение обнаружено на глубине 1,0 м и ориентировано на северо-восток. Размеры овальной могильной ямы — 170 × 65 см. Сохранность скелета очень плохая. Частично сохранились череп, носящий следы деформации, кости рук и ног. Около кисти

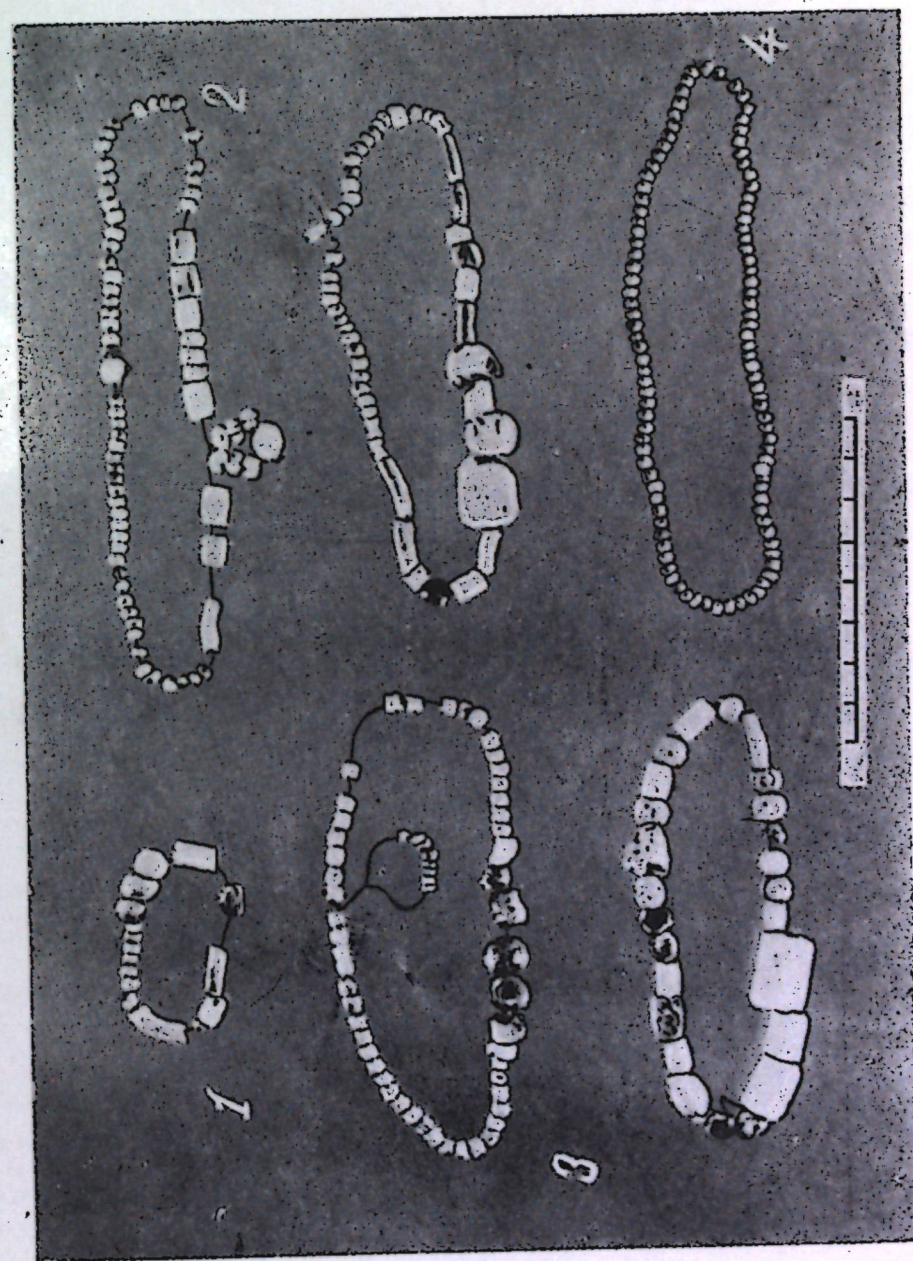

Рис. 4. Бусы из Боканского могильника. №№ 1—4 относятся последовательно к погребениям №№ 6, 9, 11, 10.

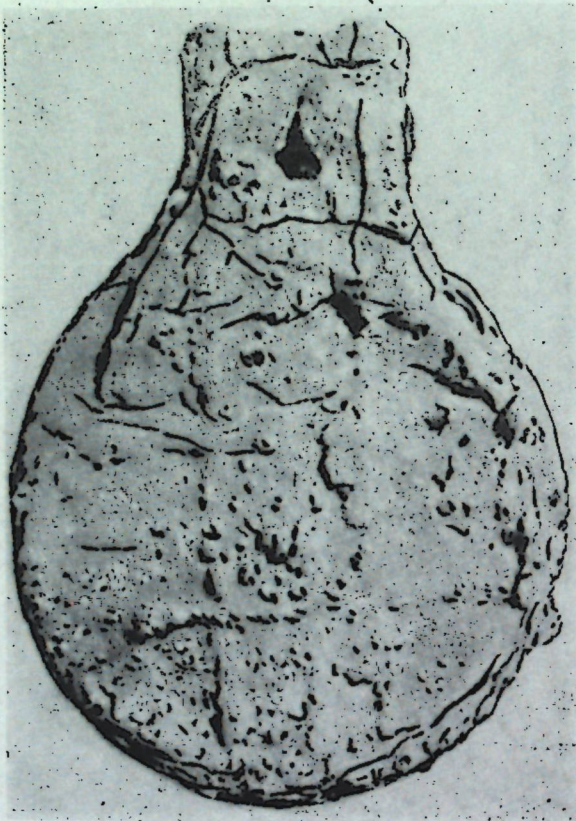

Рис. 5. Бронзовое зеркало из погребения № 10.

выпуклобкое. Профилировка стен слабая, венчик отогнут немного. Орнамент отсутствует. У левого виска найден небольшой гончарный тонкостенный красноглиняный кувшинчик горнового обжига. Глина хорошо отмучена и не содержит никаких примесей. Поверхность прекрасно заглажена. Кольцевой поддон, стенки и две ручки, начинающиеся у венчика и кончающиеся около середины тулова, а также сам венчик четко профилированы. Подобные сосуды хорошо известны в Риме и в римских провинциях со II до IV вв. н. э.

Под коленом правой ноги найдена обломанная деревянная игла с медным ушком, а несколько выше ступни той же ноги — усеченно-коническое глиняное пряслице, с вогнутым основанием конуса. Возле кисти правой руки было круглопроволочное медное кольцо с несомкнутыми концами, около ступни левой ноги — 43 стеклянных и пастовых целых бусины различных цветов, как правило, округлой формы, много фрагментов таких же бусин, а также 6 пастовых и стеклянных голубых и белых призматических и цилиндрических бусин найдено возле шеи. Судя по антропологическим и вещественным данным, погребение принадлежит женщине средних лет.

Погребение № 5 обнаружено на глубине 1,30 м. Овальная могильная яма размером 60 × 185 см. Скелет ориентирован головой на северо-восток. Череп повернут к левому плечу. Скелет, за исключением большинства ребер и фаланг конечностей, в хорошей сохранности. Около колена левой ноги найден красноощеный горнового обжига гончарный двуручный кувшин, аналогичный найденному в погребении № 4. У локтя левой руки найдено фрагментированное зеркало позднесарматского типа с выпуклым геометрическим орнаментом на оборотной стороне, а ниже локтя той же руки — бронзовая фибула с высоким приёмником, антенной и длинной пружинкой, характерная для III—IV вв. н. э.

В ногах костяка найден фрагментированный лепной плохого обжига толстостенный горшок со слабо отогнутым венчиком и плохо профилированными стенками. У запястья левой руки обнаружена пятипалчатая бронзовая привеска со сквозным отверстием для подвешивания, а у правого плеча — обломок другой бронзовой фибулы. Около таза найдено несколько граненых голубых стеклянных бусин и одна многоцветная голубовато-белая пастовая бусина, около шеи черные цилиндрические и две белые цилиндрические пастовые бусины. Около ступней ног найдено 1050 целых и сотни фрагментированных круглых стеклянных и цилиндрических пастовых бус различных цветов — белые, золотистые, зеленые, желтые и др. Под позвоночным столбом обнаружена бронзовая цилиндрическая бусина, свернутая из бронзовой пластинки. Череп имеет следы деформации. Скелет принадлежит женщине 20—25 лет.

Погребение № 6 обнаружено на глубине 1,5 м. Размеры овальной могильной ямы 190 × 65 см. Череп раздавлен, фаланги конечностей и большинство реберных костей отсутствуют. Длина скелета 150 см, ширина плечей — 31 см, ширина тазобедренных костей 35 см, длина рук 60 см, длина ног 75 см. Череп имеет следы деформации. С правой стороны между ребрами найдены обломки бронзового зеркала сарматского типа, около левого плеча — фрагментированная бронзовая круглопроволочная серьга с завязанными концами и сломанная железная булава. Около ступней ног найдено 24 пастовые цилиндрические и круглые бусины различных цветов (желтые, белые, голубые и зеленые) и две бронзовые цилиндрические бусины из свернутых пластинок, а около шеи 200 целых и десятки фрагментированных стеклянных и пастовых круглых, усеченноконических, ребристых, сферических, цилиндрических и призматических бусин синего, желтого, черного, белого и голубого цвета.

(рис. 4): Около таза найдены фрагменты неопределимого железного предмета и фрагменты глиняного пряслица вышеописанной формы. Погребение принадлежит женщине 20—25 лет.

Погребение № 7 обнаружено на глубине 1,40 м, на расстоянии 130 см к западу от погребения № 4. Скелет ориентирован головой на север. Размеры овальной ямы 60 × 170 см. Череп сдвинут и повернут к правому плечу. Скелет очень плохой сохранности. Частично сохранились кости правой руки, ребра, кости обеих ног, три позвонка. Череп имеет ярко выраженные следы деформации. Длина правой руки 31 см, длина ног 50 см, общая длина скелета 110 см.

На уровне залегания скелета найдены следующие предметы: у левого виска круглопроволочная серьга очень плохой сохранности (собственно говоря, найдены лишь отпечатки ее на черепе). Между ребрами — с правой стороны — круглое бронзовое зеркало позднесарматского типа с геометрическим выпуклым орнаментом на обороте, около шеи 17 стеклянных и пастовых зонных, цилиндрических, призматических, круглых и др. бусин желтого, белого и зеленого цвета, и одна шаровидная голубая стеклянная бусина с правой стороны таза. Выше правой ступни найдена игла из кости птицы с просверленной и фрагменты неопределимого железного предмета.

Около затылочной части черепа обнаружен небольшой серолощенный одноручный гончарный кувшин с кольцевым валиком. Все части кувшина прекрасно профилированы. Высокое и широкое горло с хорошо выраженным венчиком плавно переходит в выпуклобкое тулово, заканчивающееся небольшим донышком с поддоном в виде кольцевого валика. Сосуд тонкостенный, глина без видимых примесей прекрасного горнового обжига. Подобные сосуды встречаются в могильниках и на селищах черняховского типа в Поднепровье. Погребение принадлежит девочке 5—7 лет.

Погребение № 8 обнаружено на расстоянии 2 м к западу от погребения № 7 на глубине 1,05 м. Размеры овальной могильной ямы 80 × 220 см. Погребение ориентировано головой на север. Череп раздавлен засыпкой могильной ямы и немного повернут к левому плечу. Фаланги пальцев и часть ребер отсутствуют. Длина скелета 175 см, длина рук 72 см, длина ног 97 см, ширина плечей 38 см, ширина таза 33 см. С правой стороны около черепа найден маленький гончарный сероглиняный кувшинчик с одной ручкой и кольцевым поддоном, аналогичный кувшину из предыдущих погребений.

С левой стороны возле черепа найден еще один подобный же одноручный сероглиняный гончарный кувшин, но больших размеров. Выше локтя правой руки найдена медная треугольная пластинка с отверстием (вероятно язычок от застежки).

Около шейных позвонков найдены две бронзовые цилиндрические бусины из свернутой пластинки и одна пастовая цилиндрическая бусина, а около локтя левой руки — медная круглопроволочная серьга с одним эсвидным и другим завязанным концом. Около тазобедренных костей справа найдены фрагменты железных кольца и однолезвийного ножа. Судя по антропологическим данным и вещевым находкам, погребение принадлежит мужчине лет 30.

Погребение № 9 обнаружено на расстоянии 5 м к северо-западу от погребения № 10 на глубине 1,50 м. Размеры овальной могильной ямы 100 × 220 см. Скелет ориентирован головой на северо-восток. Череп повернут в правую сторону. На черепе имеются следы деформации. Длина скелета 154 см, ширина в плечах 33 см, ширина тазовых костей 38 см; длина рук 56 см, длина ног 75 см. В ногах скелета найден маленький

лепной тонкостенный горшочек. У правого бедра найдено глиняное биконическое пряслице, а возле шеи 65 пастовых и стеклянных бусин призматических, цилиндрических, круглых, боченкообразных, ребристых форм, белого, светло-зеленого и желтого цвета и несколько плоских костяных бусин. Около запястья рук и у ступней ног найдены зонные, цилиндрические, граненые, призматические и др. стеклянные и пастовые бусы, светло-зеленого, желтого и коричневого цвета. Всего 85 штук. На груди слева найдена бронзовая фибула с высоким приемником и короткой пружинкой, а ниже, между ребрами, бронзовое круглое зеркало позднесарматского типа с выпуклым геометрическим орнаментом на оборотной стороне (диаметр зеркала 5 см). Погребение принадлежит женщине примерно в возрасте 30 лет.

Погребение № 10 обнаружено на расстоянии 2,5 м к югу от погребения № 9, на глубине 95 см. Овальная яма, размером 100 × 200 см. Скелет ориентирован головой на северо-восток, череп повернут к правому плечу и имеет следы деформации. Ноги слегка согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль тела, как и у всех предыдущих погребений. Длина скелета 145 см, ширина в плечах 30 см, ширина тазобедренных костей 26 см, длина рук 45 см, длина ног 70 см. Сохранность скелета хорошая.

Около ступни правой ноги найден лепной горшочек из плохо обожженной коричневой глины с примесью дресвы. На расстоянии 18 см к северо-востоку от черепа найден целый стеклянный римский косметический флакончик с двумя ручками в виде лебедей, шарообразным туловом и тонким высоким горлом с плоским горизонтальным венчиком. Высота флакончика около 7 см.

Справа от черепа найден вплотную примыкающий к нему гончарный, краснотелый одноручный кувшинчик с орнаментом из трех углубленных параллельных линий, идущих между горлышком и туловом, тонкостенный. Около шейных позвонков найдена 31 стеклянная пастовая бусина цилиндрической, призматической и др. форм, красного, желтого и коричневого цвета и около 100 фрагментированных светложелтых маленьких круглых бусин.

На груди с правой стороны найдено целое бронзовое зеркало (рис. 5) позднесарматского типа с выпуклым крестообразным орнаментом на оборотной стороне, а выше его — бронзовая фибула с высоким приемником, короткой пружинкой и орнаментированной дужкой ольвийского типа.

У запястья левой руки найден круглопроволочный бронзовый браслет с завязанными концами и такой же браслет у запястья правой руки. Диаметр браслета 8 см.

Возле запястий найдено 170 мелких зонных, реже цилиндрических, стеклянных и пастовых зеленых и желтых бусинок, и 120 таких же бусинок найдено около щиколотки. Кроме того, найдено много фрагментов бусинок.

Около правого бедра найдено глиняное биконическое пряслице языцкого типа. У левого плеча найден бронзовый пирамидальный колокольчик-привеска (рис. 6) с четырьмя шариками на концах, со сквозным отверстием для подвешивания колокольчика и с петлей для прикрепления язычка. Внутри колокольчика найдены 2 круглых зеленых стеклянных бусины. Высота колокольчика 2,5 см. Возле правого плеча найдена железная дужка — часть железной фибулы.

Это погребение является самым богатым по инвентарю и, судя по антропологическим данным, в нем была захоронена девушка 15—16 лет.

Погребение № 11 обнаружено на расстоянии 100 см к северу от погребения № 10, на глубине 90 см. Размеры овальной могильной ямы

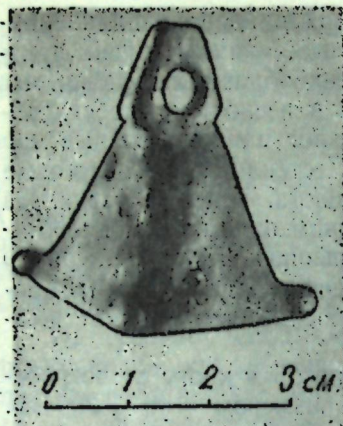

Рис. 6. Бронзовый колокольчик из погребения № 10.

же бусин. Около щиколотки левой ноги найдено 8 и около щиколотки правой ноги 16 светлозеленых, желтых и белых конусообразных и зонных мелких бусин. Возле правого бедра найдена небольшая костяная игла длиной 7 см.

Погребение № 12 обнаружено на расстоянии 6 м к западу от погребения № 11, на глубине 120 см. Овальная могильная яма, размером 170 × 80 см. Скелет ориентирован головой на северо-восток. Череп перевернут лицом к земле и раздавлен. Весь скелет плохой сохранности. Сохранились лишь кости ног, плечевая кость правой руки и несколько фрагментов ребер. Длина скелета около 100 см. Погребение принадлежит ребенку, девочке лет 5—6. В ногах скелета с правой стороны найден высокий, плохо профилированный и плохо обожженный лепной горшок. Коричневая глина имеет примесь дресвы. Вокруг шейных позвонков найдено 9 конусообразных пастовых мелких бусинок желтого цвета, 20 целых и несколько фрагментов таких же желтых и зеленых бусин обнаружено около ступней ног.

Погребение № 13 обнаружено на расстоянии 4 м к северу от погребения № 12, на глубине 115 см. Овальная могильная яма, размером 135 × 98 см. Скелет ориентирован головой на северо-восток, череп повернут к правому плечу. Длина скелета 158 см, ширина в плечах 38 см.

Слева около черепа найден двуручный красноглиняный гончарный кувшинчик на кольцевом поддоне, вышеописанного римского типа. Обжиг горновой. Тулово сосуда по форме приближается к сферической, горло широкое и прямое.

Около шейных позвонков найдено 8 стеклянных и пастовых зонных, граненых и круглых бус желтого и зеленого цвета, около кистей рук — 6 целых и много фрагментов цилиндрических и овальных пастовых желтых, голубых и зеленых бусин, а около щиколоток ног — 8 целых и много фрагментов зеленых и желтых мелких круглых стеклянных бусин.

С правой стороны, ниже груди найдены фрагменты бронзового позднесарматского зеркала с выпуклым геометрическим орнаментом на обратной стороне. Около левого плеча найдены фрагменты бронзовой круглопроводочной серьги с завязанными концами, вторая такая же серьга найдена внутри черепа. Слева, около тазобедренных костей найдено глиняное биконическое пряслице. Череп имеет следы деформации. Погребение принадлежит молодой женщине в возрасте до 30 лет.

120 × 70 см. Скелет ориентирован головой на северо-восток. Череп слегка повернут к левому плечу. Сохранность скелета очень плохая. Уцелели, и то частично, лишь череп и отдельные кости рук и ног. Длина скелета 85 см. Видимо это погребение девочки 5—6 лет. Примерная ширина в плечах 18 см, длина рук без кистей 18 см, длина ног — 35 см.

В ногах скелета найден небольшой выпуклобокий лепной кувшинчик с почти сферическим туловом. Глина коричневая с примесью дресвы, обжиг печной, поверхность заглажена грубо, сосуд довольно четко профилирован.

Около шеи найдено 55 стеклянных и пастовых, полихромных, глазчатых желтых и светлозеленых бусин цилиндрической, круглой и др. форм и много фрагментов таких

Погребение № 14 обнаружено на расстоянии 60 см к северо-востоку от погребения № 12, на глубине 115 см. Размеры овальной могильной ямы 195 × 65 см. Скелет ориентирован головой на северо-восток. Череп, имеющий следы деформации, повернут к левому плечу. Длина скелета 143 см. Ширина в плечах 31 см. В ногах скелета найден большой серо-лощенный тонкостенный гончарный одноручный кувшин вышеописанного типа без орнамента. Слева от черепа найден лепной горшок со сферическим туловом и невысоким прямым горлом вышеописанного типа. Цвет глины красновато-желтый, обжиг печной, в глине имеется примесь дресвы. Судя по антропологическим данным, скелет принадлежит мужчине 25—27 лет.

Погребение № 15 обнаружено на расстоянии 450 см от погребения № 14 на глубине 120 см. Овальная могильная яма размером 172 × 60 см. Скелет ориентирован головой на северо-восток. Череп лежит лицом вверх и прижат к груди. Сохранность скелета хорошая. Длина его 140 см, ширина в плечах 27 см, ширина тазобедренных костей 23,5 см. У черепа с правой стороны найден небольшой двуручный гончарный красноглиняный сосуд вышеописанного римского типа. Справа на груди найдена пастовая сферическая ребристая бусина голубого цвета. В ногах найдено 8 бараньих бабок для игры (рис. 7). Все находки сделаны на уровне залегания скелета. Судя по антропологическим данным, погребение принадлежало мальчику 11—13 лет.

Погребение № 16 обнаружено на глубине 97 см. Размер овальной могильной ямы 210 × 75 см. Скелет ориентирован головой на северо-восток. Череп повернут к правому плечу. Длина скелета 168,5 см. Сохранность скелета хорошая. Длина рук 71 см, длина ног 91 см, ширина в плечах 35 см, ширина тазобедренных костей 31 см. Судя по антропологическим данным, это погребение мужчины 25—30 лет.

Погребение № 17 обнаружено на глубине 160 см. Овальная могильная яма, размером 200 × 68 см. Скелет ориентирован головой на северо-восток. Череп, имеющий следы деформации, повернут к левому плечу, нижняя челюсть сдвинута в сторону. Длина скелета 155 см, ширина в плечах 35,5 см, ширина тазобедренных костей 28,5 см, длина рук 62,5 см, длина ног 70 см.

В ногах найден небольшой гончарный одноручный сероглиняный кувшин, орнаментированный редкими лощеными линиями, идущими от венчика до середины тулова. Возле щиколотки левой ноги найден маленький лепной чашеобразный сосудик из плохо обожженной и плохо отмученной глины, с неровными краями, грубой обработкой поверхности и примесью дресвы к глине.

Около шейных позвонков найдено 6 целых и много фрагментированных зонных желтых, зеленых и голубых стеклянных и пастовых бусин. Возле щиколоток ног найдено 38 целых и ряд фрагментированных стеклянных и пастовых конусообразных круглых и бусин синего, коричневого, красного и желтого цвета и 28 целых и много фрагментов таких же бусин найдено возле запястий обеих рук. Погребение принадлежит женщине в возрасте до 30 лет.

Погребение № 18 обнаружено на расстоянии 1,5 м от погребения № 17, на глубине 98 см. Размеры овальной могильной ямы 82 × 48 см. Судя по ее форме, погребение было ориентировано головой на северо-восток. Сохранились фрагменты черепной крышки и несколько зубов. Возле них найден небольшой тонкостенный гончарный кувшинчик из красной глины, орнаментированный выпуклой линией. Форма тулова близка к сферической. Скелет принадлежал ребенку.

В 1956 году Прутско-Днестровский экспедицией юго-западнее с. Чишма, Оргеевского района, на склоне холма был открыт еще один могильник, аналогичный Боканскому. Вытянутый на спине костяк обнаружен на глубине 250 см. Рядом найден сероошеченный горшок, синие бусы из стеклянной пасты и бронзовое зеркало, аналогичные боканским.

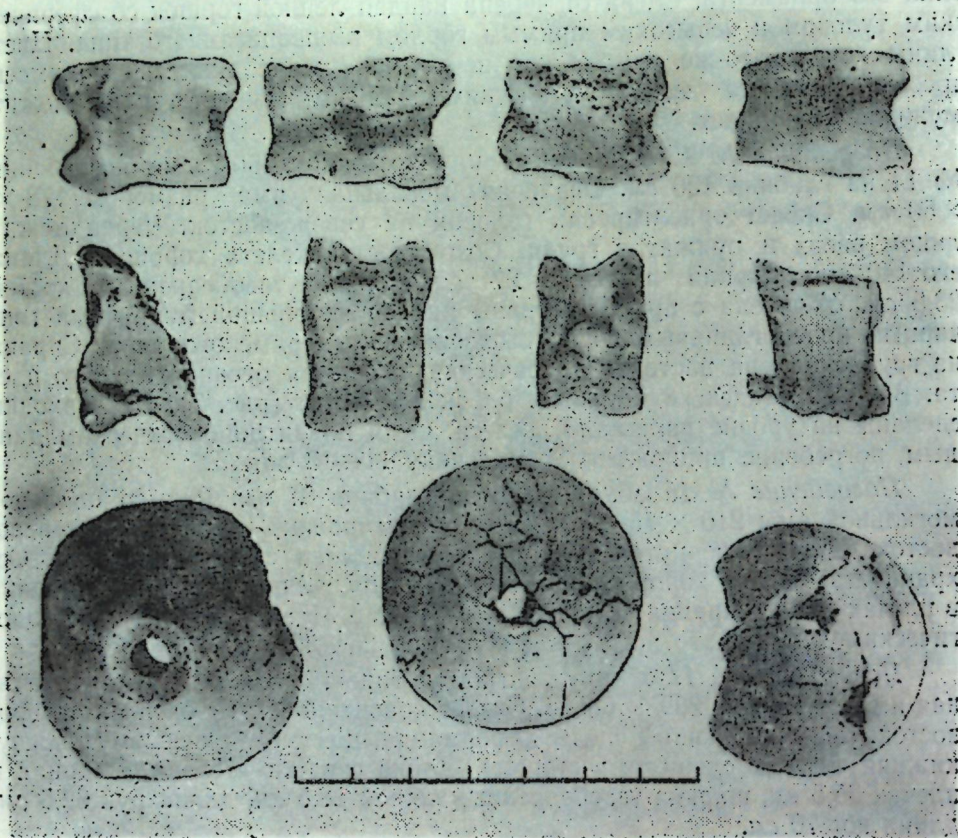

Рис. 7. Бабки для игры из погребения № 15 и глиняные пряслица.

Обряд погребения в Боканском могильнике одинаков. Обычно гончарные сосуды ставились в головах (9 из 12 сосудов), а лепные — в ногах. Мужские погребения значительно беднее по инвентарю, чем женские и содержат горшки, оружие (мечи и ножи) и лишь в редких случаях бусинку или медные украшения.

Инвентарь женских погребений Боканского могильника богат. Это глиняные и гончарные сосуды, которые по одному или по два ставились в головах или в ногах костяков (рис. 8). Для гончарных сосудов, имеющих прекрасный обжиг и поддоны, характерны две формы: одноручные сероошеченные или сероглиняные кувшины, среди которых есть близкие к раннечерняховским и низкие красноглиняные двуручные сосуды римского типа (рис. 9, 10). Лепные сосуды без орнамента, в большинстве случаев близкой к боканской форме, имеют толстые стенки, плохой обжиг, слабо отогнутые венчики и нечеткую профилировку тулова. Особо следует отметить небольшой стеклянный римский косметический флакон арибаллической формы, с двумя ручками в виде лебедей, с шарооб-

разным туловом, невысоким прямым горлом и широким горизонтальным венчиком (рис. 11).

Прослеживается различие между богатыми и бедными погребениями, из которых первые содержат сотни бус и множество украшений, а вторые — лишь несколько десятков бус и по одному лепному горшку.

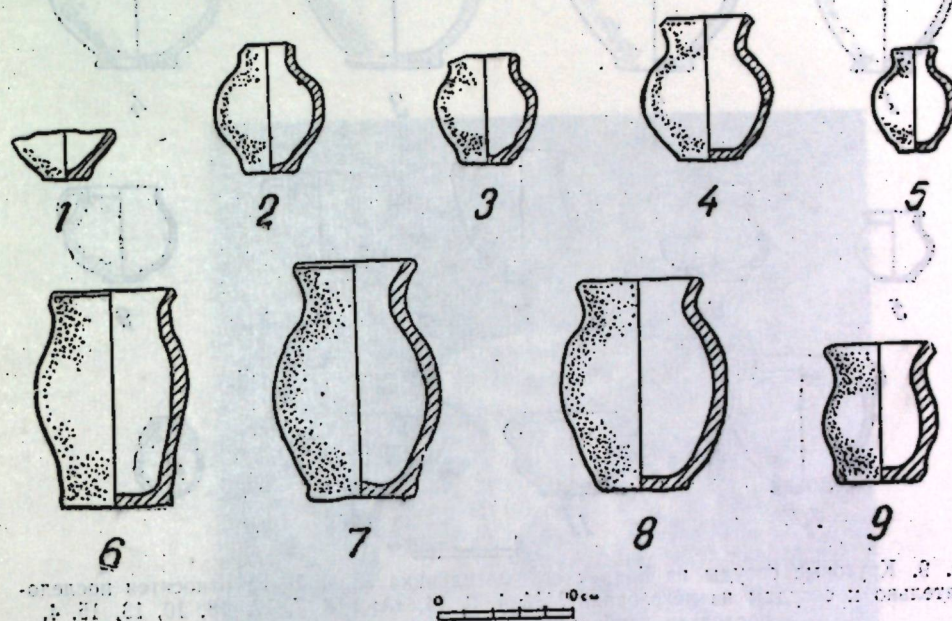

Рис. 8. Лепные сосуды из Боканского могильника. №№ 1—9 относятся последовательно к сосудам из погребений №№ 17, 14, 4, 11, 9, 12, 5, 10, 7

По фибулам, гончарным сосудам, стеклянному флакону и другим изделиям могильник датируется II—IV вв. н. э. (рис. 12). Ряд признаков: обряд погребения, бронзовые зеркала, мечи и деформация 8 черепов, позволяют считать могильник и, повидимому, селище в основном сарматскими. Об этом говорит и сходство некоторых типов лепных и гончарных сосудов с западно-сарматскими, языгскими, в частности, с сосудами из известного могильника Маросцентана на Мораве.

В то же время бросается в глаза и ряд особенностей, отличающих Боканский могильник от типичных сарматских могильников. Отсутствуют, например, характерные для сарматов куски мела в могилах или посыпание покойника мелом. Совершенно не встречаются обычные для сарматских могильников костяки со скрещенными ногами. Далеко не все черепы деформированы.

Материальная культура имеет смешанный характер. Наряду с типичными сарматскими вещами большинство сосудов не характерно для сарматов, и не встречается в сарматских погребениях ни на территории СССР, ни за рубежом. Так, например, керамика сарматского могильника и поселения в Апахиде (Венгрия) — миски, кувшины без ручек, ничего общего не имеют с боканской керамикой. Керамика из могильника в Маросцентане — широкобокие горшки без ручек, широкие миски с граненым венчиком, небольшие кувшины с резким изгибом ручки и нижней части

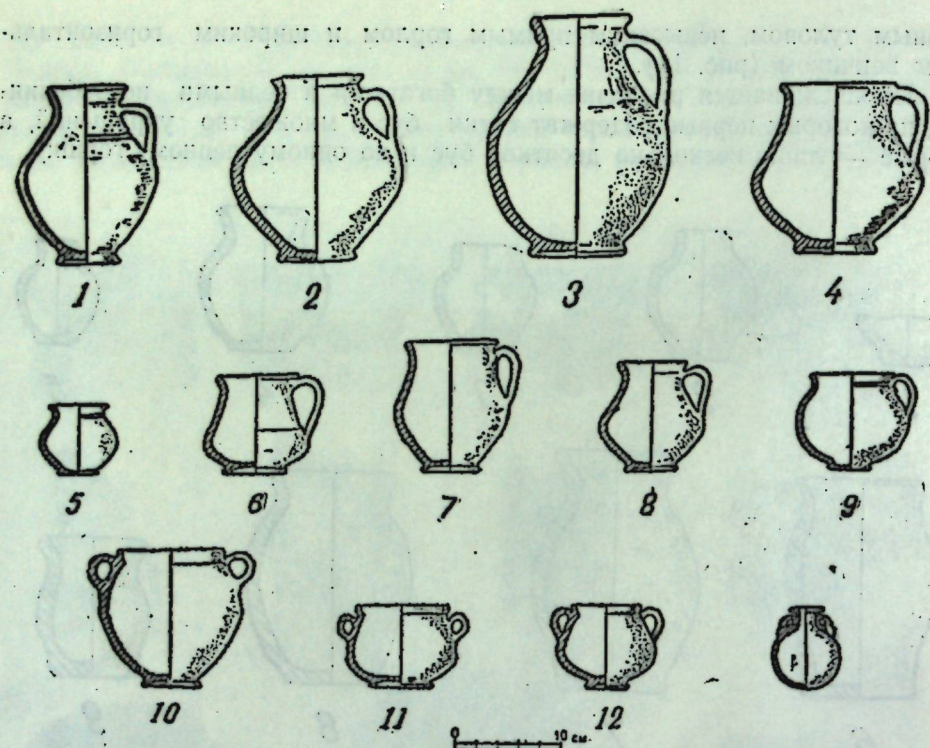

Рис. 9. Круговые сосуды из Боканского могильника №№. 1—12 относятся последовательно к сосудам из погребений №№ 1, 8, 14, «А», 18, 7, 17, 18, 10, 13, 15, 4, последнее изображение — стеклянный флакон.

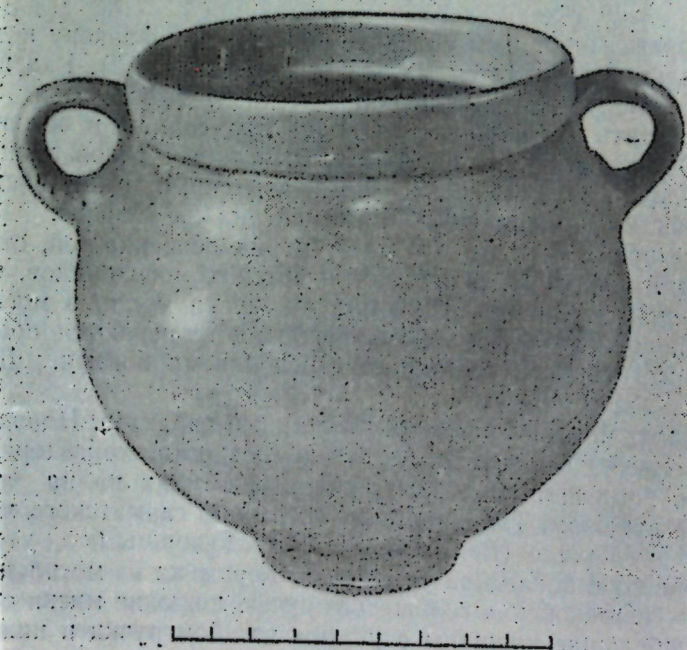

Рис. 10. Круговой сосуд из погребения № 13.

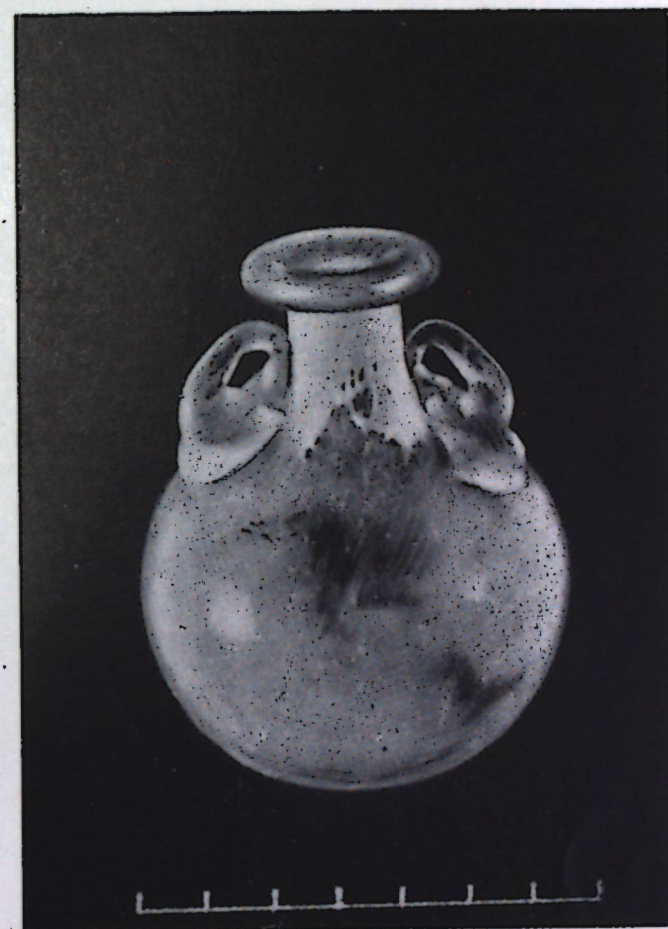

Рис. 11. Стеклянный косметический флакон из погребения № 10.

тулова, миски с резко отогнутыми краями, небольшие горшки без ручек с сильно отогнутым венчиком, также несколько не похожа на боканскую. Непохожи на боканские и фибулы, преобладающие в Маросцентане — арбалетовидные с широкой плоской спинкой. Сходство имеется с двумя видами бус — плитчатых со срезанными краями и цилиндрических с уплощенными концами (пастовых), но такие бусы встречаются повсюду в Причерноморье и Подунавье. Имеется также сходство с одним из видов лепных горшков¹.

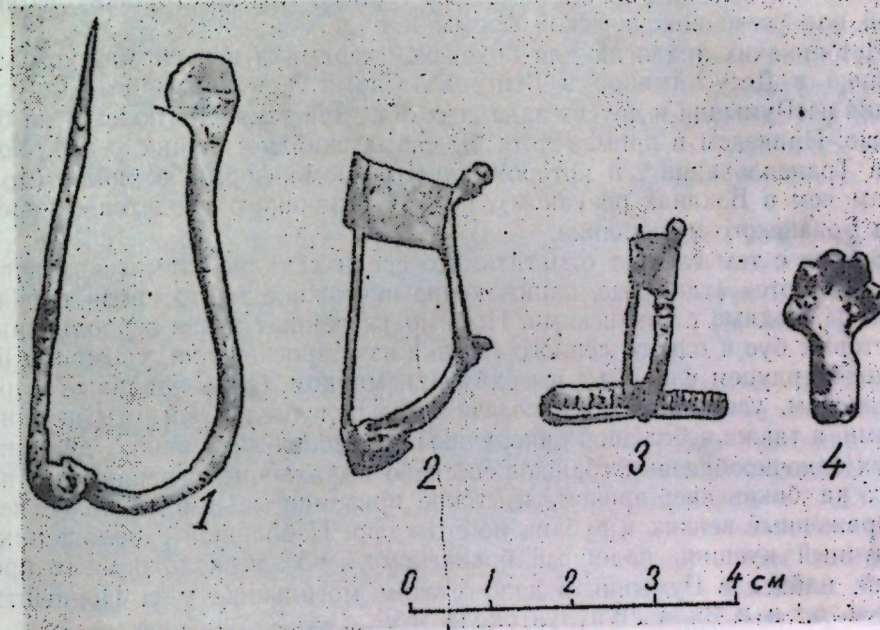

Рис. 12. Фибулы из Боканского могильника. №№ 1—4 относятся последовательно к фибулам из погребения №№ 5, 5, 10, 9.

Несколько похож на одноручные серолощенные боканские кувшины один кувшин III—IV вв. из Венгрии, изданный Фетихом Неандором². Однако неизмеримо более близкие аналоги ему имеются среди славянских древностей Побужья и Верхнего Поднестровья³.

В трёхтомном подробном издании западно-сарматских (языгских) древностей М. Пардуца⁴ также в большинстве сосудов и других изделий прочих сарматских могильников нет даже отдаленных аналогий боканским. Так, например, отсутствуют в Боканах, характерные для сарматов широкие пластинчатые дужки арбалетообразных фибул, косые ножки фибул, обычные для языгов колоколовидные кубки на невысокой ножке, горшки без ручек с резкой гранью изгиба в нижней части тулова, горшки на плитчатом высоком узком поддоне, кувшин с высокой ручкой, поды-

¹ Dolgozatok, 1911, I—II Amoroszentanni nevvaud orlaskori temato.

² Archeologiai Euresito XLIV, Budapest, 1930 Feltich Naudor Nervaudorlaskor, стр. 211, рис. 137.

³ М. Ю. Смирнко, Доба політ поховань в західних областях УРСР «Археологія», Київ, 1948, т. II. Одноручний серолощений кувшин із Побужья. Боканський могильник — серолощений кувшин із погребення «1».

⁴ M. Parducz, Aszarmatatok Emlekei Magyarorszagban. Sarmatenzeit Archeologia Hungarica, Budapest, 1941, т. I, вып. XXV; 1944, т. II, вып. XXVIII; 1950, т. III, вып. XXX.

мающейся над туловом сосуда, с высоким плитчатым поддоном; отсутствуют в Боканах (несмотря на наличие нескольких тысяч бус) и обычные для языгов большие шарообразные бусы, миски на высоких и узких поддонах, одноручные кувшины с резкой гранью изгибов в нижней части тулова, лепные горшки усеченноконической формы без поддонов, с двумя выступающими над венчиком ручками, высокогорлые двуручные кувшины, миски, горшки и кубки на высоких поддонах, кубки усеченноконической и баночной формы на низких ножках, одноручные кувшины с высоким цилиндрическим или расширяющимся горлом, двуручные кувшины, с широким и высоким цилиндрическим горлом, лепные горшки биконической или усеченноконической формы и т. д.

Нет никаких аналогий для боканской керамики и в сарматском могильнике в Десу-Уймайор в Венгрии¹. Сарматская керамика и другие изделия из Румынии и других западных областей также не похожи на боканские. Приведем в пример хотя бы сарматский могильник у дер. Холбок в Трансильвании², в котором ничего, кроме формы зеркала (но с другим чем в Боканах рисунком), не имеет никакого сходства с инвентарем Боканского могильника.

Вместе с тем следует отметить, что среди западно-сарматских древностей имеются отдельные, занимающие ничтожное место среди прочих, предметы сходные с боканскими. Помимо указанных выше сердоликовых и пастовых бус и одного лепного горшка из Маросцентана, упомянем изданные Пардуцем фибулы с высоким приемником, бусы, подобные маросцентанским, усеченноконические глиняные пряслица с вогнутыми основаниями, а также небольшой одноручный серолощенный кувшин³, два типа лепных баночнообразных горшков со слабо выраженными венчиками, похожих на боканские; причем, языгские приземистые имеют более четко выраженный венчик и рубчик по его краю. Небольшой серолощенный одноручный кувшин, подобный боканскому, но несколько иных пропорций, найден в Румынии в дако-гетском могильнике у с. Поянешты, IV в. н. э.⁴ и в Валя Лупулуй около Ясс⁵.

Однако подобные кувшины часто встречаются, главным образом, не в сарматских и дако-гетских, а в черняховских могильниках. При этом, если для боканской керамики можно найти некоторые, хотя и немногочисленные аналоги в западно-сарматской керамике, то среди сарматских древностей СССР они отсутствуют вовсе. Полностью отсутствуют в Боканском могильнике типичные для сарматских поселений и могильников Украины лепные широкогорлые кувшины со сферическим туловом, большие чашки усеченноконической формы, горшки с широким горизонтальным венчиком, горшки с сильно вытянутым туловом, двуручные, усеченноконической формы кубки, вазы на высоких широких ножках, выпуклобокие кувшины с резкой гранью посередине тулова и небольшой ручкой в его верхней части, миски усеченноконической формы, миски с высокими бортами, амфоровидные кувшины с двумя высокими ручками и узким горлом и т. д. Встречаются лишь подобные боканским плитчатые со срезаемыми краями халцедоновые и сердоликовые бусы, которые, однако, широко распространены на всем юге СССР, в Причерноморье и Прикарпатье.

¹ Folia Archaeologica, Budapest, 1845, т. V.

² Studii și cercetări de istorie veche, București, 1952, v. III.

³ M. Parducz, ук. соч., таблица LXXXVII, v. II.

⁴ M. Parducz, ук. соч., т. II, табл. XV, рис. 10—11, табл. XV, № 40 и табл. XV, № 18 и 19.

⁵ Studii și cercetări de istorie veche, București 1954, № 1—2. Могильник с трупопожжением, стр. 215, фиг. 1, там же найдена усеченноконическая лепная чашка, напоминающая боканские.

Особый облик матеральной культуры боканских сарматов объясняется прежде всего тем, что это были сарматы-земледельцы и что они были связаны с другими местными земледельческими племенами, имевшими своеобразную культуру. Наличие в Боканском могильнике фибул ольвийского типа с высоким приемником и ряда римских или римского типа изделий говорит о связях с Причерноморьем и римскими провинциями. Содержание культурного слоя селища свидетельствует о том, что его население состояло не из кочевников, а из оседлых земледельцев.

Судя по вещевым находкам, помимо земледелия и скотоводства, жители Боканского селища знали уже выплавку железа, ткачество, гончарство, ювелирное дело и имели довольно широкие экономические связи, о чем говорит ряд привозных вещей и имущественное неравенство.

Таким образом, Боканский могильник и селище принадлежали сарматам, осевшим на землю, потерявшим часть характерных для них черт культуры, имеющим связи с Причерноморьем и испытывающим влияние со стороны оседло-земледельческих племен Днестро-Прутского междуречья, то есть со стороны славян.

Еще Шафарик, совершенно правильно определяя взаимоотношение сарматов и славян, писал: «Славяне не только с незапамятного времени имели сношения с сарматами, но даже некоторые ветви их жили среди славянских народов... Отсюда произошло смешение в языке, нравах, религии тех и других»¹.

В самом центре будущей территории древнерусского государства в Среднем Поднепровье в первые века н. э. мы отчетливо видим некоторое сарматское влияние на местное славянское население, хорошо прослеженное, например, в Черняховском и Масловском могильниках (трупопожжения, сарматские зеркала, деформированный череп и т. д.). Если «...оседание сарматских племен в долинах рек и вокруг городов до известной степени перемешало этнографию обитавшего там населения и включило в него новые этнические элементы»², то на окраинах этой территории, в частности, в степной зоне Попрутья происходил процесс славянского влияния на местное, неславянское население, в частности сарматское, заключающееся в изменении форм, культуры и хозяйства. Об этом свидетельствуют данные, полученные при раскопках Боканских селищ и могильника.

Изучение черепов Боканского могильника, осуществленное сотрудниками Института этнографии АН СССР, подтверждает сделанные выше выводы. М. А. Великанова и Т. Г. Сурнина отмечают, что антропологический материал Боканского могильника неоднороден. Обнаруживается морфологическое сходство с черепами из Малаештского могильника (исследован автором настоящей статьи в 1954—1955 гг.). Черепа из Малаештского могильника по определению Великановой и Сурниной сходны с черепами из могильников эпохи полей погребений Среднего Поднепровья и очень близки к древнерусским черепам, в частности к черепам из черниговских курганов. Вторая группа черепов Боканского могильника близка к сарматским черепам из Украины. Обычай деформации позволяет предполагать существование каких-то связей с южным кругом памятников.

¹ П. И. Шафарик. Славянские древности, т. II, кн. I, М. 1848.

² М. И. Вязьмитина. Вивчення сарматів на території Української РСР. «Археологія», Київ, 1953, VII, стр. 75.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Г. Б. Фьодоров «Ку привире ла култура сарматикэ ын Молдова».

Ауторул дескрие резултателе сепэтурилор, фэкуте ын анул 1953 ын ымпрежуримиле сатулуй Бокань, районул Фэлешть, РСС Молдовеняскэ, унде ау фост дископерите о сэлнште ши ун цынтирим. Ауторул сокоате, кэ амындоуэ монументеле ау ачеш векиме. Ын цынтирим ау фост дизропате 20 морминте. Скелетеле ерау кулкате ынтр'ынселе ын дирекция Н-Е. Кранииле ерау парциал вэтэмате. Ын морминте ау фост гэсите ши васе де лут, мэржеле, фусурь пентру торс, палоше ши мулте алте обьекте. Жудекинд дупэ фибуле монументеле датязэ де прин вакуриле II—IV але ерей ноастре. Дупэ пэреря ауорулуй ачест цынтирим ера ал-сармацилор, че с'ау ашезат прин ачесте мелягурь ши ау ресымцит о путерникэ ырыурире а културий славе.

RÉSUMÉ

de l'article de G. B. Fiodorov sur la question de la culture sarmatique en Moldavie.

L'auteur donne la description de l'établissement et du cimetière, découverts en 1953 près du village Bocani, district Floresti, R. S. S. M. L'auteur émet l'opinion que les deux monuments datent de la même époque. Dans le cimetière on a découvert 20 tombes. Les squelettes étaient étendus dans les tombes dans la direction nord-sud. Les crânes étaient déformés. Dans les tombes on a trouvé des vases travaillés au tour et à la main, des fusaioles, des perles confectionnées de fer ou de verroterie, des glaives et beaucoup d'autres objets. D'après les fibules le monument date du IV-e — II-e siècles a. n. è. L'auteur suppose, que le cimetière appartient aux sarmates, qui, s'étant établis dans cette région, ont subi l'influence de la culture slave.

Г. Д. СМЕРНОВ

ДЕКОРАТИВНЫЕ КИРПИЧИ ИЗ МОЛДАВСКОГО ГОРОДА
СТАРЫЙ ОРХЕЙ

До археологических исследований в Сучаве¹, Белгороде-Днестровском² и в Старом Орхее молдавский архитектурный декор XIV—XV вв. был известен, главным образом, по памятникам церковного зодчества. От памятников гражданской архитектуры дошли только отдельные элементы декора, свидетельствующие о высоком уровне развития резьбы по камню и дереву.

Раскопки, которые были произведены в Старом Орхее в 1953—1955 гг., дали новые ценные материалы по истории декора гражданских зданий. В северо-западной части орхейской цитадели, под глинобитным полом жилища конца XV в., обнаружены остатки мастерской, изготавливавшей архитектурные детали из красного обожженного кирпича, где найдены обломки фигурных кирпичей и обрезки различных форм, являвшихся отходами производства.

В результате реставрации и реконструкции стали известны фигурные кирпичи разнообразных форм (рис. 1—15).

Архитектурные детали изготавливались посредством выпиливания из обожженных плиток толщиной в 4,5 см. Некоторые детали выпиливались из плиток толщиной от 2 до 5 см. О технике выпиливания свидетельствуют не только следы пилы на подавляющем большинстве деталей и фрагментов, но и отходы кирпича от опиленных изделий. Это исключает предположение о выпиливании деталей до обжига и изготовлении их в форме. На деталях заметны следы шлифовки профилированной поверхности и лицевых частей.

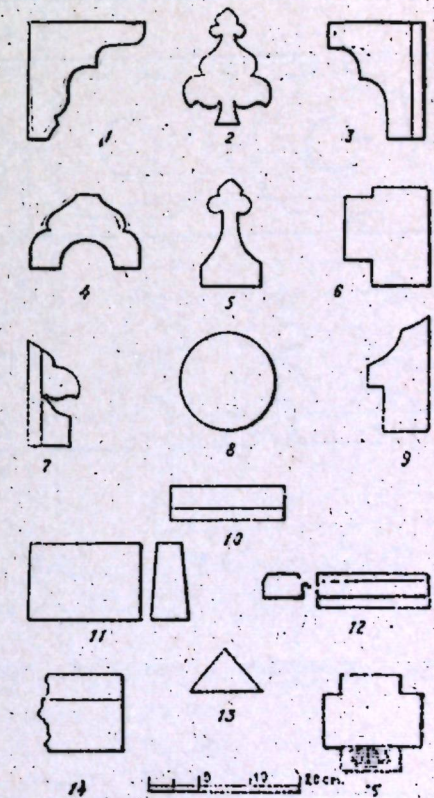

Рис. 1. Фигурные кирпичи.

¹ К. А. Romștorf, Cetatea Sucevii, București, 1913.

² Gr. Avakian, Săpăturile dela Cetatea-Albă. Comisiunea monumentelor istorice Secția din Basarabia, Chișinău, 1931, Anuar, III.

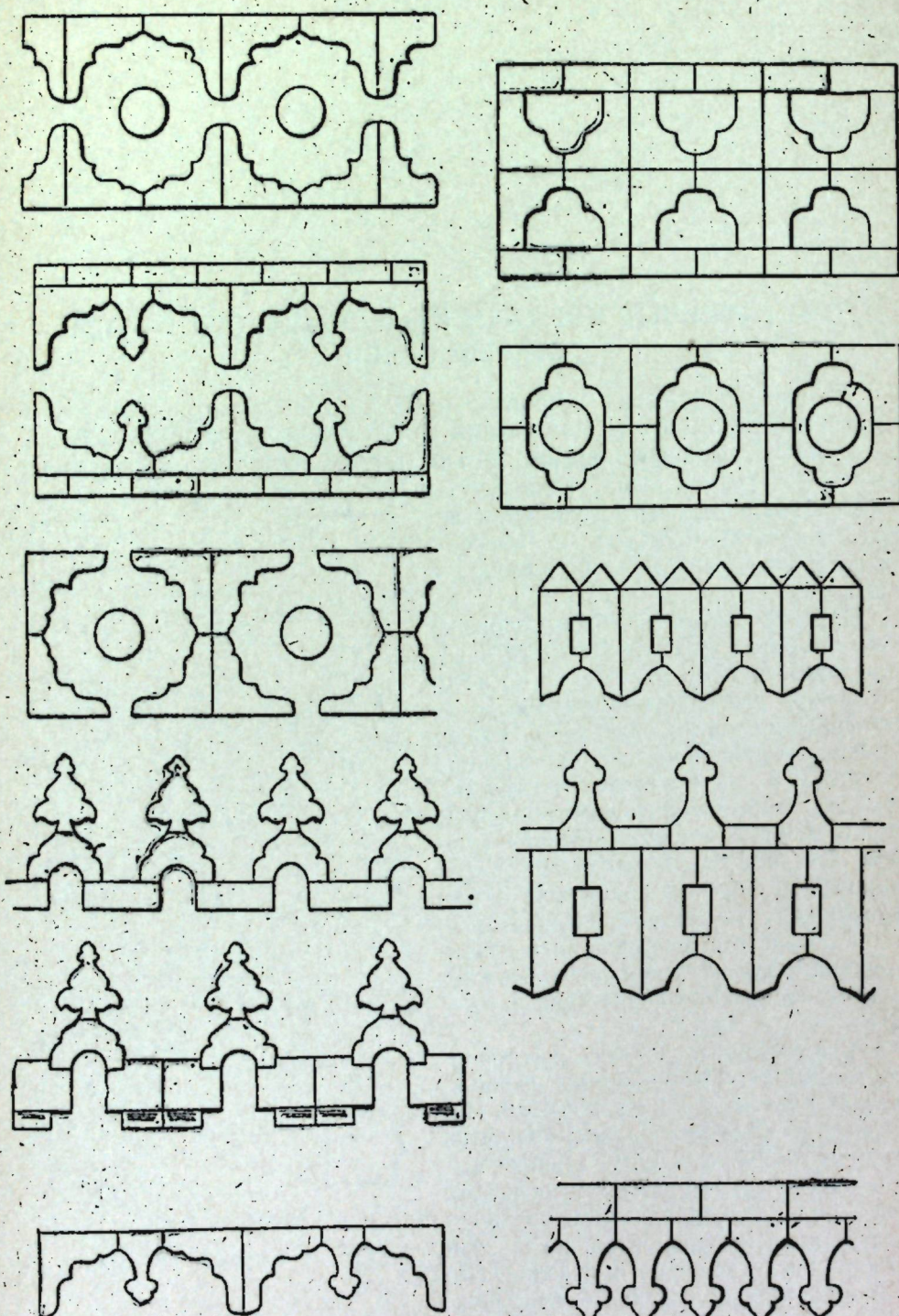

Рис. 2. Варианты орнаментальных мотивов из фигурного кирпича.

Разметка рисунка на кирпичах производилась при помощи шаблонов; об этом способе говорят следы прочерченных линий на нескольких фрагментах и деталях. Выпиливание производилось лобзиковидными пилами, где полотном пилы видимо служила перевитая проволока, толщина которой не превышала 0,6 мм (эта цифра получена путем замеров, произведенных по следам пропилов). Употреблялись также и пилы с сравнительно широким полотном, которые служили для обработки прямоугольных деталей; толщина полотна равна 0,6—0,7 мм.

Изготовление кирпича для фигурных деталей производилось обычным способом, в формах, при сушке до обжига на открытом воздухе, об этом свидетельствуют следы лап собак и других животных на поверхности кирпичей. Основные размеры деталей 21×7 см, 21×10,5 см, 21,5×20,5 см и с некоторыми отклонениями 20,5×17,5 см.

Изучение деталей и фрагментов выявило тесную взаимную связь их между собой и закономерность их пропорций, построенных на основе простейших отношений 1:1, 1:2, 1:3. Все это говорит о возможности их комбинации для различных вариантов орнаментального мотива, а также различных декоративных деталей, как, например, фриз, поясов, филенок, карнизов и т. п. (рис. 2).

Кроме того, из этих же деталей может быть реконструирован наличник окна или ниши, для сборки которого требовалось 13 деталей, из них 5 однотипных (рис. 5). Сборка облегчалась тем, что некоторые детали имели характерные профили, как, например, фаски или скошенные грани, которые указывали положение детали в конструкции наличника и ее связь с другими.

В результате сборки деталей получен наличник с внутренним проемом в форме трехлопастной арки с украшениями на карнизе и подоконнике ниши; причем карниз и подоконник являются неотъемлемыми частями наличника, где боковые стилизованные украшения в виде антефиксов (в форме цветка), как и центральный антефикс, венчающий карниз, также конструктивно тесно связаны с наличником своими пропорциями и формами.

Связь левого и правого антефиксов с карнизом установлена по фаскам, которые имеются и на антефиксах и на вертикальных тягах деталей наличника, обрамляющих их с внешних сторон. Центральный антефикс связан с карнизом не только точным совпадением размеров его основания

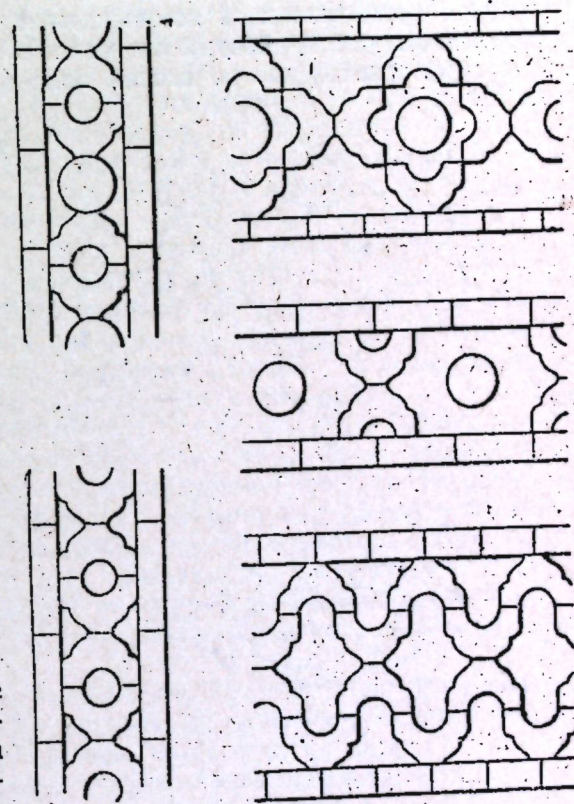

Рис. 3. Варианты орнаментальных мотивов из фигурного кирпича.

и верхней площадки полуциркульной детали, на которую он установлен, но и профилем обеих деталей. Профили всех деталей наличника неразрывно и композиционно связаны.

Реконструкция наличника подтверждает мнение о назначении деталей и о характере их сочетаний, так как наличник имеет те же самые пропорции, что и составляющие его детали. Так, например, проем арки по высоте равен 68 см, по ширине 33 см, то есть 1:2; карниз по отношению к высоте арки — 1:2; подоконник — 1:3.

В соразмерности наличника в целом и всех его частей в отдельности, ритмичности рисунка мы видим проявление законченной художественной композиции и определенного стиля, который сложился в молдавской архитектуре во второй половине XV в.

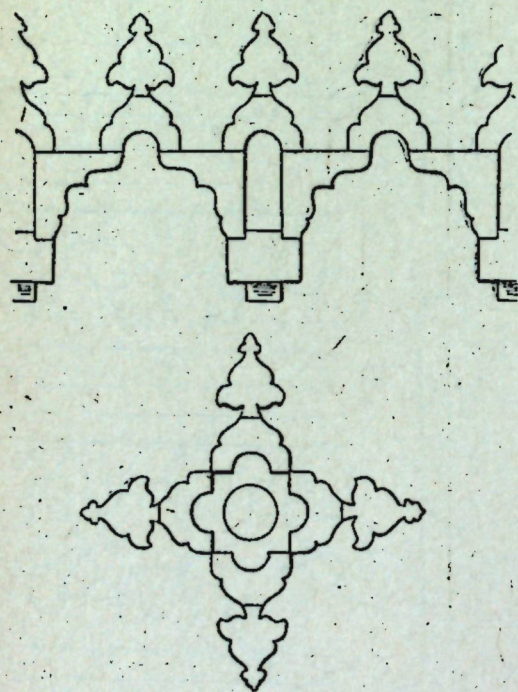

Рис. 4. Варианты орнаментальных мотивов из фигурного кирпича.

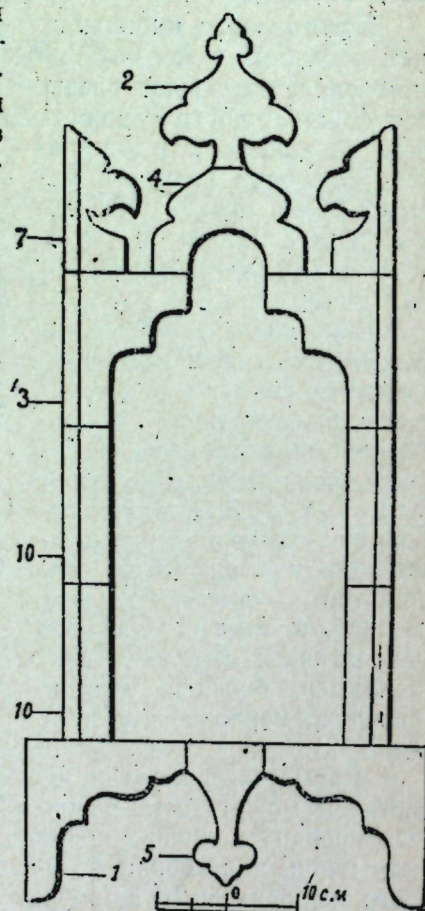

Рис. 5. Наличник ниши из фигурного кирпича.

Типичными чертами для молдавской архитектуры и ее декора является применение при строительстве зданий полуциркульных и килевидных арок в порталах, окнах, декоративных нишах. Ближайшей аналогией реконструированного нами наличника служит печной изразец, найденный в Старом Орхее при раскопках гончарной мастерской. Он сходен не только по форме, но и по пропорциям (рис. 5). Так, например, размеры арки наличника: высота 68 см, ширина 33 см. Размеры арки изразца: высота 9 см, ширина 4 см. В обоих случаях ширина по отношению к длине относится, примерно, как 1:2, а ширина полуциркульных верхних лопастей арок по отношению к длине составляет 1:6 в обоих случаях.

О широком распространении подобного типа арок в гражданских зданиях XV в. мы можем судить также и по материалам из сучавской кре-

пости¹. При раскопках дворцового сооружения времени Стефана III были найдены фрагменты декоративных облицовочных плиток и печных изразцов с рельефными изображениями на них полуциркульных и сложных арок и обломок каменной килевидной двухлопастной арки. Помимо родственных форм, объединяющих сучавские арки с староорхейскими, они имеют и общие пропорции. Это сходство свидетельствует об единстве их происхождения, об архитектурной школе, сложившейся в Молдавии к началу XV в.

В церковных памятниках XV в., сложная аркатура староорхейского типа встречается крайне редко и главным образом в конструкции оконных проемов и их декоре, причем с сильным преобладанием элементов готики. Такого рода оконные проемы и декор имеются в церквях в Хырлэу, Борзешть, в Нямце, Балинешть и др. Но в церковном архитектурном декоре XVI в. попрежнему преобладают формы арок XV в., появляются и формы аналогичные староорхейским (в Радауцах)². В XVII и, особенно, в XVIII вв.³ форма староорхейских и сучавских арок получает широкое распространение не только в окнах и порталах, но и фризах. Фриз такого типа появляется на стенах в Драгомирне и, в развитом виде, в церкви Трех Святителей в Яссах. Аркатура этого типа начинает занимать доминирующее место в архитектурном декоре.

В молдавском народном зодчестве этот тип арки сохранился и в настоящее время, так, например: в селе Иванча, Оргеевского района, близ Старого Орхея в 1954 году были построены ворота, пилоны которых декорированы двумя килевидными двухлопастными арками.

Судя по архитектурным фрагментам Старого Орхея и Сучавы, сложные полуциркульные и килевидные арки, начиная с XV в., применялись только в гражданских зданиях, а полуциркульные арки преимущественно в церковных. Это было, по видимому, связано с определенными канонами, которых строго придерживались молдавские мастера на протяжении почти трех веков; отход от этих канонов стал намечаться с XVII в. Последним церковным памятником на территории современной Молдавии, сохраняющим в декоре староорхейскую аркатуру, является церковь XVIII в. в Каушанах⁴.

Гражданские сооружения XV—XVII вв. на территории Молдавии не сохранились до нашего времени и поэтому мы не имеем возможности проследить развития гражданского декора, его мотивов и стиля.

Где и когда, в силу каких причин появились рассмотренные декоративные кирпичи? По устному сообщению А. А. Ширяева⁵, участвовавшего в раскопках Белгорода в 30 гг., были найдены такие же, как и в Старом Орхее, красные фигурные кирпичи. В то время этим находкам не придали историко-археологического значения, посчитав их материалами более позднего происхождения на том основании, что культурные слои XIV—XV вв. были нарушены строительством XVII—XVIII вв.

¹ К. А. Romștorfer, Celatea Sucevii, București, 1913, p. 38, fig. 48, tab. V—VI.

² G. Bals, Bisericile lui Ștefan cel Mare. Buletinul Comisiunea monumentelor istorice, București, 1926.

³ Ero же. Bisericile moldovenești din veacul al XVI-lea, Buletinul Comisiunea monumentelor istorice, București, 1928, p. 246, fig. 292, p. 247, fig. 224—225; Ero же. Bisericile moldovenești din v. XVII-lea și al XVIII-lea.

⁴ И. Няга, Старинная церковь в м. Каушанах. Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса, т. XII; В. Курдиновский, Список церквей Бессарабской губернии. Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества. Кишинев, 1909 г.; В. Курдиновский, Древняя Успенская церковь в м. Новых Каушанах, Бендерского уезда. Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества, Кишинев, 1918 г., вып. 10; М. Матвеева, Старинная церковь в м. Каушанах.

⁵ А. А. Ширяев — учитель средней школы с. Олонешты.

Стратиграфические условия жилища и мастерской фигурного кирпича и керамические находки определяют время появления этого вида декора в Старом Орхее второй половиной XV в. Эта дата подтверждается также и находкой фрагмента фигурного кирпича в культурном слое гончарной мастерской, которая производила печные изразцы, и датированной по комплексу всех находок тем же временем.

Вполне вероятно, что новая система этого декора возникла из фигурной кирпичной кладки, которая применялась в строительном деле, а техника выпиливания — из столярного дела. Уже квадратный и прямоугольный кирпич позволял сложить довольно большое количество различных орнаментальных рисунков и разработать из них ту или иную тему декора. Развитие фигурной кирпичной кладки привело к применению кирпичей нескольких размеров. В дальнейшем появляются разнообразные формы кирпичей.

С введением фигурного кирпича перед зодчими раскрылись широкие перспективы для художественного творчества. Динамические свойства фигурного кирпича и позволили создать новую гибкую систему архитектурного декора. Преимущества этого декора состояли в том, что он мог быть изготовлен везде, где имелась глина, а залежи этого сырья в достаточном количестве распространены на всей территории Молдавии и добыча глины не связана с теми трудностями, которые необходимы при добыче камня. По своей экономичности кирпичный декор во много раз был дешевле каменного.

Помимо этих преимуществ техника изготовления фигурных кирпичей была проще и быстрее. Она не требовала от мастера повседневного расчета и разметки рисунка, как при обработке камня. Однажды изготовленные шаблоны освобождали от постоянной и излишней затраты труда и, кроме того, не требовалось длительной выучки рабочих для изготовления фигурных кирпичей, ее могли выполнять, под наблюдением мастера, ученики и подсобные рабочие строительной артели. Наличие шаблона также создавало возможность массового производства архитектурных деталей на заказ и для сбыта на рынке.

Преимущества этого декора перед каменным состояли еще и в том, что мастер теперь имел в готовом виде большое количество вариантов архитектурного декора для оформления здания и посредством его мог удовлетворить самые разнообразные запросы и вкусы, а также выполнить заказ в короткие сроки.

Создание нового вида декора свидетельствует о изобретательности мастеров, сумевших извлечь из столь незавидного, на первый взгляд, материала, каким является кирпич, все возможное для своих художественных замыслов.

В заключение считаем необходимым отметить, что своеобразный по своим техническим и художественным свойствам декор, повидимому, относится к локальному варианту молдавской архитектуры в Поднестровье. Ни в Запрутской Молдавии, ни в Валахии (XIV—XVII вв.) подобного рода декора не обнаружено.

Археологические исследования Старого Орхее, Белгорода-Днестровского, Сорок и других памятников молдавского средневековья несомненно дадут новые материалы, которые позволят глубже и всесторонне изучить особенности этого декора, уточнить время его появления и место в истории гражданского зодчества в Молдавии.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артикулулуй луй Г. Д. Смирнов «Кэрэмизь декоративе, фолосите ын орашул молдовенеск Векюл Орхей»

Ын курсул сепэтурилор, фэкуте ын аний 1953—1955 ын Векюл Орхей, ын партя де мязэ-ноапте-асфинцит, а четэций ау фост гэсите рэмэшициле унуй ателнер, ын каре се продучяу деталей архитектурале дин кэрэмизь рошие арсэ. Ын урма рестаурэрий с'ау обынут кэрэмизь де тоате формеле. Еле се фабрикау дин плэчь гроасе де 4,5 см, каре се тэяу ку беския.

Студинд ку атенцие деталниле ши фрагментеле, с'а констатат, кэ еле ау пропорций бине детерминате ши сынт стрынс легате ынтре еле. Пропорцииле ши формеле ачестор кэрэмизь декоративе се базау пе рапортуриле симпле де 1 : 1, 1 : 2, 1 : 3.

Реконструинд ачесте кэрэмизь декоративе, с'а обынут анкадраменте пентру ферестре орь нише, тот фелул де фризе, корнише ши алте деталей декоративе пентру ымподобирия клэдирий.

Астфел ау фост обынуте дате ной пентру студия декорулуй архитектурал молдовенеск дин вакул XV ын Поднестровье.

RÉSUMÉ

de l'article de G. D. Smirnov «Briques décoratives de la ville moldave Ancien Orhei»

Pendant les fouilles d'Ancien Orhei en 1953—1955, on a trouvé au sud-ouest de la citadelle des débris d'un atelier, où l'on confectionnait des détails d'architecture de terre cuite. Après la restauration on a obtenu des briques de différentes formes. Elles étaient sciées en plaques de terre cuite d'une grosseur de 4,5 cm.

L'étude des détails et des fragments a révélé les relations et les rapports qui existaient entre ceux-ci. Les briques façonnées étaient faites dans les rapports suivants: 1:1; 1:2; 1:3.

Après la reconstruction on a obtenu de ces briques façonnées un encadrement décoratif pour niche ou fenêtre, différentes frises, corniches et d'autres détails décoratifs pour les bâtiments.

Ces découvertes représentent de nouvelles données pour l'étude du décor architectural moldave du XV-e siècle.

Г. Д. СМОРНОВ

ПРОИЗВОДСТВО КРАСНОГЛИНЯНЫХ ПЕЧНЫХ ИЗРАЗЦОВ И ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПЕЧЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРОГО ОРХЕЯ

Печные изразцы XV в. в Молдавии были известны только по отдельным находкам. Некоторые типы изразцов, близкие к староорхейским, найдены в Молдавии¹, Валахии и Венгрии. Краткие сведения об этих изразцах приведены Б. Слэтиняну².

Археологические исследования Старого Орхея 1953—1955 гг. дали новые ценные материалы, которые расширяют наши знания о типах печных изразцов, конструкции обогревательных печей, в развитии гончарного дела.

Гончарная мастерская, производившая изразцы и гончарные трубы, была расположена в северной части города в 150 м к востоку от орхейской цитадели. Мастерская дважды уничтожалась пожаром и дважды перестраивалась.

Мастерская-землянка первого строительного периода представляла собой квадратное в плане помещение размером 8,80 × 8,40 м, срубленное из дубовых бревен диаметром 30—35 см в отрыве для этой цели котловане глубиной в 2,40 м от поверхности почвы. От этого помещения сохранились один полуобгорелый венец сруба, часть глинобитного пола и вырубка в скале от входа в помещение, который был расположен с северной стороны землянки. Центральная часть мастерской была расчищена при ее вторичном строительстве, вместе со строительными остатками были выбраны и керамические материалы. Поэтому при раскопках мастерской находки изразцов, пластины к изразцам и различного рода глиняные обрезки, оставшиеся при отделке изразцов, встречались только вдоль стен.

По керамическим материалам установлено, что мастерская сгорела с продукцией полуфабрикатов, находившихся на различных стадиях обработки. Часть изразцов смята и деформирована вследствие обвала сооружения во время пожара и в результате действия высокой температуры. Кроме гончарных изделий, внутри мастерской найдены запасы готового для формовки изразцов глиняного теста, которое также прожжено, получив цвет от розоватого до яркомалинового, и местами ошлаговано. Глиняное тесто имело такую же структуру, как и обломки изразцов.

Основная масса фрагментов изразцов найдена вдоль северной и западной стен мастерской, где, повидимому, стояли стеллажи, на которых сушились гончарные изделия. В этой же части помещения найдены фрагменты сероглиняной посуды.

¹ K. A. Romștorfer, Cetatea Sucevii, București, 1913.

² B. Slătineanu, Ceramica românească, București, 1938.

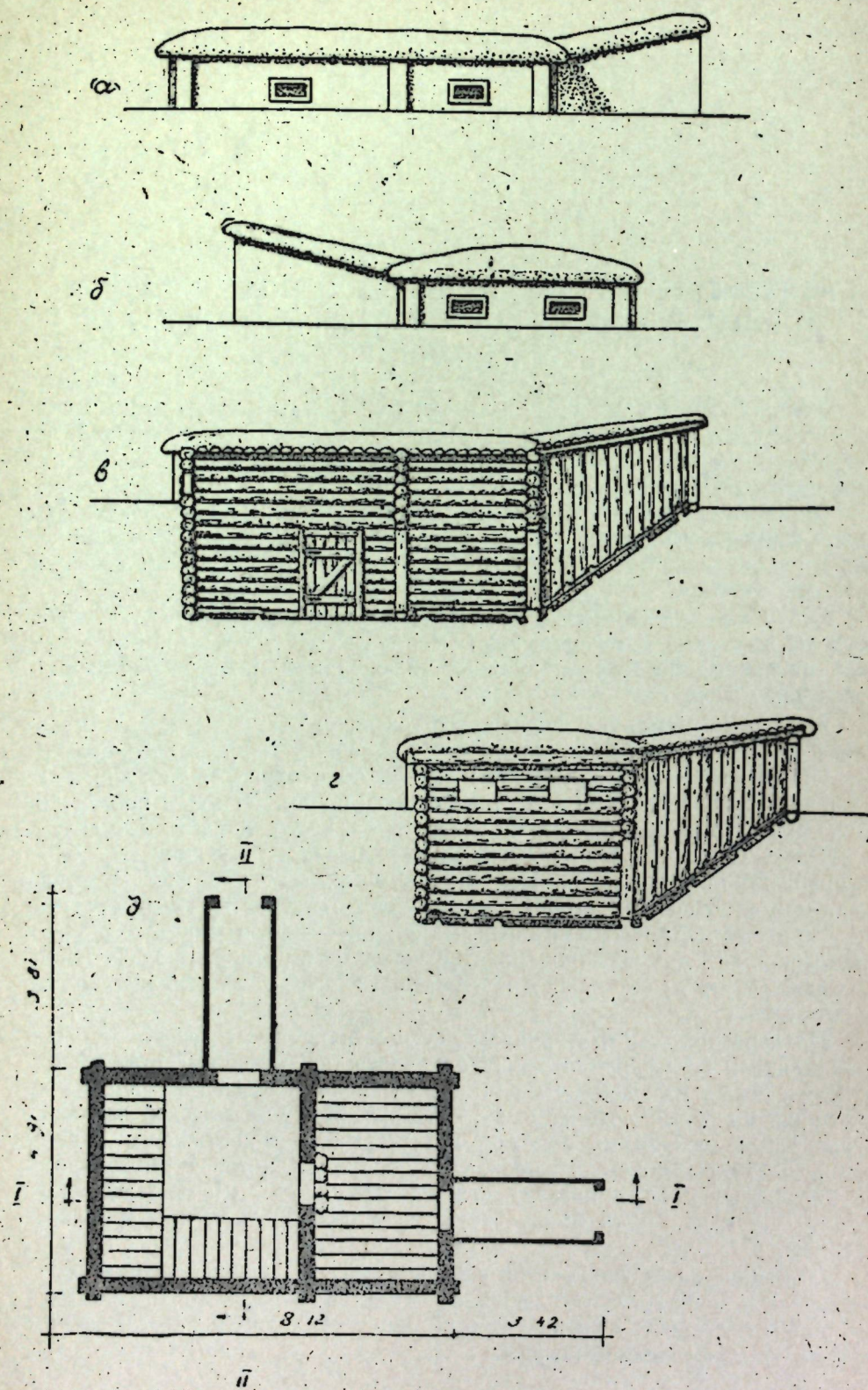

Рис. 1. План и реконструкция гончарной мастерской: а) восточный фасад; б) южный фасад; в) разрез по I—I; г) разрез по II—II; д) план.

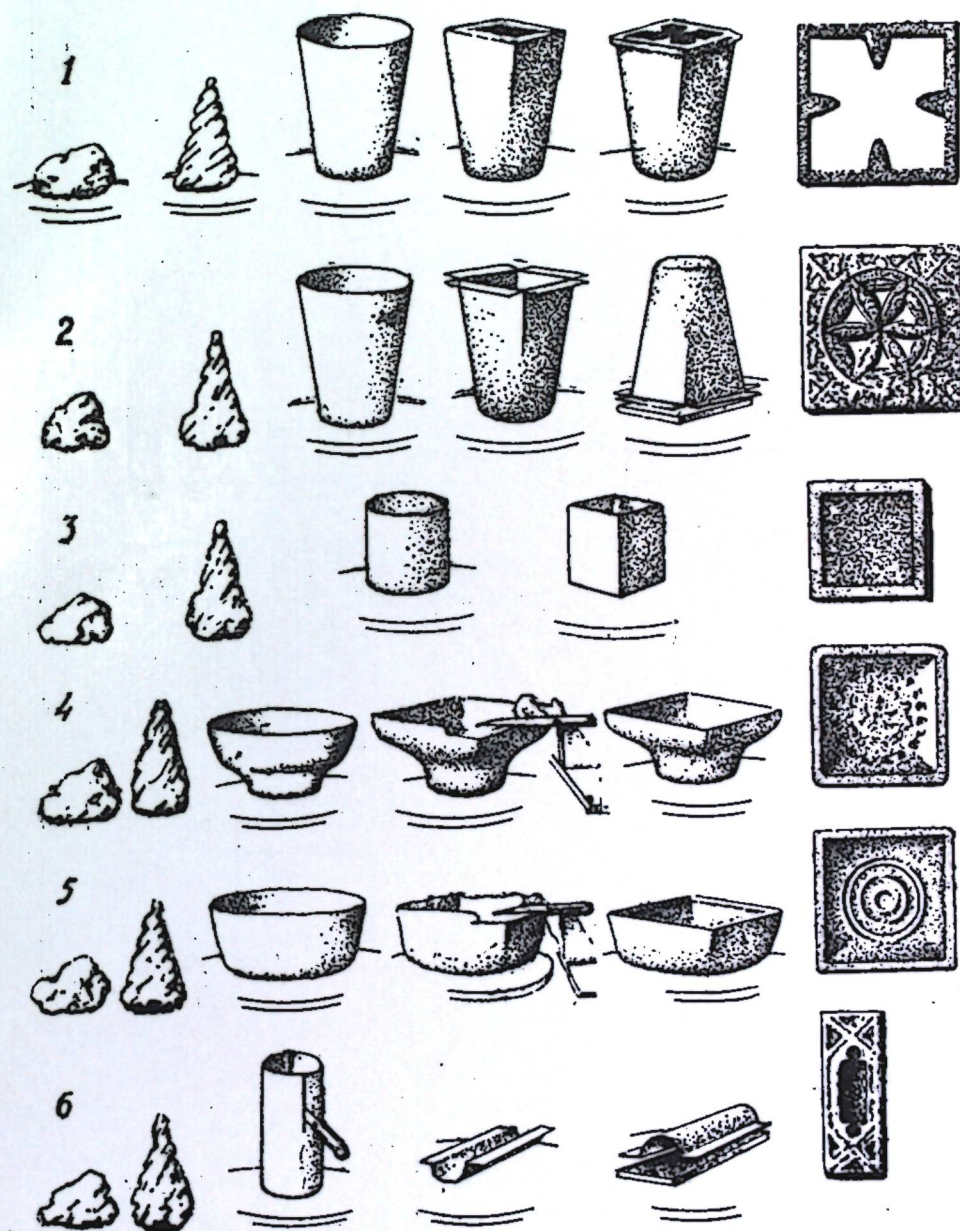

Рис. 2. Процесс изготовления печных изразцов на гончарном станке.

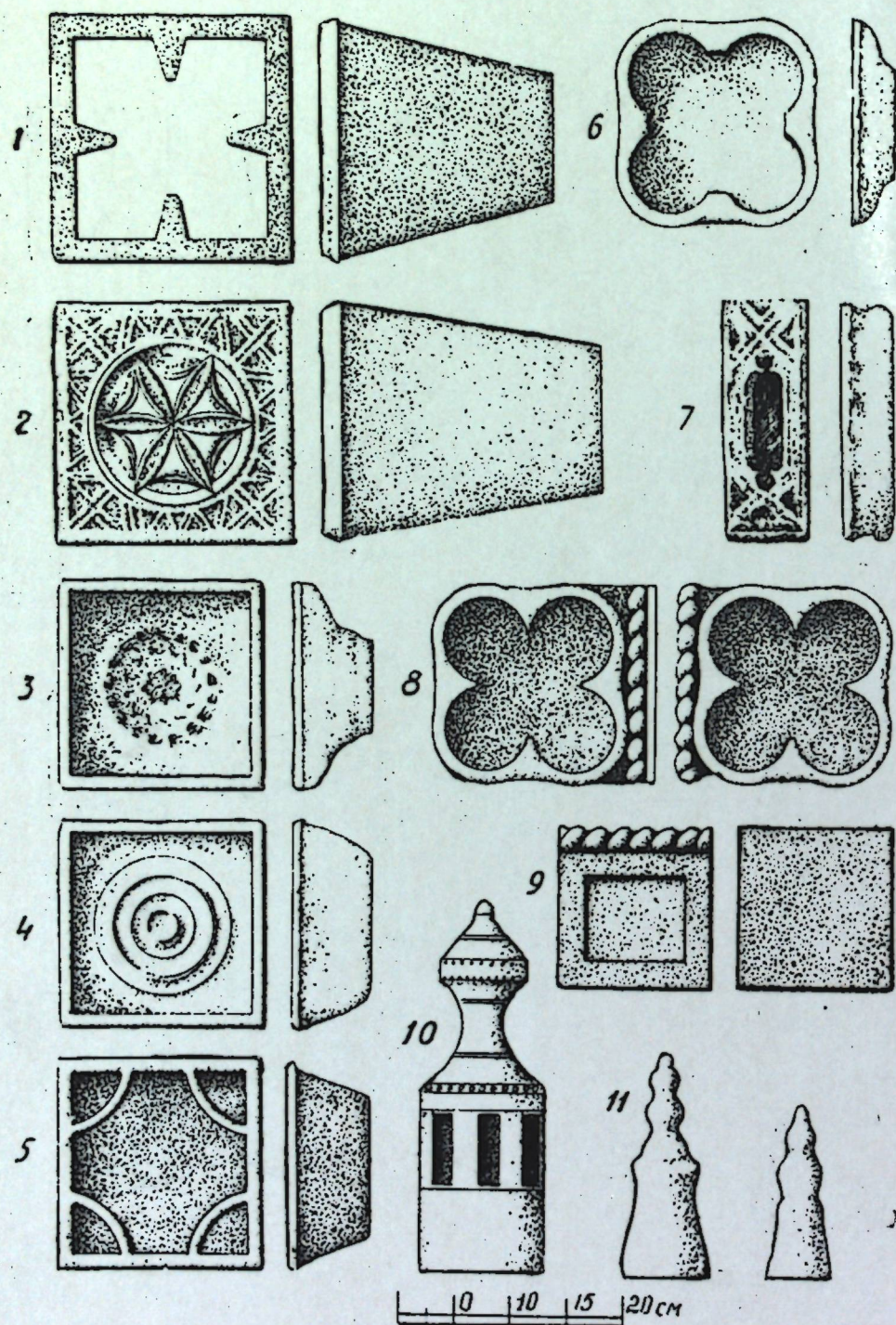

Рис. 3. Типы печных изразцов и декоративных деталей к печам. 1—6 — вставные обогревающие изразцы; 7 — поясной изразец; 8 — угловой изразец; 9 — угловой и карнизный изразец; 10 — угловая декоративная колонка; 11 — городки.

Во второй раз помещение гончарной мастерской, меньшего размера, было построено в этом же котловане. При строительстве сруба южная часть котлована была расширена на 1 м, а для углов сруба, рубленных в обло, были сделаны выемки в скале.

От мастерской второго строительного периода сохранились части обгорелого наката потолка, венцы сруба, деревянного пола и тамбуры входов. Все эти материалы дали возможность реконструировать внутреннее и внешнее устройство всего сооружения (рис. 1).

Это сооружение представляло собой пятистенный сруб размером 8,12×4,91 м, состоявший из двух помещений, южного — размером 4,48×4,91 м и северного — размером 4,28×2,67 м. Помещения сообщались между собой через дверь, прорубленную в средней части внутренней стены. Каждое помещение имело свои входы с крытыми тамбурами, южное — с запада, северное — с севера. Внутри южного помещения вдоль южной и восточной стен был деревянный настил длиной 7,56 м, ширина у южной стены — 1,28 м, у восточной — 1,40 м. Настил был положен на бревна толщиной до 20 см. В остальной части помещения пол глинобитный. По разрезу глинобитного пола выяснено, что он неоднократно ремонтировался. В северном помещении пол был деревянный, порог между помещениями сложен из четырех известковых камней и обмазан глиной.

При раскопках мастерской на уровне пола найдено только несколько фрагментов изразцов и различные их обрезки. В мастерских первого и второго строительных периодов признаков отопления, инструментов и предметов домашней утвари не найдено. Это говорит о том, что они были только производственными. Отсутствие отопления свидетельствует также о том, что в зимнее время мастерские не работали. Работа гончаров, повидимому, имела сезонный характер, что подтверждается еще тем, что в мастерской второго строительного периода найдено незначительное количество полуфабрикатов. Мастерская прекратила свою работу поздней осенью, тогда, когда последняя партия изразцов из мастерской была отправлена для обжига. Вероятно, в этот период мастерская сгорела вторично. Время ее пожара установлено по обгорелым лесным грушам, найденным в южном помещении, на деревянном настиле, у западной стены. Дикie груши созревают в Молдавии не ранее конца октября.

Все материалы, которые были найдены внутри землянки и в напластованиях, образовавшихся после ее пожара, относятся к XV в. Основным датированным материалом для XV в. является сероглиняная и красноглиняная керамика. Кроме того, в заполнении землянки были найдены венгерская монета Владислава II (1490—1516), молдавская Ильяша I, серебряная серьга, которая точно датируется аналогично с серьгами, найденными в кладе вместе с монетами конца XV в.¹

Перечисленные выше виды гончарной продукции изготовлялись на ножном гончарном круге, который получает широкое распространение не ранее середины XV в. Таким образом, все материалы, относящиеся к землянке, говорят о том, что производство печных изразцов в Орхее не могло возникнуть ранее середины XV в.

Фрагменты печных изразцов и гончарных труб, полученных из раскопок мастерской, этнографические аналоги дали возможность полностью восстановить не только процесс производства изразцов, но и основные их типы.

¹ C. Moisil, Monete și podoabe dela sfârșitul veacului al XV-lea, București, 1916.

Печные изразцы, гончарные трубы изготовлялись на ножном гончарном станке. Процесс изготовления изразцов состоял из нескольких операций: формовки, сборки частей изразца, сушки и обжига.

Все гончарные изделия изготовлялись из особого сорта глины с большой примесью мелкозернистого песка. Этот состав гончарного теста придавал изделиям прочность, давал меньшую усадку при сушке и повышал жароустойчивость изразцов. Изготовление изразцов из тощих глин производилось до недавнего времени, что подтверждается этнографическими наблюдениями Коша Кароли, касающимися Трансильвании¹.

В гончарной мастерской Орхея производились два типа красных неполированных изразцов, отличавшихся своими конструктивными свойствами.

Квадратные² пустотелые изразцы первого типа почти полностью изготовлялись на гончарном станке. Процесс изготовления состоял из нескольких операций. На гончарном круге сперва из куса глины вытягивали сосуд конусообразной формы. Когда заготовка изразца была сформована (выточена), круг останавливали и мастер доформовывал верхнюю часть, придавая ей, видимо, с помощью шаблона, квадратную форму. Для изготовления венчика лицевой квадратной части изразца, заготовка рассекалась по углам, остаток глины заворачивался во внутрь, в виде бортиков, которые выравнивались и приглаживались, иногда делались дополнительные конические наделы. Бортикам и венчикам изразцов с открытым квадратным отверстием придавалась различная форма (рис. 2—1); (рис. 3—1).

Квадратные пустотелые изразцы второго типа состояли из двух частей: конусообразного горшка и лицевой пластины. Лицевая пластина формовалась в квадратной деревянной или глиняной форме, в которой был вырезан рисунок.

Для того, чтобы тесто глины не прилипло к форме, в нее перед формовкой тонким слоем подсыпали мелкий песок. По изготовлению заготовки и лицевой пластины сборка производилась в форме. Перед сборкой в верхней части заготовки ее бортик рассекался по углам квадрата и отгибался в наружную сторону. Отогнутые края бортика прижимались к форме сильными нажимами пальцев, края бортиков заготовки и лицевой пластины приглаживались от руки.

Следы такого соединения хорошо заметны почти на всех фрагментах изразцов этого типа. Кроме того, на некоторых изразцах имеются следы отпечатков пальцев гончаров. После сборки лицевая часть вынималась из матрицы и изразец просушивался до такого момента, когда при нажиме пальцем на изделие на его поверхности не оставалось отпечатка, но ноготь прорезал тело изразца.

После этого на лицевой пластине вырезался сквозной ажурный орнамент. Эта техническая операция вызывалась тем, что в сырой пластине прорезной рисунок сделать было трудно, так как под давлением ножа она могла опуститься во внутрь изразца и, кроме того, прорезанная пластина не могла выдержать своей собственной тяжести.

В мастерской найдены только два фрагмента и несколько мелких обломков подобного рода изразцов. Реконструированы лицевая пластина и жаровая часть изразца. Орнамент его выполнен при помощи циркуля и имеет вид круга с вписанной во внутрь его шестилепестковой звездой. Вершины лепестков соединены между собой по внутренней части круга свисающими гирляндами. Лепестки звезды разделены сквозными прорезами в виде треугольников. Центральный рисунок оформлен

¹ Koş Karoly, Căhălele din Ciuc. Studii şi cercetări de istoria artei, №№ 1—2, 1954.

² «Квадратными» ниже именуются изразцы с квадратной лицевой поверхностью.

квадратной рамкой с рельефным крестообразным орнаментом (рис. 2—2), (рис. 3—2).

Квадратные изразцы с конусообразным корпусом имеют следующие размеры: длина от 19 до 25 см, лицевая часть от 13×13 до 21×21 см.

Третий вариант квадратного изразца с кубическим корпусом формовался на станке в виде цилиндрического сосуда, которому после останковки круга придавалась кубическая форма. Бортик изразца отделялся путем среза ножом с упора. Квадратные изразцы с кубическим корпусом имели следующие размеры: длина от 13 до 15 см, лицевой части — от 15×15 до 16×16 см (рис. 2—3).

Тарелкообразные или мискообразные изразцы второго типа также изготовлялись на гончарном станке. Из целого куса глины вытягивался тарелкообразной или мискообразной формы сосуд с гладким дном или с рельефным рисунком на дне в виде concentрических кругов. Когда заготовка изразца была отформована, круг останавливали и мастер с помощью шаблона доформовывал изразец, придавая ему определенного размера квадратную форму.

После этой операции гончар при медленном вращении круга с упора ножом производил срез остатка глины на определенной высоте от верхней части изразца. Плоскость среза составляла бортик, который иногда слегка подравнивался ножом от заусениц, оставшихся при срезе или же приглаживался от руки. Готовый изразец срезался пилкой с круга и просушивался.

Изразец имел форму прямоугольной неглубокой тарелки с низким круглым поддоном. Обычно на дне таких изразцов, после формовки его на станке, наносился орнамент в виде четырех-, шести-, восьмиконечной звезды, окаймленной двумя-тремя волнообразными линиями (рис. 4—4). Бортики и венчики изразцов имели разнообразное оформление. Квадратные изразцы в виде тарелок и мисок имели следующие размеры: длина от 4 до 6 см, лицевой части — от 18×18 до 20×20 см (рис. 2—4, 5), (рис. 3—3, 4, 5, 6).

Ко второму типу относятся также и прямоугольные изразцы с лицевой пластиной. В изготовлении этих изразцов имеются некоторые особенности. Заготовка изразца формовалась на гончарном круге в виде цилиндрической трубы, которая после формовки разрезалась вдоль на две равные части. Этому полуцилиндру придавалась корытообразная форма по размеру лицевой пластины прямоугольного изразца, края отгибались в наружную сторону и соединялись с пластиной изразца такими же приемами, как и при сборке квадратного изразца с конусообразной жаровой частью (рис. 2—6), (рис. 3—7).

Изразец имел форму прямоугольной пустотелой коробки размером 7,5×19×5 см. Лицевая часть изразца по всей плоскости орнаментирована посредством оттиска ее в матрице. Центральной частью орнамента является прорезная арка, над которой сверху и снизу расположены перекрестья. По всем четырем сторонам лицевой части изразца рисунок обрамлен рельефным бортиком «рамкой».

Необходимо отметить, что орнамент этого изразца заимствован из архитектурных деталей. Арка являлась излюбленной формой молдавских зодчих и широко применялась в архитектуре культовых и гражданских зданий XV в. Ныне эта форма также бытует в домостроительстве колхозной деревни.

Для украшения печей изготовлялись различные декоративные детали: угловые изразцы, карнизы, пояса и городки (рис. 3—8, 9, 10 и 11). Первый тип углового изразца имел кубическую форму. Лицевые

стороны с отверстиями украшались наклепными коническими или прямоугольными выступами, угол — витой глиняной колонкой. Изразец изготавливался на гончарном станке таким же способом, как и обычные изразцы с кубическим корпусом. Размеры изразцов от $13 \times 13 \times 13$ см до $16 \times 16 \times 16$ см (рис. 3—8).

Второй вариант углового изразца первого типа отличался от первого тем, что лицевые стороны не имели конических наклепов и одна из квадратных сторон была закрыта пластиной. Этот угловой изразец мог быть использован и для украшения карниза (рис. 3—10).

Второй тип углового изразца в основе имел форму цилиндра, верхняя часть которого была увенчана кувшинообразной шейкой с сферической головкой. Цилиндрическая часть изразца орнаментирована прямоугольными сквозными прорезами, окаймленными в верхней и нижней частях цилиндра одной или двумя нарезными линиями. Кувшинообразная шейка и ее сферическая головка украшена по наклепным валикам фестонами. Изразец изготавливался на гончарном станке из двух частей. Цилиндрическая часть и кувшинообразная шейка вытягивались на кругу так, как узкогорлые кувшины, а верхняя часть как крышки для горшков. Высота изразцов от 36 до 40 см, диаметр от 13 до 16 см.

Из городков, предназначавшихся для украшения печи, сохранился только один тип. Городок имел колоколовидную форму. Высота 18 см, диаметр 8 см (рис. 3—11).

Кроме изразцов, в мастерской производились и детали для перекрытия потолка печей. Эти детали имели вид черепицы и изготавливались на гончарном станке таким же способом, как и гончарные трубы. Из трубы, разрезанной вдоль, получалось две детали. Они найдены в обломках и поэтому их настоящие размеры неясны, но, исходя из возможностей формовки труб и условий перекрытия печей, они могли иметь длину до 100 см.

В заключение можно отметить, что гончары обладали практически всеми знаниями, позволявшими им тщательно устранять герметичность изразцов с лицевыми пластинами и декоративных деталей. Это делалось с целью улучшить качество сушки изделия, предотвращения его разрыва в процессе обжига в горне и во время топки печи. В изразцах и декоративных деталях для этой цели, кроме декоративных вырезов, делались и специальные.

Угловым изразцам для камерных печей придавалась повышенная прочность, толщина их стенок доходила до 2 см. Детали для перекрытия печей придавалась корытообразная форма, которая способствовала их прочности.

Итак, раскопки мастерской дали почти все необходимые материалы не только для изучения техники производства, уровня развития гончарного дела в молдавском средневековом городе, но и некоторые данные для реконструкции внешнего вида и внутреннего устройства городских печей XV в.

Прежде чем перейти к описанию устройства печей, необходимо отметить, что, несмотря на значительные археологические работы, которые были проведены за последние годы, в Сучаве, Старом Орхее и Белгороде-Днестровском, в раскопках не найдено ни одной изразцовой печи в таком состоянии, чтобы сохранились остатки системы отопления и положения изразцов в печи. И это не случайно. Устройство печей было таково, что при их разрушении могли остаться, в лучшем случае, только какая-то часть свода от топки, фундамент или груды обломков изразцов. Однако отсутствие остатков печей не исключает возможностей для

опыта их реконструкции, тем более, что устройство этих печей основано на технических особенностях изразцов.

Теплотехнические свойства изразцов и их устройство состояли в следующем.

Изразцы являлись не только декоративной, но и тепловой деталью печи. Дно изразцов служило жаровой частью, а внутренняя камера для конвекции воздуха (рис. 4). Каждый изразец конусовидной или мискообразной формы устанавливался в печь независимо от другого, за исключением изразцов с лицевыми пластинами и с кубическим корпусом, из этих изразцов можно сложить тепловое зеркало печи в два-три раза больше по площади, чем из обычных (квадратных с конусовидными телами). Кроме того, из них можно было сложить калориферную камеру-печь. Квадратные изразцы с конусовидными и мискообразными корпусами не имели точных размеров. Лицевые декоративные части вследствие формовки изразцов на глазок и усадке их при сушке часто имели неправильную форму.

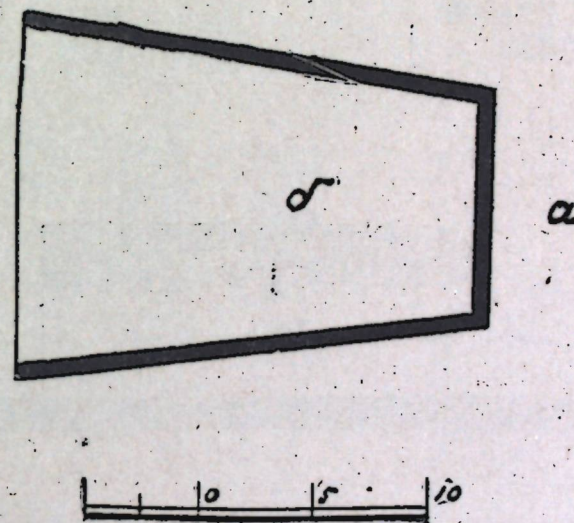

Рис. 4. Разрез изразца с конусовидным корпусом:
а) жаровая часть, б) камера для конвекции воздуха.

Форма корпуса изразца определяет их положение в стенках печи. Судя по конструктивным и теплотехническим свойствам изразцов, печи имели прямоточную систему отопления, так как изразцы обоих типов рассчитаны на непосредственное соприкосновение с горячими газами печной камеры. Печь с изразцами в своей основе имела кирпичную кладку, но могли быть использованы и другие огнеупорные материалы. Такие печи известны и по этнографическим данным¹.

Истоки этой системы отопления прослеживаются по изразцам горшкообразного типа. Единичные находки таких изразцов в мастерской первого строительного периода свидетельствуют о том, что первоначально для ускоренного обогрева помещения в печь вмазывались обычные горшки. Горшкообразные изразцы могли применяться в любых печах. Эта примитивная форма изразца является наиболее ранней.

Близка по устройству к печам из Старого Орхее печь крестьянского латвийского дома 1730 г., где квадратные изразцы служат в качестве

¹ Н. П. Типайнис. Государственный музей народного быта Латвии. Краткий путеводитель. Рига, 1950 г., стр. 37.

вставок в стенки. Корпус изразцов конусовидный, венчик выступает за пределы корпуса на 3—4 см. Такого типа печи могли существовать и в Молдавии (рис. 5 и 6). Они могли иметь разные формы и размеры, но система отопления всегда была прямоточной. Если в доме было два помещения, то топочное устройство для печи в целях экономии топлива и гигиены могло помещаться в кухне. В печь, судя по этнографическим данным, в зависимости от ее размера и имущественного положения крестьянина, вмазывалось от 10 до 60 изразцов, которые служили для получения тепла и украшения.

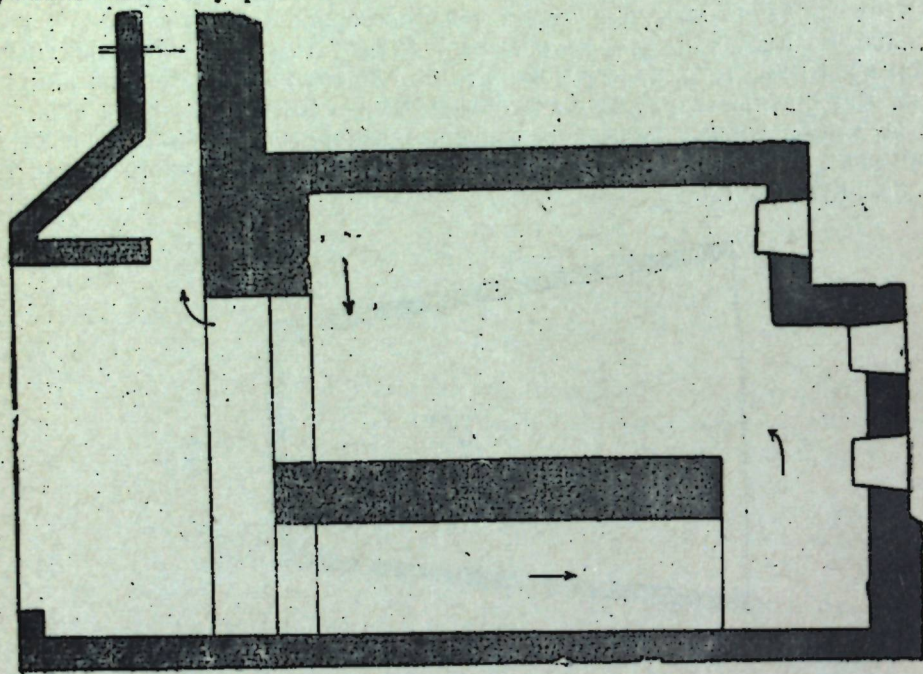

Рис. 5. Продольный разрез крестьянской печи. Реконструкция.

Следует отметить, что нижние два ряда изразцов, а иногда и все вставные изразцы не соприкасались с горячими газами печи. Изразцы нагревались от свода топки, в последнем случае, тепловой эффект был ниже обычного. Изразцы в таких печах имели, примерно, такое значение как и печурки в русских печах. Тепловой коэффициент изразцов и печурок был почти равным.

Проникновение в деревню городских изразцов не повлияло на конструкцию крестьянских печей. Такого же рода явление наблюдается с использованием более совершенных изразцов в XVII—XVIII вв. у трансильванских крестьян, которые к своим очагам приспособили изразцы городских печей¹.

Несмотря на то, что крестьянские печи XVI—XVIII вв. не дают пол-

¹ Koş Karoly, *Cahleţ din Cluj. Studii şi cercetări de istoria artei*, 1954, № 1—2, p. 50, fig. 1, p. 51, fig. 2.

ного представления о внешнем виде и конструкции городских печей все же они сохранили весьма важные данные для их реконструкции, — положение изразцов в печи. Кроме того, в начальном периоде развития городских печей со вставными изразцами, повидимому, мало чем отличались от крестьянских. Об этом говорят находки в городах горшкообразных изразцов, пригодных только для вмазывания их в массивную печь такого типа, например, как латгальская. Появление в городах квадратных изразцов свидетельствует о том, что к середине XV в. форма и размеры печей стали изменяться. Квадратный изразец благодаря его рациональной форме позволял сложить печь меньших размеров без ущерба для обогрева помещения, повысить ее тепловые качества. Преимущество новых изразцов перед горшкообразными состояло в том, что из них можно было сложить почти сплошное тепловое зеркало и тем самым увеличить конвекционную поверхность печи.

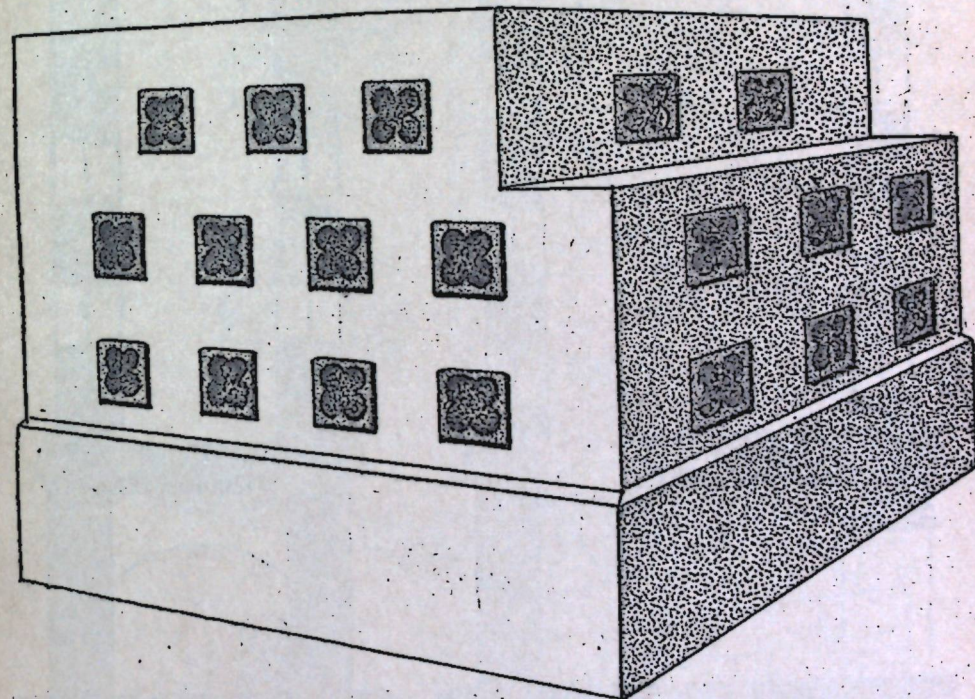

Рис. 6. Реконструкция крестьянской печи.

Располагая различными типами изразцов, деталями для перекрытия потолка печей, угловыми изразцами, декоративными деталями, можно уяснить назначение изразцов и декоративных деталей в системе печи, а вместе с тем — ее внешний вид и внутреннее устройство.

Печь со вставными обогревающими изразцами, судя по археологическим и этнографическим данным, состояла из кирпичного короба, в нижней части которого находился сводчатый топливник с глухим подом, а в верхней — дымовая камера с обращенными во внутрь ее жаровыми частями изразцов и выводящим дымоходом. Печи из изразцов с кубическим корпусом складывались иначе. По своему внутреннему устройству печи со вставными изразцами ничем не отличались от печей с прямоточной системой отопления и развились из этого простейшего типа путем установки в них обогревательных изразцов, в начале горшкообразных, а затем квадратных.

Предлагаемые ниже три варианта реконструкции печей разработаны по типам изразцов. Такие печи могли бытовать в домах городского населения и боярских усадьбах в XV — начале XVI вв.

Первый вариант — печь со вставными изразцами мискообразной формы. Короб печи складывался из кирпича; внутри печи устраивался топливник и дымовая камера с отверстием для дымохода или в потолке

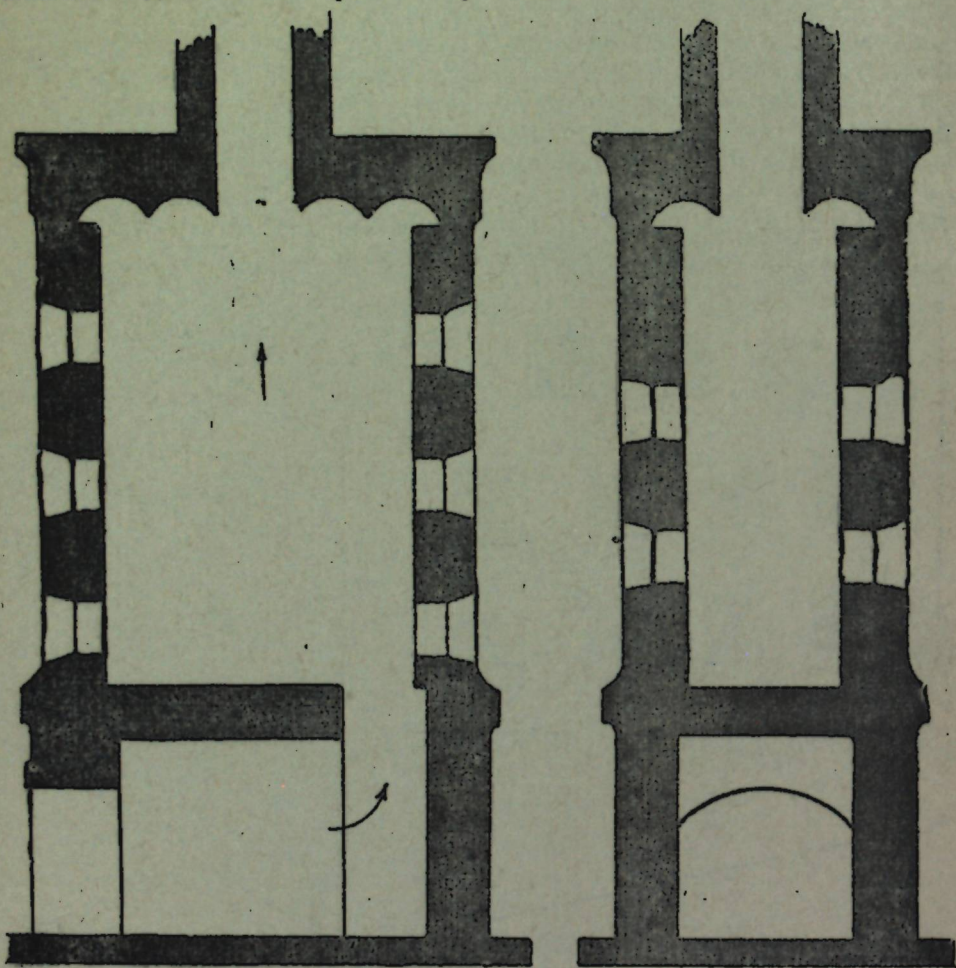

Рис. 8. Продольный и поперечный разрезы городской печи со вставными мискообразными изразцами. Реконструкция.

короба, или же в одной из его стен. Сводчатый топливник с глухим подом имел отверстие, через которое горячие газы поступали в камеру и обогревали ее стены и вставленные в них жаровые части изразцов. Потолок короба перекрывался корытообразной черепицей, каждая имела длину 90—100 см и ширину 15—17 см (рис. 8).

В стенках дымовой камеры печи в шахматном порядке устанавливались мискообразные изразцы. Из них нельзя было сложить сплошное зеркало печи по тем причинам, что изразцы не имели точных размеров и правильной формы. Лицевая квадратная сторона каждого изразца имела отклонение в размерах на 5—10 см, так, например, размеры были: 29×29×29 см и 20×20×20 см. Судя по их форме, подобного типа изразцы предназначались только для установки в отдельные ячейки. Поэтому и возникла необходимость шахматной расстановки изразцов в пе-

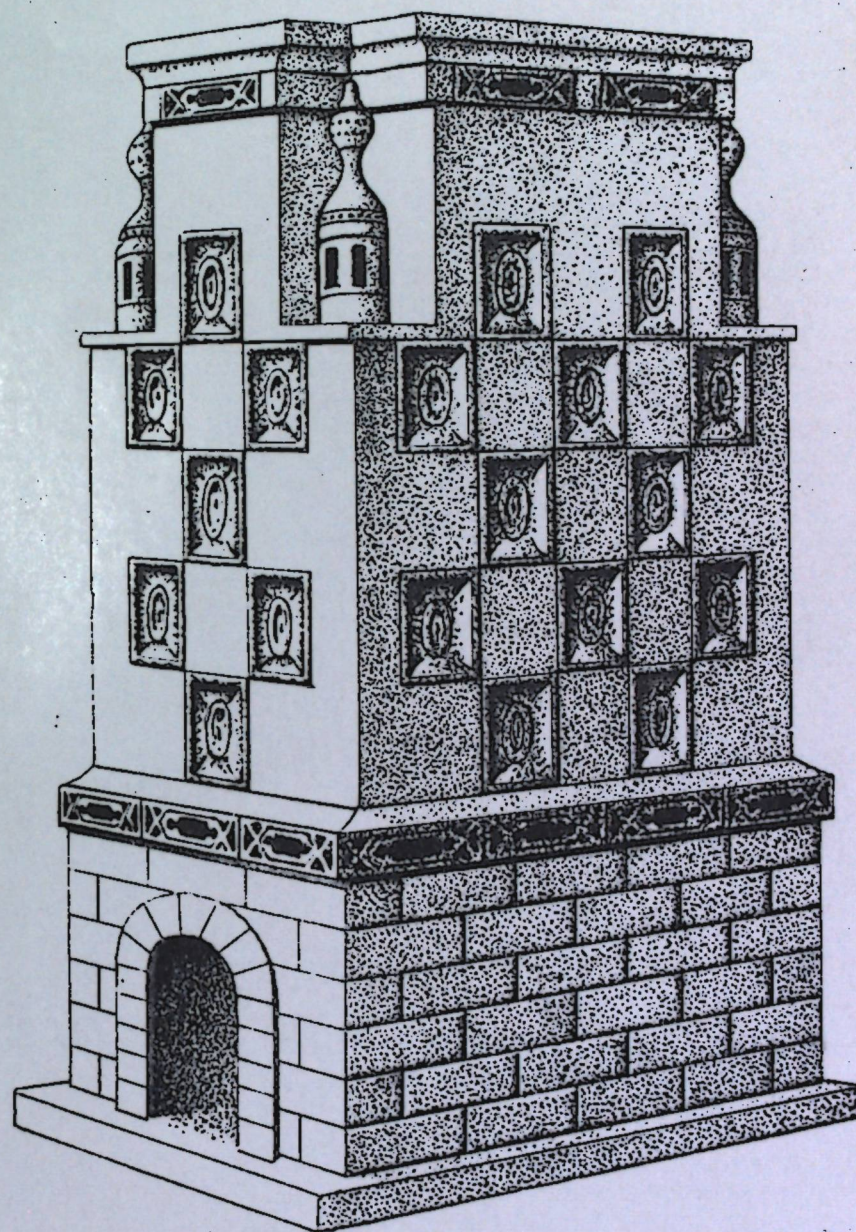

Рис. 7. Реконструкция городской печи со вставными мискообразными изразцами.

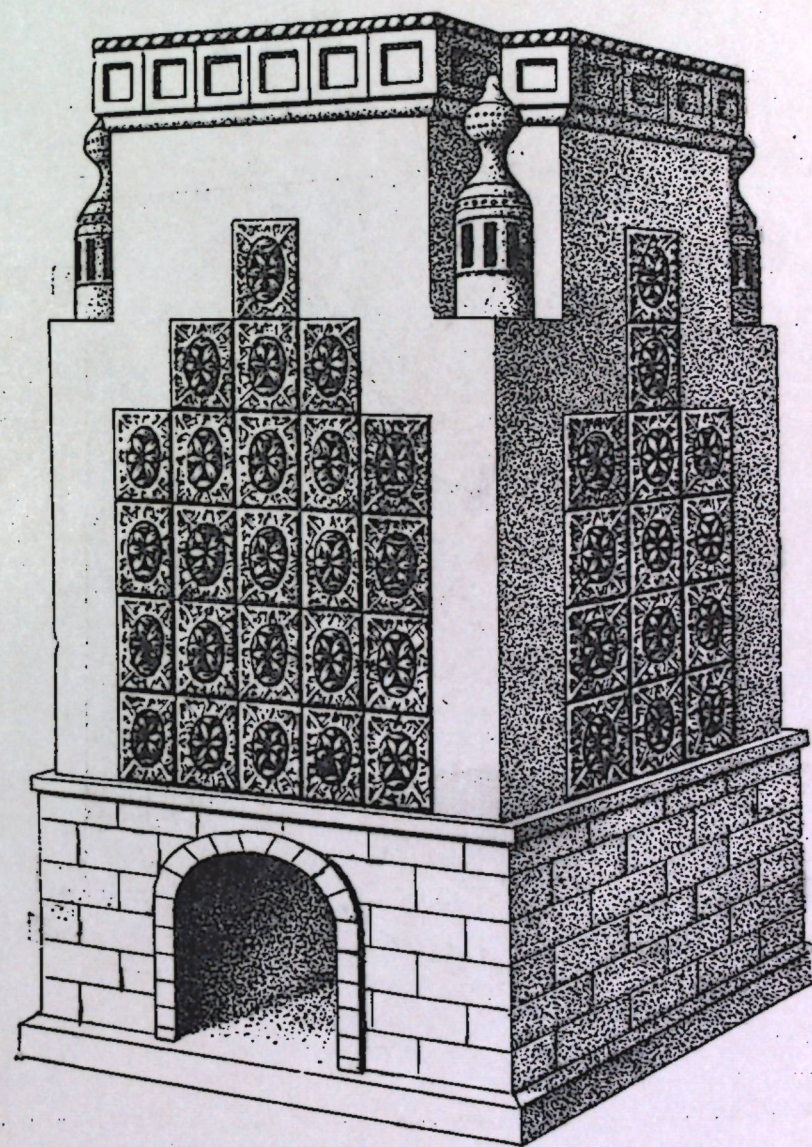

Рис. 9. Реконструкция городской печи из вставных изразцов конусовидной формы с квадратными лицевыми пластинами.

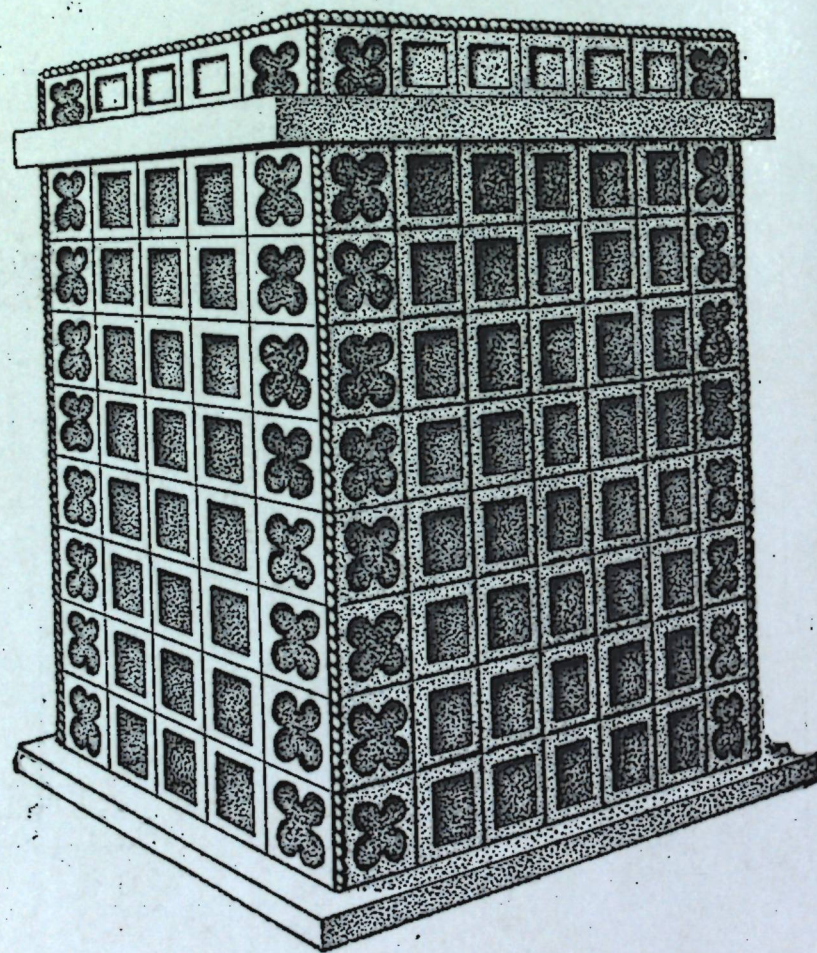

Рис. 10. Реконструкция городской камерной печи из изразцов кубической формы.

чи. Печь могла украшаться поясами из изразцов с лицевыми пластинами и карнизом. В углах печи устанавливались декоративные колонки (рис. 7). Ширина печи определена по деталям для перекрытия потолка короба печи, длина которых не превышала 100 см.

Второй вариант — печь из вставных изразцов конусовидной формы с квадратными лицевыми пластинами, имевшая то же самое устройство и размеры, как и печь первого варианта (рис. 9), за исключением размещения изразцов в стенках короба печи. Лицевые квадратные пластины конусовидных изразцов имели стандартные размеры, которые позволяли установить изразцы в любом порядке.

Для получения наибольшей тепловой площади зеркала печи, изразцы установлены в виде сплошной облицовки всех четырех сторон (рис. 9, 11). Для декоративной отделки использованы те же самые детали, что и в первом варианте печи. Преимущества этой печи состояли в том, что она имела тепловое зеркало значительно больше, чем первая.

Третий вариант — камерная печь. Короб ее полностью складывается из изразцов кубической формы. Декоративная отделка карниза производилась при помощи угловых изразцов, имевших такую же кубическую форму, как и обогревающие изразцы (рис. 10). Топливник для печей этого типа обычно находился в соседнем помещении и мог иметь различное устройство. В предлагаемой реконструкции он имеет вид очага, где готовилась пища (рис. 10, 12).

Нагрев такой печи происходил следующим образом: из топливника очага поступал горячий дым через входной нижний дымоход в камеру, заполнял ее и через верхний дымоход выходил в дымоход очага (рис. 12).

В летнее время, когда в очаге готовилась пища, нижний дымоход камеры закрывался заслонкой. Система отопления камерных печей была такой же, как и в печах со вставными изразцами. Этот тип изразца мог быть использован в качестве обогревающего в любой печи с прямой системой.

Преимущество кубического изразца перед остальными типами состояло в том, что он давал возможность значительно увеличить тепловую площадь печи. Кубический изразец по своему устройству является переходным между изразцами-вставками и изразцами конца XV—XVIII вв., снабженных глухими лицевыми пластинами и румпами, которые по своей форме и устройству не отличаются от современных, за исключением их размеров и способа использования. Из изразцов XV—XVIII вв. устраивались такие же камерные печи, как и из кубических. Для изучения истории развития камерной системы отопления кубический изразец имеет важное значение.

Описанные три варианта реконструкции оргеевских печей не отражают всех видов печей, которые были в быту горожан и бояр.

В связи с изучением изразцов и реконструкцией печей со вставными изразцами возник вопрос и о месте их первоначального появления и географическом распространении этой системы отопления. Изразцы, близкие к оргеевским, были широко распространены не только в Молдавии и Румынии, но в Венгрии, Польше, Австрии, Германии, Латвии, Эстонии и Литве. В Латвии в крестьянских печах квадратные изразцы с конусовидной жаровой частью применялись еще в первой половине XIX века¹. Печи со вставными изразцами, повидимому, возникли в северной Германии. В этом нас убеждают материалы немецких этнографических му-

¹ Н. П. Типайнис, Государственный музей народного быта Латвии. Краткий путеводитель. Рига, 1950 г., стр. 26.

зеев¹ и ознакомление с археологическими материалами из раскопок г. Риги.

К середине XV в. в Германии печь со вставными изразцами уже стала выходить из употребления, а к концу XV — началу XVI вв. почти повсеместно стали применяться изразцы крупных размеров, которые позволили перейти к камерным печам. Облик такой печи передает гравюра Альбрехта Дюрера (1471—1528 гг.). «Сон подагрика²». В Молдавии,

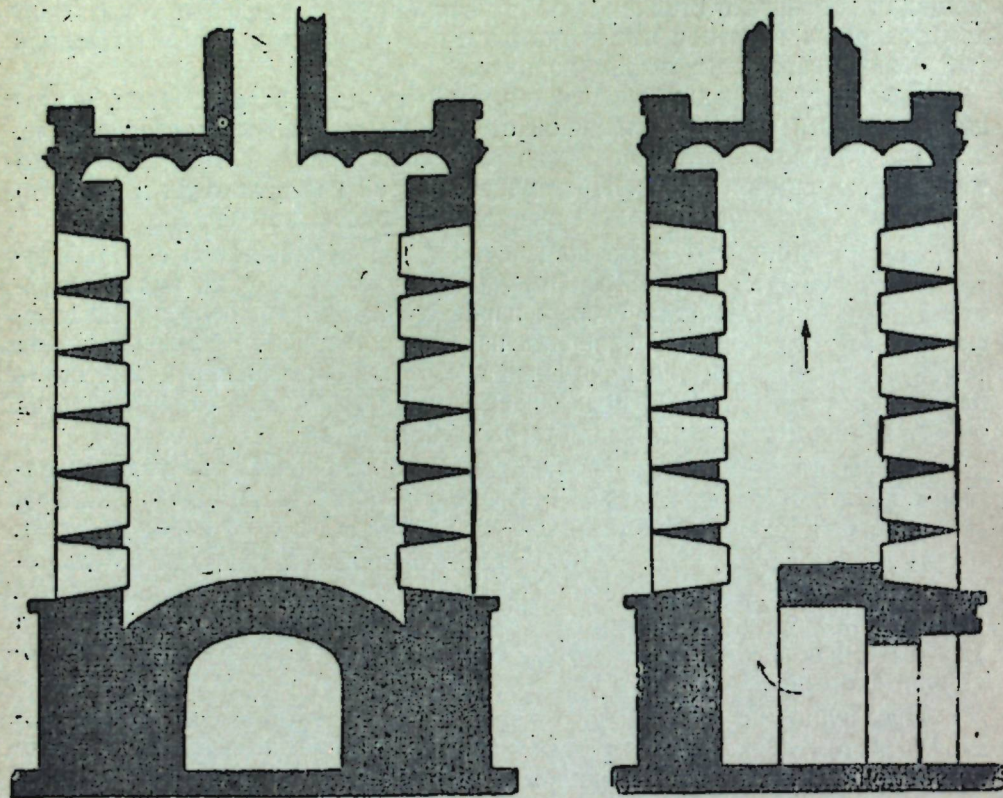

Рис. 11. Разрезы городской печи из вставных изразцов конусовидной формы с квадратными лицевыми пластинами. Реконструкция.

Венгрии, Польше и других странах камерные печи из крупных изразцов стали появляться не ранее середины XVI в. В декоративных мотивах этих изразцов (концентрические круги), в изображениях рыцарских сцен чувствуется заметное немецкое влияние³.

В Молдавию эта система отопления из Германии, повидимому, проникла через Венгрию. Поэтому одно время румынские исследователи склонны были считать, что молдавские изразцы венгерского происхождения.

Молдавские гончары создали оригинальные формы изразцов и декоративные решения. При переходе от печей со вставными изразцами к камерным печам были сделаны самостоятельные шаги (камерная печь из кубических изразцов).

¹ Н. П. Тишайнис, Государственный музей народного быта Латвии. Краткий путеводитель. Рига, 1950 г., стр. 26.

² Фонд отдела гравюр Музея изобразительных искусств им. Пушкина. Гравюра 2119—III II п. 3 № 6.

³ A. Schöpp, Alte deutsche Bauernstüben; W. Fred. Die Wohnung und ihre Ausstattung, Bielefeld und Leipzig, 1903; Romstorfer. Cetatea Sucevii.

Материалы, которые получены из раскопок гончарной мастерской Старого Орхеля, свидетельствуют не только о высоком уровне развития техники гончарного дела, его разветвлении на узкие специальности, но проливают свет на некоторые стороны развития крупного ремесленного производства и социально-экономических отношений, которые складывались у ремесленников.

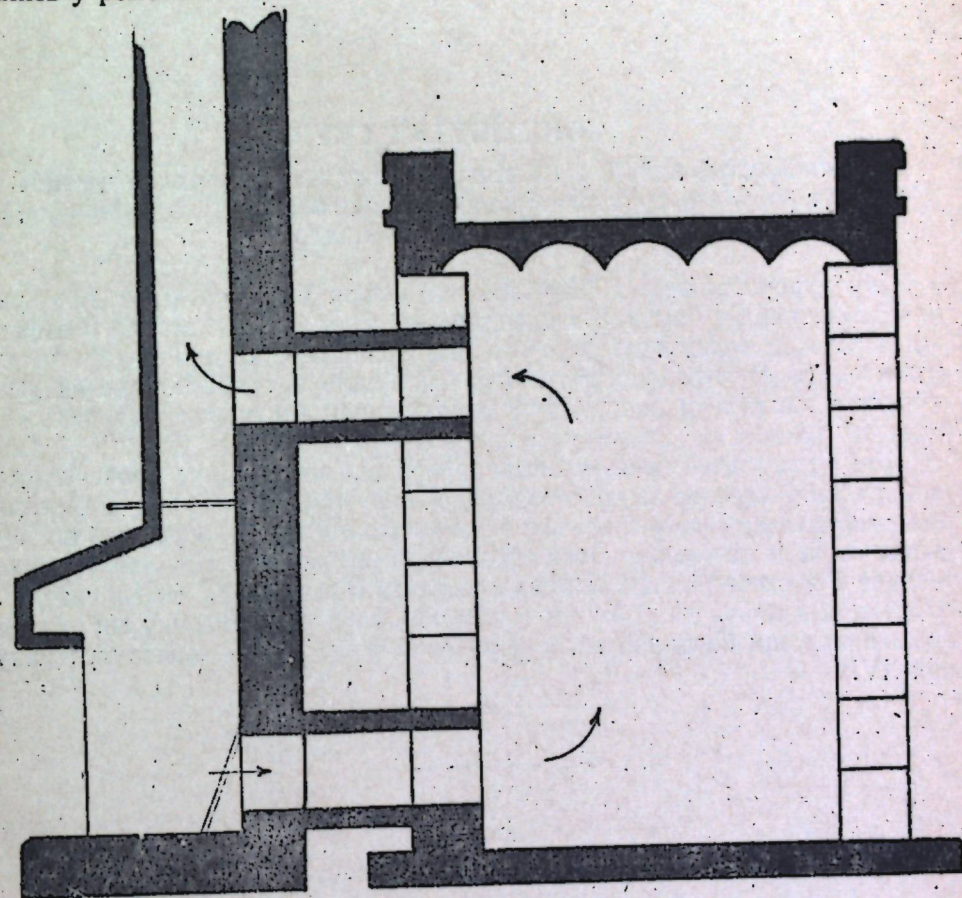

Рис. 12. Продольный разрез городской камерной печи из изразцов кубической формы. Реконструкция.

Из раскопанных мастерских, в том числе и гончарных, мастерская по производству изразцов является самой крупной, которая далеко выходит за пределы мастерской одиночки гончара. Изучение остатков мастерской первого и второго строительных периодов показало, что в первоначально в мастерской, судя по ее площади, было занято не менее 12 человек. В мастерской второго строительного периода по минимальным расчетам работало 8—10 человек. Судя по характеру производства и техническим операциям, связанным с изготовлением изразцов, в мастерской имелся мастер, как организатор всего производства, и подмастерья — его ученики.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Г. Д. Смирнов «Продучеря плэчилор де собэ дин лут рошу ши практика реконструирий собелор дунэ материале, гэсите ын Векюл Орхей».

Ын курсул анилор 1953—1955 ын Векюл Орхей а фост дизгронат ун ателиер пентру продучеря плэчилор де собэ. С'а констатат, кэ ателиерул а авут де суферит де доуэ орь дин причина инчендинлор ши тот де атытя орь а фост реконструит. Челе май валороасе материале ау фост обынуге ын курсул дизгронэрий ателиерулуй дин прима периода де зыдире.

Ын урма черчетэрилор ынтрепринсе а фост студият прочесул техник де фабрикаре пе маса де олэрит а плэчилор де собэ ши а деталиилор декоративе пентру собе. Пе база материалелор этнографиче ши цыннду-се сама де форма плэчилор де собэ ши ынсушириле лор термико-техниче с'а стабилил система калорификэ, ынфэцэшаря екстерноарэ а собелор дин плэч де собэ ши а собелор, каре се конструяу ын каселе орэшилор ши боерилор ын курсул вакурилор XV — ынчепутул вакулуй XVI.

RÉSUMÉ

de l'article de G. D. Smirnov «Production de carreaux de faïence rouge et expérience dans la restauration des poêles d'après les matériaux d'Ancien Orhei».

En 1953—1955 on a déterré à Ancien Orhei un atelier pour façonner des carreaux de faïence. L'examen de cet atelier prouve qu'il fut deux fois détruit par le feu et reconstruit. Les matériaux les plus précieux ont été obtenus grâce au sondage d'un atelier de la première période constructive.

On a étudié le procès de confection des carreaux de faïence et des ornements pour les poêles. A la lumière des formes et des propriétés thermotechniques des carreaux, à l'aide de matériaux ethnographiques, on a étudié le système de chauffage, l'extérieur des poêles à carreaux enchâssés et des poêles de chambre qui existaient dans les maisons des habitants de la ville et des boyards au XV-e s. et au début du XVI-e s.

Л. Л. ПОЛЕВОЙ

К ТОПОГРАФИИ КЛАДОВ И НАХОДОК МОНЕТ, ОБРАЩАВШИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВИИ В КОНЦЕ XIII—XV ВВ.

Более ста лет накапливался значительный, рассеянный по различным коллекциям и музеям, нумизматический материал¹, частично изданный, но требующий систематизации и анализа. Настоящая работа отнюдь не может претендовать на исчерпывающую полноту сведений о находках в Молдавии кладов и отдельных монет. Она дает предварительное представление о топографии монет, обращавшихся на территории Молдавского княжества² в период непосредственно предшествующий формированию местной денежной системы и на первых порах обращения молдавской монеты (конец XIII—XV вв.).

Находки монет конца XII — конца XIII вв. почти полностью отсутствуют в карпато-днестровских землях. Зарегистрировано довольно большое число кладов и единичных находок молдавских, золотоордынских, чешских, червоннорусских и др. монет конца XIII—XV вв. Развитие денежного обращения в карпато-днестровских землях происходит вместе со значительными сдвигами в социально-экономической жизни, особенно с середины XIV в. Они проявляются в росте феодального землевладения, городов, развитии внутренней и внешней торговли. В карпато-днестровских землях появляется Молдавское княжество, политическая и военная мощь которого возрастает³. Молдавия втягивается в международную торговлю по так называемому «молдавскому» пути из северо-западной Европы в южные и восточные страны. Это также способствовало подъему здесь денежного обращения. С этими обстоятельствами связано возрастание числа находок монет, относящихся к изучаемому периоду.

Известно 11 кладов конца XIII—XV вв. Кроме того, в 15 пунктах на территории Молдавии зарегистрировано более или менее значительное число единичных находок монет этого времени. В коллекциях Республиканского музея краеведения МССР, Белгород-Днестровского краеведческого музея и др. хранятся монеты, собранные в определенных районах Молдавии.

Состав кладов и единичных находок монет показывает, что в конце XIII — в середине XIV вв. на территории Молдавии почти одновременно, но в разных районах, обращался ряд иноземных монет, служивших

¹ Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность О. Илеску (Академия Румынской Народной Республики), Э. А. Рикману, Г. Б. Федорову, А. Г. Драченко за ценные сведения о находках монет.

² Атлас истории средних веков, под общей редакцией акад. Е. А. Косминского и доцента А. П. Левандовского, ГУГК СМ СССР, М., 1951, карта № 42.

³ Н. А. Мохов, Общественно-экономические предпосылки образования феодальной монархии в Молдавии, «Ученые записки КГУ», Кишинев, 1950, т. II, стр. 14—15.

здесь в этот период основным средством обращения до начала чеканки во второй половине XIV века молдавской монеты.

Золотоордынские монеты, существенно дополняя данные белгород-днестровского клада (период накопления клада конец XIII — первые годы XIV вв.), встречаются на пространстве центральной и южной части прудо-днестровского междуречья (Белгород-Днестровский, Суклея, Тирасполь, Терновка, Парканы, Костешты, Кишинев, Старый Орхей). В Запрутской Молдавии джучидские монеты найдены в непосредственной близости от р. Прут (Босия, Хлинча-Яссы, Оанча), которую можно принять за западную границу распространения золотоордынской монеты¹.

Обращает на себя внимание непрерывное обращение золотоордынской серебряной монеты с конца XIII до 60-х гг. XIV вв. Медная же золотоордынская монета появляется в прудо-днестровском междуречье лишь с середины XIV в., однако не позднее 60-х гг. этого столетия. Появление значительного количества медной золотоордынской монеты, обычно обращавшейся в пределах сравнительно небольшой области, обслуживаемой монетным двором, связано, повидимому, с непродолжительной чеканкой ее на месте. Об этом свидетельствует также небольшое количество типов золотоордынской медной монеты XIV в., обращавшейся в прудо-днестровском междуречье².

В 60-х гг. XIV в., в связи с разгромом Ольгердом трех татарских улусных ханов в битве при Синих водах (1362 г.) начинается вытеснение татаро-монгольских орд из прудо-днестровского междуречья. Прекращение обращения здесь золотоордынской монеты совпадает с этими событиями и, нужно думать, непосредственно с ним связано. Но до этого момента, то есть с конца XIII до 60-х гг. XIV вв., золотоордынская монета занимает господствующее положение в денежном обращении юго-востока Молдавии. Помимо золотоордынской монеты здесь отмечены лишь единичные находки монет Киликийской Армении конца XIII — начала XIV вв. (Белгород-Днестровский). В XIII в. армянские купцы играют большую роль в черноморской торговле, установив связи Киликии с Крымом и Поднестровьем³.

В северо-восточной половине карпато-днестровских земель (Серет, Кишинев, Старый Орхей, Сороки, Строинцы) до середины XIV в. в основном обращаются пражские гроши и червоннорусские монеты, широко распространенные в соседней с Молдавией Червонной Руси. Пражские гроши и червоннорусские монеты в XIV в. обращаются вместе с венгерскими (Серет, Бреешты), валашскими (Серет), венецианскими (Бреешты) и др. (французская — Серет, индийская — Бреешты) монетами XIV в. Однако, если червоннорусские монеты представлены лишь монетами Казимира III (1333—1370) и Владислава Опольского (около 1382—1386), то пражские гроши представлены всеми типами до первого прекращения их чеканки в начале XV в.⁴.

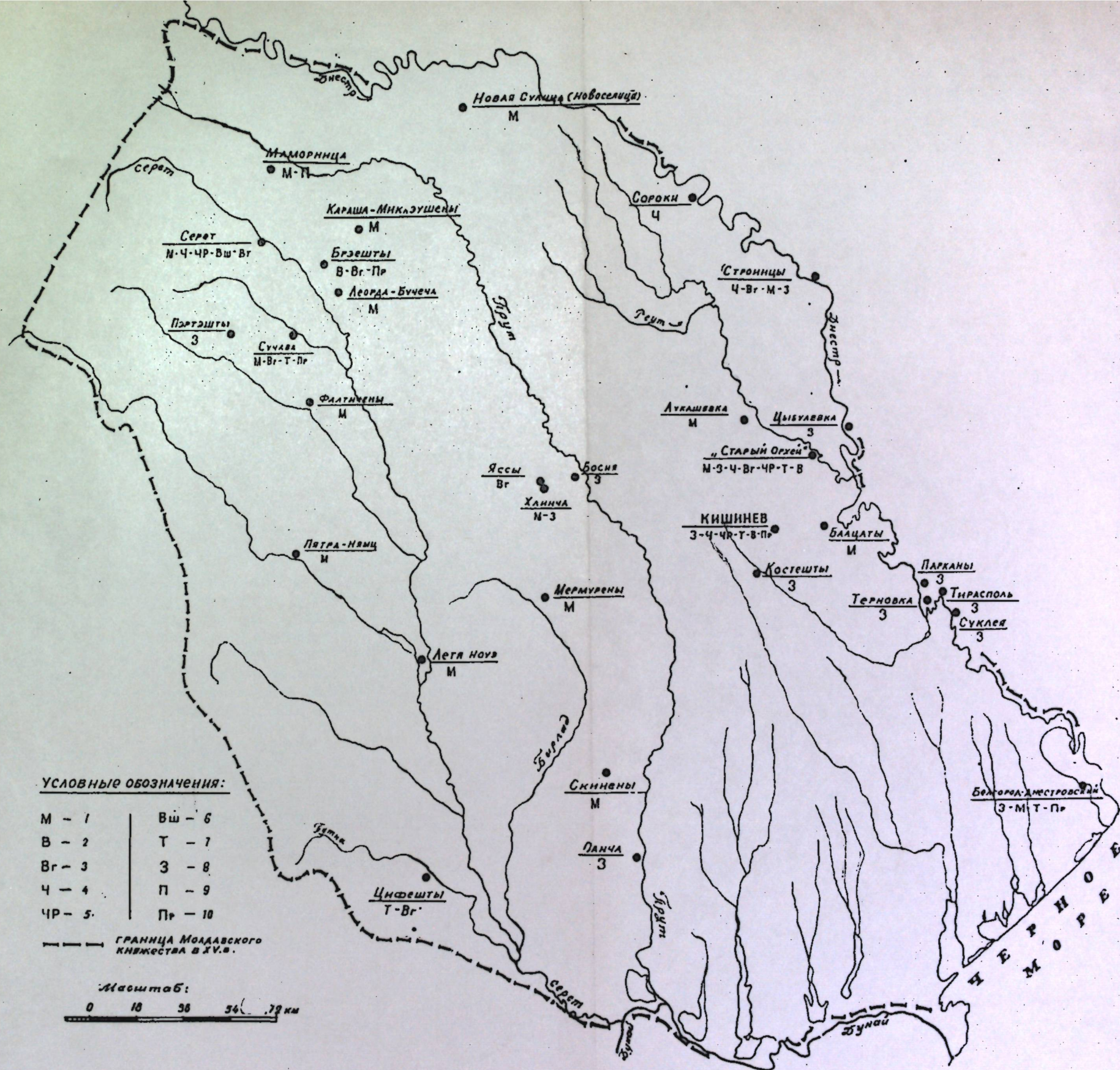
На значительных пространствах Центральной и Восточной Европы пражские гроши играли роль «мировых денег». Они обращаются и в Молдавии на протяжении всего XIV и начала XV вв. Червоннорусская

¹ Серебряная золотоордынская монета, найденная в Сучавской области (Пэр-тешты), единична.

² За исключением небольшого числа разнотипных экземпляров медных монет, остальная масса их может быть разделена на две группы: I — по типу монет, приведенных Х. М. Френом (Монеты ханов Улуса Джучиева..., стр. 12, № 97; стр. 20, № 163) и II — неопубликованные неопределенные монеты, чеканенные в новом городе (?).

³ Г. Г. Микаелян, История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952 г., стр. 201—202.

⁴ А. А. Сиверс, Топография кладов с пражскими грошами, Петроград, 1922, стр. 3.

Карта распространения кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII—XV вв.
 1 — молдавские монеты; 2 — венецианские; 3 — венгерские; 4 — чешские (пражские грешы);
 5 — червоннорусские; 6 — валашские; 7 — турецкие; 8 — золотоордынские, 9 — польские;
 10 — прочие.

же монета местного значения и обращение ее в Молдавии прекращается с момента появления здесь своей, молдавской монеты, то есть примерно с начала 80-х гг. XIV в.

Обращение пражских грошей, червоннорусских, венецианских и др. монет вплоть до 70-х гг. XIV в. экономически тесно связывает северо-восточную Молдавию с юго-западной Русью, где в основном обращается та же монета. Хотя в нашем распоряжении имеется лишь один клад этого времени (Серет), длительность его накопления — приблизительно 70 лет XIV в., разнообразие представленного в нем материала (пражские гроши, червоннорусские, валашские и венгерская монеты), позволяют заключить, что он довольно полно представляет денежное обращение того времени. Данные серетского клада, дополненные находками в других пунктах северо-восточной половины Молдавии, указывают на количественное преобладание пражских грошей и червоннорусских монет на этой территории до 70-х гг. XIV в.

Находки венгерских монет XIV в. (Серет, Брэшты, Кишинев) в Молдавии единичны¹.

В последней четверти XIV в. в денежном обращении Молдавии появляется местная молдавская монета. Находки молдавских монет XIV в., помимо трех кладов с монетами господарей Петра I Мушата (1375—1391) и Стефана I (1393—1399) (Скинены, Мэмулены, Маморница), распространены в ряде пунктов Запрутской Молдавии, причем количественно абсолютно преобладают монеты Петра I. Особенно большое число монет Петра I Мушата найдено в Буковине, при раскопках крепости в Сучаве и в окрестностях этого города. Находки этих же монет часты в районе Фальтичен, Пятра-Нямц. Восточнее р. Прут молдавские монеты найдены лишь при раскопках Белгород-Днестровской крепости². В последней четверти XIV в. на территории Молдавского княжества преобладает преимущественно молдавская монета; пражские гроши, продолжающие в это время обращаться в Молдавии, найдены лишь на ее северо-восточной границе (Сороки, Стринцы).

Два из кладов с молдавскими монетами XIV в. содержат монеты только молдавских господарей этого времени (Скинены, Мэмулены) и один — монеты Петра I Мушата и польского короля Владислава Ягелло (Маморница). Но это не меняет общую картину преобладания молдавской монеты в денежном обращении княжества в последней четверти XIV в.³

Распространение молдавской монеты в последней четверти XIV столетия прежде всего свидетельствует о серьезном сдвиге в сторону укрепления молдавской денежной системы, о добротности молдавской монеты, успешно конкурирующей с монетой других стран и обеспечившей себе господствующее положение в денежном обращении Молдавии, оттеснив проникавшую сюда иноземную монету на второй план.

Представляется неправильной позиция, занятая в этом вопросе большинством румынских буржуазных исследователей, считавших мест-

¹ I. Tabrea, *Influente externe asupra primelor monete moldovenești*, CNA, Buc., 1944, ап. XVIII, № 131—132, р. 267.

² Происхождение монеты Петра I Мушата из коллекции РМК МССР неизвестно.

³ Если первые два клада четко датируются периодом правления господарей, монеты которых они содержат (1375—1399), то датировка третьего (Маморница) вызывает ряд сомнений. Петр I Мушат умер около 1391 г., правление Владислава Ягелло продолжалось с 1386 по 1434 гг. Между тем, клад из с. Маморница не содержит монет преемников Петра I Мушата. Невозможность, к сожалению, непосредственно изучить материалы клада позволяет лишь высказать предположение, что этот клад содержит монеты Владислава Ягелло первых серий и зарытие его относится к 90-м гг. XIV в.

ную монету второстепенным средством обращения в средневековой Молдавии. Так, Г. Зане и К. Бэйкойану признавали довольно широкое денежное обращение в средневековой Молдавии, но молдавским монетам отводили в нем последнее место¹. Тем более несобоснованными кажутся выводы некоторых румынских буржуазных авторов (Н. Йорга, И. Влэдеску), утверждавших, что на всем протяжении XIV в. внутренний обмен в Молдавии осуществлялся в натуре и что монета не была средством внутреннего товарно-денежного обращения².

В XIV в. в Молдавии появляется венецианская золотая монета (Брэешты). Эти «мировые деньги» продолжают поступать в денежное обращение Молдавии главным образом из портов Черного моря (с «татарской стороны») и в XV в. занимают видное место, известные как «татарские золотые». «Татарские золотые» большими суммами накапливаются молдавскими феодалами и служат платежным средством при крупных торговых операциях и особенно в сделках купли-продажи участков земли, сел, угодий и т. д.³.

Три клада с молдавскими монетами Петра I Мушата и Стефана I (Скинены, Мэмулены, Маморница), клад с венецианскими дукатами XIV в. (Брэешты) и единичные находки молдавских монет XIV в. в других пунктах северо-западной части Запрутской Молдавии располагаются на основной территории Молдавского княжества того времени.

В прудо-днестровском междуречье, исключая Белгород-Днестровский, не зарегистрировано ни одной находки молдавских монет XIV в. Вплоть до конца XIV в. здесь обращается, главным образом, иноземная монета: остается влияние южно-русского денежного обращения; пражские гроши конца XIV — начала XV вв. и червоннорусские монеты проникают вплоть до центральной части прудо-днестровского междуречья (Сороки, Строинцы, Старый Орхей).

Отсутствие по существу молдавских монет XIV в. в прудо-днестровском междуречье может быть объяснено борьбой молдавского государства с татаро-монгольскими ордами, ареной которой стала эта территория во второй половине века. Естественно, здесь нарушается нормальный ход экономической жизни и создаются неблагоприятные условия для местного денежного обращения. Земли к востоку от р. Прут осваиваются Молдавским княжеством лишь к середине XV в., когда в прудо-днестровском междуречье, с дальнейшим укреплением феодальной экономики молдавского государства, расцветают города, растет товарное производство и товарно-денежное обращение⁴.

К этому времени находки молдавских и др. монет, обращающихся в Молдавии в XV в., наблюдаются на более широком пространстве (Буковина, Серет, Сучава, Новая Сулица, Караша-Миклэушени, Леорда-Бучеча, Фалтичени, Летя ноуэ, Яссы, Хлинча-Яссы, Старый Орхей, Лукашевка, Кишинев, Балцаты, Белгород-Днестровский, Цифешты), примерно в границах Молдавского княжества в начале XV в.

Из трех известных нам кладов XV в., два (Н. Сулица, Леорда-Бучеча) зарегистрированы недостаточно четко. От клада из с. Новая Су-

¹ G. Zane, *Economia de schimb în principatele române*, Buc., 1930, pp. 103—7; C. I. Băicoianu, *Istoria politicii noastre monetare și a băncii naționale*, Buc., 1932, vol. I, p. 1, pp. 42—43.

² N. Iorga, *Negoțul și meșteșugurile în trecutul românesc*, Buc., 1906, p. 77; I. Vlădescu, *Despre dări sau impozite*, Buc., p. 32.

³ Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, pub. de M. Costăchescu, Iași, 1932, vol. II, pp. 247, 248, 552; Documentele lui Ștefan cel Mare, pub. de I. Bogdan, Buc., 1913 (почти в каждом документе).

⁴ Ф. А. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV в., Кишинев, 1950, стр. 105—136.

лица сохранилось лишь шесть монет, относимых обычно к молдавскому господарю Стефану III (1457—1504). Однако определение этих монет К. Моисилом основано лишь на формальном анализе¹. Отсутствие в остатках клада других хорошо датированных монет не позволяет сколько-нибудь существенно продвинуть решение вопроса об определении этих монет. Монеты клада из сс. Леорда и Бучеча, повидимому, однородного по составу, определены О. Илиеску и принадлежат молдавскому господарю Александру II (середина XV в.).

Третий клад (Цифешты), зарегистрированный полностью и исследованный К. Моисилом, неожиданно ставит новую проблему. Этот клад, содержащий, помимо ювелирных изделий, значительное число турецких аспров и намного меньше их венгерских динаров, датируется примерно 80—90 гг. XV в. В кладах не найдено ни одной молдавской монеты.

Рассматривая ряд фактов истории денежного обращения Молдавии во второй половине XV — начале XVI вв., Моисил приходит к выводу о вероятности прекращения чеканки молдавской монеты Стефаном III в конце XV в.² При его преемниках — Богдане III (1504—1517) и Стефане IV (1517—1527) — чеканка молдавской монеты возобновляется, но производится в очень небольших размерах, при падении ценности монет³.

В это время в денежном обращении Молдавии распространяются турецкие аспры, появляющиеся в Молдавии примерно с середины XV в. Они найдены в ряде пунктов страны (Сучава, Цифешты, Старый Орхей, Кишинев, Белгород-Днестровский).

Особенно интересные результаты дали раскопки кладбища в г. Сучава, где в погребениях найдены монеты молдавских господарей первой половины XV в. Александра I (1400—1432), Ильяша I (1432—1433) и Стефана II (1449, 1452—1455), венгерские и турецкие монеты конца XV — начала XVI вв. и не обнаружено молдавских монет второй половины XV—XVI вв.⁴ Для последнего периода и здесь состав монет такой же, как и в цифештском кладах.

Нужно думать, однако, что полное прекращение чеканки молдавской монеты в конце XV в. не произошло, но она или претерпевает некоторые изменения, или сильно падает в ценности и постепенно выпадает из обращения при наличии добротных иноземных монет. При раскопках на городище Старого Орхей найдены молдавские монеты, по типу относимые к Стефану III, но обрезанные по краям настолько, что они по весу и размерам приближаются к турецким аспрам того времени (то есть последней четверти XV в.). Монеты преемников Стефана III в начале XVI в. чеканятся редко и обычно субэратные (медные с тонкой пленкой серебра на поверхности).

Данные приведенных материалов к топографии кладов и находок монет показывают, что после обращения на юго-востоке Молдавии в конце XIII—XIV вв. в основном золотоордынской монеты, а на севере и северо-востоке пражских грошей, червоннорусских и др. монет, примерно с 80-х гг. XIV столетия основное место в денежном обращении на всей освоенной княжеством территории занимает молдавская монета.

В качестве предварительного вывода следует сказать, что имеющиеся в нашем распоряжении данные о находках молдавских монет показывают, что они довольно широко распространены в течение примерно ста лет (с момента начала регулярной их чеканки в 80-х гг. XIV в.) на

¹ C. Moisil, *Istoria monetei în România*. Monetele lui Ștefan cel Mare, CNA, Buc., 1922, an. III, N 7—8, p. 58.

² C. Moisil, *Monete și podoabe dela sfârșitul veacului al XV-lea*, Buc., 1916, p. 14.

³ C. Moisil, *Istoria monetei în România*, CNA, an. III, № 9—10, Buc., 1923, p. 72.

⁴ Șantierul Suceava, SCIV, 1953, 1—2, an. IV, pp. 357—364.

территории Молдавского княжества и являются одним из основных средств денежного обращения.

В это время молдавские монеты становятся до некоторой степени даже средством международного товарно-денежного обращения; они найдены в Добрудже (Екрене, Бэдила, Силистра, Облучица, Ракелу-Лунковица), Валахии (Цепеш-Вода, Бухарест, Олтения?), в кладках в Сербии (Ресава), Подолии (?), Литве (Шанцы) и Польше (Познань?)¹.

Вопрос о чеканке и обращении молдавских монет в конце XV в. является одним из важнейших в разработке истории денежного обращения Молдавии и для его выяснения требуются дополнительные материалы.

СПИСОК

кладов и находок монет, обращавшихся на территории средневековой Молдавии в конце XIII—XV вв.

1. Повсюду в Буковине распространены находки молдавских монет XIV—XV вв., D. A. Sturdza, Uebersicht der Münzen und Medaillen des Fürstenthums Romanien (Moldau und Walachei), Wien, 1874, s. 8; E. Fischer, Beitrag zur Münzkunde des Fürstenthums Moldau, Czernowitz 1901, s. 4.

2. У г. Сучава, при раскопках господарской крепости К. А. Ромсторфером в конце 90-х гг. XIX — первые годы XX вв. найдены серебряные монеты Петра I Мушата (1 экз.), Александра I (49 экз.), Ильяша I (1 экз.), Александра II (1 экз.), Богдана II (2 экз.), Богдана III (1 экз.), Стефана VI (1 экз.), Стефана VII (14 экз.). Остальные монеты (32 экз.) из-за плохой сохранности определить не удалось. Наряду с молдавскими, найдены трансильванские, венгерские, литовские, польские и бранденбургские монеты (?), К. А. Romstorfer, Cetatea Sucevii, Buc., 1913, pp. 90—91. Определения монет произведены Э. Фишером около 1901 г. и соответствуют классификации молдавских монет того времени. Значительная часть этих монет опубликована им в Beitrag zur Münzkunde des Fürstenthums Moldau, Czernowitz, 1901.

В свете новой классификации, предложенной К. Моисилом², некоторые из этих определений устарели. Найденные монеты относятся к Петру I Мушату (1375—1391) — 1 экз., Александру I (1400—1432) — 49 экз., Ильяшу I (1432—1433) — 1 экз., Александру II (1449, 1452—1455) — 1 экз., Стефану III (1457—1504) — 1 экз., Богдану III (1504—1517) — 3 экз., Стефанице (1517—1527) — 14 экз.

В районе г. Сучава при различных обстоятельствах в конце XIX — начале XX вв. были найдены серебряные и медные монеты молдавских господарей: Романа I (1391—1393), Александра I, Ильяша I, Стефана II

¹ C. Moisil, Numismatica Dobrogei, Arhiva, Dobrogei, vol. I, Buc., 1916, p. 152; CNA, an. VII, N 69—70, Buc., 1927, p. 32; G. Severeanu, Monetele lui Petru Mușat găsite într-un tezaur de monete Mircea cel Bătrân, București, revista, N 1—2, an. III, Buc., 1937, p. 68; C. Moisil, Circulația monetară la noi în veacul al XIV-lea, CNA, an. XIII, N 112, Buc., 1938, p. 96; CNA, an. XV, N 119—20, Buc., 1940, p. 287; G. Severeanu, Donațiunea R. P. Voinescu, București, revista, N 1—2, an. III, Buc., 1937; C. Moisil, Monetăria Țării Românești în timpul dinastiei Basarabilor, AIIN, III, 1924—25, Cluj, 1926, pp. 119, 121; N. Docan, Studii privitoare la numismatica Țării Românești, Buc., 1910, pp. 35—36, Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St-Petersbourg, tom VI, f. 1—9, S-Pb., 1863, p. 126; C. Moisil, Probleme de numismatica românească, AAR, mem. sect. ist., ser. III, tom XXII, Buc., 1941, p. 246; Г. Б. Федоров, Топография кладов с литовскими слитками и монетами, КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 74; Zeitschrift für Münz-Siegel und Wappenkunde herausgegeben von B. Koehne, I, Berlin. Posen und Bromberg, 1841, s. 333.

² C. Moisil, Istoria monetei în România, CNA, an. I, NN 3—12, Buc., 1920; an. II, NN 1—12, Buc., 1921; an. III, NN 3—10; Buc., 1922; an. IV, NN 3, 4, 1923.

(1442—1444, 1445—1447), Александра II и Богдана III, C. Moisil, AR, Creșterea colecțiunilor, № XXV, Buc., 1914, pp. 149—152.

При разведывательных раскопках Сучавской крепости в 1951 г. на так называемом «поле ровов» найдены монеты Петра I Мушата (1 экз., серебряная) и Александра I (2 экз., медные), в крепости найдена медная монета Александра I; SCJV, an. III, 1952, pp. 428, 430—431.

При раскопках Сучавской крепости в 1952 г. найдены молдавские монеты Александра I (3 экз.) и турецкая монета Баязида II (1 экз., 1481 г.). Во время раскопок на древнем городском кладбище монеты найдены в 20 погребениях, из них молдавские монеты Александра I в девяти погребениях, в одном погребении монета Ильяша I, в одном погребении монета Стефана II, венгерские монеты конца XV — начала XVI вв. найдены в семи погребениях (одна серебряная монета Матвея Корвина, пять серебряных монет 1515, 1516 и 1520 гг. и одна — золотой дукат начала XVI в. с дырочкой для подвески), в двух погребениях найдены турецкие монеты, из которых одна золотая с дырочкой для подвески.

Молдавские серебряные монеты Петра I Мушата (2 экз.) и медная Александра I (1 экз.) были найдены при раскопках ранней сучавской крепостцы у предместья Шкея; SCJV, 1—2, an. IV, Buc., 1953, pp. 346—48, 357—64, 379—82.

3. У села Пэртэши, Сучавской области, РНР, в погребении найдена серебряная золотоордынская монета хана Талабуга (1287—1290). Сообщение О. Илиеску (Академия РНР).

4. У г. Серет, Сучавской области, в 1912 г. найден клад из 335 серебряных монет. Из них, 300 монет — пражские гроши Вацлава II (1278—1305), Иоанна (Яна) I (1310—1346) и Карла I (1346—1378), червоннорусские полугроши Казимира III (1333—1370) и Владислава Опольского (около 1382—1386) венгерский грош Людовика I (1370—1382), а также 35 валашихских монет Влада I (1364—1377). Из этих монет, 156 экз. хранятся в коллекции Академии РНР. BSNR, X, Buc., 1913, p. 64; AR Creșterea colecțiunilor, XXV, 1914, pp. 140—1, 155—56; C. Moisil, Monetăria Țării-Românești în timpul dinastiei Basarabilor, AIIN, III, 1924—25, Cluj, 1926, pp. 119—20; I. D. Coșdurachi, Istoricul sistemelor monetare în Țările române până la 1867, Buc., 1934, p. 12; O. Iliescu, Monete vechi românești, SCIM, 1950, I, p. 127; C. Moisil, Câteva tezaure monetare medievale, Lucrările sesiunii generale științifice din 2—12 iunie 1950, p. 1555.

Также у г. Серет найдены молдавские монеты Петра III Арона (1451—1452, 1454—1457); D. A. Sturdza, Uebersicht der Münzen und Medaillen des Fürstenthums Romanien (Moldau und Walachei), Wien, 1874, s. 22.

5. У с. Маморница, Черновицкой обл., УССР, в 1875 г. найден клад серебряных монет Петра I Мушата и Владислава Ягелло (1386—1434); D. A. Sturdza, Memoriu asupra numismatiei române ASAR, t. X, 1878; C. Moisil, Circulația monetară la noi în veacul al XIV-lea, CNA, an. XIII, № 112, Buc., 1938, p. 96; C. Moisil, Probleme de numismatica românească, AAR, mem. sect. ist., seria III, t. XXII, 1939—1940, Buc., 1940, список кладов XIV в., p. 246.

6. В с. Новая Сулица, Черновицкой обл., УССР, в 1894 г. был найден клад, состоявший приблизительно из 200 серебряных монет. Клад был привезен в Черновцы и распродан различным лицам. Значительная часть клада отослана во Франкфурт н/М. Из клада известны лишь 6 серебряных молдавских монет Стефана III; O. Luchian, Monete dela Stefan

cel Mare găsite la Sulița nouă (Basarabia), CNA, № 123—124, Buc., 1942, pp. 66—67.

7. У сс. *Караша и Миклаушени*, Сучавской области, РНР, во время археологических разведок 1952 г. из культурного слоя поселения XV—XVII вв. извлечена медная молдавская анэпиграфная монета, по типу приближающаяся к монетам Александра I; SCJV, 1—2, ап. IV, Buc., 1953, p. 422.

8. В с. *Брэшты*, Сучавской области, РНР в 1952—1953 гг. найден клад золотых монет; среди них, 19 венецианских дукатов дожей Бартеlemi Градениго (1339—1343), Андреа Дандоло (1343—1354), Марино Фалиери (1354—1355), Джованни Градениго (1355—1356), Джованни Дельфино (1356—1361), Лоренцо Цельси (1361—1365), Марко Корнаро (1365—1367), Андреа Контарини (1367—1382), Микеле Морозини (1382) и Антонио Верниери (1382—1400); 19 имитаций венецианских дукатов по типу монет, чеканившихся при дожах Джованни Соранцо (1312—1328), Андреа Дандоло и Джованни Дельфино; 4 венгерских дуката Людовика I (1342—1382), Марии (1382—1387) и Сигизмунда (1387—1437). Одна золотая индийская монета, чеканенная в Дели во время султана Махмуда II, в 1352 г. Сообщение О. Илиеску (Академия РНР.)

9. Во время прокладки водопровода между сс. *Леорда и Бучеча*, Сучавской обл., РНР, в 1900 г., на расстоянии 4,5 км от с. Леорда, были найдены семь скелетов с несколькими предметами (медная пластинка с непонятными письменами, обломок большого медного кольца, обломки металлических изделий и костяной амулет). Затем были найдены молдавские серебряные монеты, вероятно клад, переданные в примарию (г. Ботошаны?) Монеты, по определению О. Илиеску, принадлежат молдавскому господарю Александру II (1449, 1452—1454, 1455); Ероса, 6 (1900), № 1337/145, mai 30, p. 2; O. Iliescu, Un vechi tezaur de monete moldovenești, găsite necunoscut, SCB, I, 1955, Buc., pp. 309—314.

В музее г. *Фалтичени* хранится значительное число молдавских монет XIV и XV вв., собранных в районе города; V. Ciurea, Muzeul Fălticeniilor, Boabe de grâu, ап. I, № 9, Buc., 1930, p. 547.

11. В г. *Пятра-Нямц*, обл. Бакэу, РНР, во время археологических работ 1954 г. найдены молдавские монеты Петра I Мушата и Стефана I (1393—1399). Сообщение О. Илиеску (Академия РНР).

12. У с. *Летя ноуэ*, обл. Бакэу, РНР, найдены медные молдавские анэпиграфные монеты XV в.; C. Moisil, Colecțiunea numismatică, AR, Creșterea colecțiilor, № XXV, Buc., 1914, p. 152.

13. В с. *Цифешты*, Бырладской обл., РНР, в 1912 г. на берегу реки Путна найден клад монет и ювелирных изделий. Монеты — серебряные турецкие аспры Мухаммеда II (1451—1481) и Баязида II (1481—1512) (335 экз.) и серебряные венгерские диннары Матвея Корвина (1458—1490) и Владислава II (1490—1516) (49 экз.). Большинство турецких аспров Баязида II, лишь несколько монет Мухаммеда II. Монет Матвея Корвина — 39, Владислава II — 9 (одна монета не определена). Вместе с монетами найдены две пары серебряных серег, две большие и две маленькие серебряные пуговицы; C. Moisil, Monete și podoabe dela sfârșitul veacului al XV-lea, Buc., 1916.

14. У с. *Босия*, Ясской области, РНР, в 1932—1938 гг. найдены пять медных восточных монет. Из них одна золотоордынская хана Токту 1310/11 г. Сообщение О. Илиеску (Академия РНР).

15. Во время раскопок у *Хлинча-Яссы*, Ясской обл., РНР, в 1952 г. найдена анэпиграфная серебряная молдавская монета XV в.; SCJV, 1—2, ап. IV, Buc., 1953, pp. 324—325. Здесь же, по сообщению О. Илиеску, найдена серебряная золотоордынская монета Токту, 1920/1 г.

16. В г. *Яссы*, при раскопках у холма Галата в 1902 г., найдена серебряная венгерская монета Матвея Корвина; Arh. AR, dos. VII, 1902, 34, p. 56; C. Moisil, Monete și tezaure monetare din România-Mare, BSNR, an. XVII, № 41—42, Buc., 1922.

17. У с. *Мэрмулены*, Ясской обл., РНР, около 1886 г. был найден клад из 230 серебряных монет Петра I Мушата и Стефана I (1393—1399), среди которых преобладают монеты Петра I. Клад хранится частью в Бухарестском академическом музее, частью в Ясском; D. A. Sturdza, Uebersicht der Münzen und Medaillen des Fürstenthums Romanien, Wien 1874, ss. 9—14; N. Docan, Notifiă despre monetele lui Petru Mușat, AAR, ser. II, t. XXX, mem. sect. ist., Buc., 1908, p. 152; I. D. Condurachi, Istoricul sistemelor monetare în Țările române până la 1867, Buc., 1934, p. 13; C. Moisil, Probleme de numismatică românească, AAR, mem. sect. ist., ser. III, t. XXII, 139—40 Buc., 1941, список кладов XIV в., p. 246.

18. У с. *Скинены*, Бырладской обл., РНР, в 1862—1865 гг. найден клад из 178 серебряных монет и обломков монет молдавских господарей Петра I Мушата и Стефана I; значительно преобладают монеты Петра I. Клад хранится в Ясском музее; N. Docan, Notifiă despre monetele lui Petru Mușat, AAR, ser. II, t. XXX, mem. sect. ist., Buc., 1908, p. 152; I. D. Condurachi, Istoricul sistemelor monetare în Țările române până la 1867, Buc., 1934, p. 13; C. Moisil, Probleme de numismatică românească, AAR, mem. sect. ist., seria III, t. XXII, 1939—1940, Buc., 1941, список кладов XIV в., p. 245.

19. В с. *Оанча*, Галацкой обл., РНР, в 1922 г., на берегу р. Прут найдена медная золотоордынская монета, чеканенная, вероятно, при хане Узбеке. Сообщение О. Илиеску (Академия РНР).

20. В г. *Сороки* (МССР), в 1895 г., в саду одного из жителей города — Василия Стратана, был найден клад из 27 серебряных монет, определенных А. К. Марковым как пражские гроши Вацлава IV (III) (1378—1419), А. А. Сиверс. Топография кладов с пражскими грошами, Петроград, 1922, стр. 9.

21. В с. *Строинцы*, Каменского района, МССР, в 1890 г., был вырыт клад, состоящий из золотой и серебряных монет. По определению И. И. Толстого, золотая монета — венгерский дукат Сигизмунда I (1410—1438), серебряные монеты — пражские гроши и полугроши Вацлава (? 45 экз.), молдавские гроши (? 2 экз.) и золотоордынские монеты с надчеканкой литовских колюмн; А. А. Сиверс, указ. раб., стр. 24.

22. Большая коллекция монет собрана в результате разведок и раскопок на тородище *Старого Орхя* в 1947—1955 гг. Городище расположено в 20 км юго-восточнее современного г. Оргеева (МССР), ниже по течению р. Реут, между сс. Требужены и Бутучены, Оргеевского района, МССР. Эта коллекция содержит 290 серебряных и медных золотоордынских монет. Серебряные монеты ханов Узбека 1321/2 г. (1 экз.), 1325/6 г. (1 экз.) и 1332/3 г. (1 экз.); Джанибека 1350/1 г. (1 экз.); 1351/2 г. (2 экз.) и 1354/5 г. (1 экз.), Абдуллаха 1362/3 г. (4 экз.), и 1364/5 гг. (1 экз.), Сеида-Ахмеда 1419/20 г. (1 экз.). Медные монеты Кильдибека 1360/1 г. (3 экз.) и 1361/2 г. (1 экз.), Абдуллаха 1362/3 г. (1 экз.), медные золотоордынские монеты новой группы, чеканенные в «Новом городе» (40 экз.), и группа золотоордынских медных монет с цветком, на лицевой стороне, и указанием места (Новый Сарай) и года (обычно с датой 1351/2 г., или отклонениями на несколько лет в ту или другую сторону) чеканки на оборотной стороне — 231 экз.

Здесь же найдены молдавские серебряные и медные монеты Александра I (1400—1432) — 2 экз., Ильяша I и Стефана II (1435—1442) —

4 экз., Стефана II, Александра II — 1 экз., Стефана III — 9 экз., анэпиграфных молдавских монет XV в. — 8 экз. Наряду с молдавскими, найдены следующие монеты XV в. — фальшивый венецианский дукат по типу монет дожа Микеле Стено (1440—1414), турецкие монеты Баязида II (1481—1512), обычно с датой 1481 г., — 5 экз., турецкая монета второй половины XV в. (1 экз.), венгерские серебряные монеты Матвея Корвина (1458—1490) — 1 экз., Владислава II (1490—1516) — 1 экз., пражские гроши Иоанна (Яна) I (1309—1346) — 1 экз., Вацлава IV (III) — 2 экз., медный червоннорусский пул Казимира III (1333—1370) — 1 экз. Определения произведены работниками Государственного Исторического Музея и автором, монеты хранятся в Республиканском музее краеведения МССР и в отделе археологии и этнографии ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР.

В феврале 1892 г. преподаватель Кишиневской семинарии Е. Е. Михалевич передал в Церковно-археологический музей Киевской духовной академии пять серебряных монет, найденных близ с. Бутучены (повидимому на городище Старого Орхья, которое находится у этого села). Из пяти монет, одна золотоордынская, пражский грош Вацлава IV (III), венгерская монета Матвея Корвина и молдавские монеты Стефана III (2 экз.). А. А. Сиверс, Топография кладов с пражскими грошами, Петроград, 1922, стр. 9.

23. У с. Лукашевка, Оргеевского района, МССР, из культурного слоя средневекового поселения извлечена молдавская серебряная монета Стефана III. Сообщение Г. Б. Федорова. Монета хранится в ИИМК АН СССР.

24. У с. Балцаты, Криулянского района, МССР, в 1956 г. преподавателем-школы А. Г. Драченко найдена молдавская медная анэпиграфная монета XV в. Монета хранится в музее школы с. Балцаты.

25. На городище Костешты, Котовского района, МССР, во время раскопок 1954 г. и разведок 1955 г. найдено 11 золотоордынских медных монет, на пяти из которых читается дата 1351/2 г., Э. А. Рикман, Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты, Известия МФАН СССР, № 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 109; Сообщение Э. А. Рикмана. Монеты хранятся в отделе археологии и этнографии ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР.

26. В фондах Республиканского музея краеведения МССР хранятся большое число монет XIV—XV вв., собранных в центральной части прут-днестровского междуречья; точные места находок этих монет неизвестны. Среди них определенные А. А. Сиверсом монеты ханов Золотой орды — серебряные Токту 1310/11 г. (1 экз.), Узбека 1321/22 г. (2 экз.), 1333/4 г. (1 экз.) и одна без даты; Джанибека 1342/3 г. (1 экз.), 1345/6 (3 экз.), 1346/7 г. (4 экз.), 1347/8 г. (1 экз.), 1350/1 г. (2 экз.), 1351/2 г. (4 экз.), 1355/6 г. (1 экз.), Мухаммеда Бирдибека 1357/8 г. (1 экз.), 1358/9 г. (1 экз.); Хызра 1359/60 г. (1 экз.); Абдаллаха 1363/4 г. (4 экз.), 1364/5 г. (2 экз.), 1365/6 г. (1 экз.); медные — с датой 1351/2 (3 экз.) и 2 экз. неопределенные; Фонды РМК МССР. Инв. книга «Нумизматика», №№ 624, 615, 616, 621, 623, 605, 611, 617, 618, 620, 625—634, 646, 610, 619, 622, 606—609, 612—614, 3487, 3500—2.

Венгерские серебряные монеты Карла Роберта (1305—1342) — 1 экз., Матвея Корвина (1458—1490) — 13 экз., Владислава II (1490—1516) — 12 экз., Фонды РМК МССР; Инвент. книги «Нумизматика», № 1131/878, и «А» — серебро, №№ 3009/1093, 3326/1652—59, 3009/37/2, 3326/1660—69, 3009/37/3.

Молдавская серебряная монета Петра I Мушата (1375—1391) (?), пражские гроши Карла I (1346—1378) — 5 экз., червоннорусский полу-

грош Казимира III, французская турноза Филиппа IV Красивого (1285—1314) и турецкая монета Мурада II (1421—1451). Определения А. А. Сиверса. Фонды РМК МССР, Инв. книга «Нумизматика», №№ 3562, 1131/880—84, 1131/879, 1131/877, 3483.

27. В с. Цыбулевка, Дубоссарского района, МССР, в 1955 г., по сообщению аспиранта МФАН СССР А. И. Набережного, найдена анонимная золотоордынская монета XIV в. Прорись монеты хранится в отделе археологии и этнографии ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР.

28. У г. Тирасполь и сс. Сукля, Парканы, Терновка и Плоское, Тираспольского района, МССР, при раскопках И. Я. Стемпковского курганных кочевнических погребений найдены 12 целых и 21 фрагмент серебряных джучидских монет. Среди определенных монет ханов Тулабуга (1287—1290) — 2 экз., Токту (1290—1312) — 9 экз., Узбека 1325/6 г. — 1 экз. Те из фрагментов, которые удалось определить, относятся к монетам, чеканенным в 1286/7 г. и в 90-х гг. XIV в. (один фрагмент медной монеты). В. И. Гошкевич, Погребения, датированные джучидскими монетами из раскопок И. Я. Стемпковского, ВОКК, секц. арх., ч. 4—5, стр. 104; И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. I. Киев, 1951, стр. 20—24.

29. В г. Белгород-Днестровский (Аккерман), Одесской области, УССР, в 1904 г. найден клад золотоордынских монет. Он содержал приблизительно 5,32 кг серебряных монет, из которых 3263 экземпляра были доставлены в ИАК. Среди них, по определению повидимому А. К. Маркова, 12 монет Тулабуги, чекан Крыма, 686 г. хиджры; хана Токту (1290—1312) — 3224 монеты, чеканенных в Крыму в 690 г. х. (199 экз.), 697 г. х. (8 экз.), 699 г. х. (1 экз.), на 2881 экз. год сбит или стерт; подражаний джучидским монетам, чеканенным в Крыму — 17 экз., Архив ЛО ИИМК, ф. I, д. № 175, 1904 г. Отчет Имп. Археологической комиссии 1904 г., стр. 121—122.

Во время раскопок 1900 г. в Белгороде-Днестровском была найдена турецкая монета султана Мухаммеда II (1451—1481); Э. Р. ф. Штерн, О последних раскопках в Аккермане ЗООИД, т. XXIII, Одесса, 1901 г.

При раскопках 1912 г. найдены молдавские монеты Петра I Мушата, Александра I и Стефана III; хулагидская монета Абу-Саида (1316—1335), турецкие монеты XV в., среди которых монеты султанов Мухаммеда II (1451—1481) и Баязида II (1481—1512), шемахинская (Азербайджан) монета XV в., монета астраханских джучидов XV в. (Кюлюк-Мухаммеда); Э. Р. ф. Штерн, Раскопки в Аккермане. лето 1912 г., Одесса, 1913 г.

В коллекции Белгород-Днестровского краеведческого музея, собранной на юге прут-днестровского междуречья, золотоордынские медные монеты 1351/2 г. (5 экз.), медные монеты Абдаллаха 1362/3 г. (1 экз.) и 1368/9 г. (1 экз.), медные монеты с местом чекана «Новый город» (3 экз.); молдавские медные монеты XV в. (4 экз.), монета молдавского господаря Ильяша I и молдавская медная монета белгородского чекана XV в. (?). Фонды Белгород-Днестровского краеведческого музея, №№ 1273, 1283, 1361, 1278, 1280, 1578, 1277, 1302, 1575, 1333, 1337, 1455, 1513, 1436, 1249, 1016.

В 1923 г. у Белгород-Днестровской крепости была найдена бронзовая монета царя Киликийской Армении Гетума I (1226—1270). Там же, в начале XIX в. были найдены еще две армянские киликийские монеты Гетума I и Гетума II (1290—1305); G. Avakian, Trei monete ale regilor armeni gasite la Cetatea-Alba, BSNR, №№ 49—50, Buc., 1924.

УКАЗАТЕЛЬ

к списку кладов и находок монет, обращавшихся на территории средневековой Молдавии в конце XIII—XV вв.

(Даны №№ списка кладов и находок монет)

Молдавские монеты

1. Буковина — № 1
2. Сучава — № 2
3. Серет — № 4
4. Маморница — № 5
5. Новая Сулица — № 6
6. Караша-Миклаушени — № 7
7. Леорда-Бучеча — № 9
8. Фалтичени — № 10
9. Пятра-Нямц — № 11
10. Летя ноуэ — № 12
11. Хлинча-Яссы — № 15
12. Мэрмулены — № 17
13. Скинены — № 18
14. Строинцы — № 21
15. Старый Орхей — № 22
16. Лукашевка — № 23
17. Балцаты — № 24
18. Центральная часть прутоднестровского междуречья (Кишинев) — № 26
19. Белгород-Днестровский — № 29

Золотоордынские монеты

1. Пэртэшты — № 3
2. Босия — № 14
3. Хлинча-Яссы — № 15
4. Оанча — № 19
5. Строинцы — № 21
6. Старый Орхей — № 22
7. Костешты — № 25
8. Центральная часть прутоднестровского междуречья (Кишинев) — № 26

9. Цыбулевка — № 27
10. Тирасполь }
Сукляя }
Парканы } — № 28
Терновка }
Плоское }
11. Белгород-Днестровский — № 29

Пражские гроши и червонно-русские монеты

1. Серет — № 4
2. Сороки — № 20
3. Строинцы — № 21
4. Старый Орхей — № 22
5. Центральная часть прутоднестровского междуречья (Кишинев) — № 26

Турецкие монеты

1. Сучава — № 2
2. Цифешты — № 13
3. Старый Орхей — № 22
4. Центральная часть прутоднестровского междуречья (Кишинев) — № 26
5. Белгород-Днестровский — № 29

Венгерские монеты

1. Сучава — № 2
2. Серет — № 4
3. Брэешты — № 8
4. Цифешты — № 13
5. Яссы — № 16
6. Строинцы — № 21
7. Старый Орхей — № 22

Прочие

8. Центральная часть прутоднестровского междуречья (Кишинев) — № 26

Польские монеты

1. Сучава — № 2
2. Маморница — № 5

Венецианские монеты

1. Брэешты — № 8
2. Старый Орхей — № 22

1. Сучава (трансильванские, литовские, бранденбургские?)
2. Серет (валахские) — № 4
3. Центральная часть прутоднестровского междуречья (французская турпоза) — № 26
4. Белгород-Днестровский (хулагидская монета, шеманская монета, астраханская джучидская монета, армянские киликийские) — № 29
5. Брэешты (индийская) — № 8

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй Л. Л. Полевой «Материале деспре топография тезаурилор формате дин монете, че-ау чиркулат пе териториул Молдовей дела сфыршитул вакулуй XIII пынэ ын вакул XV».

Дин материалеле публикاته путем сэ не формэм о ынкипуире жене-
ралэ деспре топография монетелор, че чиркулау пе териториул кнезату-
луй Молдовенеск ын периоада формэрий системей бэнешть локале ши
чиркулацией монетей молдовенешть.

Дателе, пе каре ле гэсим ын лукраря де фацэ, не доведеск кэ ла
сфыршитул вакулуй XIII ши ын вакул XIV, ын партя де мязэ-зы-рэсэрит
а Молдовей ера ын темей рэспындитэ монета Оардей де Аур, яр ла
мязэ-ноапте ши мязэ-ноапте-рэсэрит авяу чиркулации гроший дин Прага,
монетеле дин Червонная Русь ши алте монете. Ынчепынд кам дела аний
80 ай вакулуй XIV ши пынэ ла сфыршитул вакулуй XV ын чиркулация
бэняскэ прекумпэнеште монета молдовеняскэ, каре одатэ ку злотул ве-
нециан сервеште дрепт принципалул мижлок де скимб.

RÉSUMÉ

de l'article de L. L. Poliévoï «Sur la topographie des
trésors et des découvertes de monnaies ayant été en circulation sur le ter-
ritoire de la Moldavie à la fin du XIII-e, au XIV-e et au XV-e siècles».

Les matériaux publiés dans cet article donnent une idée provisoire de
la topographie des monnaies ayant été en circulation sur le territoire de la
principauté moldave à l'époque de la formation du système monétaire local
et de circulation de la monnaie moldave.

Les données présentées dans l'article prouvent qu'à la fin du XIII-e
et au XIV-e siècles la monnaie de la Horde d'or était surtout répandue au
sud-est de la Moldavie, tandis qu'au nord et nord-est étaient répandues
la monnaie tchèque, celle de la Russie occidentale et d'autres. Depuis les
dernières décades du XIV-e s. jusqu'à la fin du XV-e s. la monnaie mol-
dave était le principal moyen de circulation. Une autre monnaie répandue
dans la principauté était le ducat de Venise.

В. С. ЗЕЛЕНЧУК

ОСВЕЩЕНИЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА
МОЛДАВАН В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В настоящее время наиболее важной задачей советской этнографии является исследование национальных форм социалистической культуры и быта народов СССР, путей и форм взаимного обогащения культур этих народов.

Проблемы, поставленные перед молдавской этнографией, вытекают из общих задач советской этнографической науки. Но наряду с этим, перед исследователями этнографии Молдавии стоит ряд вопросов, обусловленных своеобразием развития молдавской народной культуры и особенностями ее изучения в прошлом.

Характеризуя этнографическую литературу прошлого в целом, необходимо отметить, что в основном это работы, носящие описательный характер. Часть из них, содержащих большое количество материалов по различным областям быта и культуры, могут служить этнографическим источником.

В ряде сочинений зафиксированы давно исчезнувшие элементы духовной и материальной жизни народа — в этом их ценность. К таким работам прежде всего относится труд Дмитрия Кантемира «*Descriptio Moldaviae*»¹, где особенно подробно описаны обычаи, обряды и верования в Молдавии конца XVII — начала XVIII вв. Многие из того, что было описано Д. Кантемиром последующим авторам уже не удалось застать. Это записи о языческих божествах, перешедших, как замечает Д. Кантемир, в религию молдаван из дакийских языческих верований. Такими являлись упоминаемые в свадебных песнях и стихах имена богов Ладо и Мано, полумифические существа Дзины или Зыны, представляемые в виде красивых девушек, Стахия — хранительница подземных кладов.

Большой интерес представляют зафиксированные Д. Кантемиром языческие обряды молдавских крестьян: обряд «драгайкэ», посвященный плодородию земли, обычаи вызывания дождя — «папалуга» и др.

Обычай «драгайкэ» заключался в следующем. В начале лета в определенный день из соседних деревень собирались девушки и выбирали из своей среды самую красивую, называя ее «драгайкэ». Эту девушку вели в поле, украшали ее расшитыми лентами и короной из стеблей хлебных злаков. Затем шествие девушек во главе с «драгайкой», танцуя и запевая, проходило через села. Девушка, которую выбирали «драгайкой» не имела права выходить замуж в течение трех лет².

¹ Работа была написана на латинском языке. Русский перевод был сделан В. Левшиним и напечатан в Москве в 1789 г.

² *Descrierea Moldovei*, București, 1909, p. 250.

Отголосок древнего аграрного обряда «драгайкэ» сохранился в Молдавии и Румынии до последнего времени в виде танца под таким же названием. Танец «драгайкэ» исполнялся во время праздника «симзиене» 24 июля (по церковному календарю — в день рождения Иоанна крестителя). Здесь мы видим слияние пережитков языческого обряда с церковным христианским праздником. Такое переплетение и слияние языческих обрядов с церковными праздниками характерно для многих праздников *народного календаря*.

Кантемир описывает также обряд вызывания дождя — «папалуга». В период засухи крестьяне наряжали девочку в возрасте до 10 лет в костюм из листьев, и она в сопровождении толпы мальчиков и девочек отправлялась в поле, где, обращаясь к небу, просила послать дождь. В этом обряде, где к небу обращаются как к живому существу, явственно видны черты древней религии предков молдаван.

Известно, что дакийцы были политеистами, одно из главных божеств они представляли в виде неба. Геродот, описывая гето-даков, отмечал, что во время грозы они стреляли из луков в небо, угрожая божеству¹.

Обряд «папалуга» сохранился в Румынии и Бессарабии вплоть до начала XX в. Его содержание несколько изменилось — теперь процессия во главе с девочками или мальчиками ходила не в поле, а по деревне от дома к дому, причем хозяева дома обливали участников процессии водой.

В конце XVIII в. в связи с усилением освободительной борьбы народов Балканского полуострова против турецкого гнета, Дунайские княжества Молдавия и Валахия оказываются в центре внимания европейской общественности. Русско-турецкие войны и присоединение Бессарабии к России вызвали путешествия в Бессарабию, в связи с чем издан ряд дневников, воспоминаний и записок. Таковы записки о Бессарабии П. И. Сумарокова², Д. Н. Бантыш-Каменского³, Райковича⁴, Ф. Ф. Вигеля⁵ и др. Но вся эта мемуарная литература почти лишена этнографических сведений о населении Бессарабии. Некоторые данные о населении и экономике Бессарабии имеются в работе П. Свинына «Описание Бессарабской области в 1816 г.».

В работе приводится подробная рецептура растительных красителей, применявшихся крестьянами для крашения шерсти. Свинын отметил общность ряда молдавских народных обычаев и одежды с украинскими.

Подробное описание быта молдавских крестьян было сделано в 1860 году офицером генерального штаба русской армии А. О. Зашуком, который был послан в Бессарабию для сбора топографических и статистических данных. В монографии А. О. Зашука имеется глава, посвященная быту крестьян. В ней описываются жилища, одежда, пища, рассматривается семья, свадебный, похоронный и родильный обряды, приводятся сведения о фольклоре⁶.

Описание молдавской народной свадьбы А. О. Зашуком во многом совпадает с описанием этого обряда Д. Кантемиром. В свадебных обрядах, описанных А. О. Зашуком, появляются формы заключения брака, отсутствующие в описании Д. Кантемира. Так, А. О. Зашук рассказы-

¹ G. Popa-Lisseanu. Dacia în autorii clasici, Bucureşti, 1943, v. 2, p. 20.

² П. И. Сумароков, Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800.

³ Д. Н. Бантыш-Каменский, Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию, М., 1810.

⁴ И. Райкович, Voyage en Valachie et Moldavie, Paris, 1822.

⁵ Ф. Ф. Вигель, Записки о Бессарабии, «Русский архив», 1891—1895.

⁶ А. О. Зашук, Материалы для географии и статистики России, Бессарабская обл. СПб., 1862.

вает об обычае «похищения» невесты. «Похищение» по форме напоминает славянские умыкания летописных времен, но содержание его уже другое.

«Похищение» чаще всего происходило с согласия невесты. Повидимому, «похищения» во второй половине XIX века (кроме А. О. Зашука о такой форме заключения брака упоминают и другие наблюдатели) являлись результатом усилившегося классового расслоения крестьянства. «Похищение» чаще всего имело место в том случае, когда родители невесты отказывали жениху по причине его бедности. В таком случае жених, по уговору с невестой, тайно увозил ее в свой дом или в соседнее село, где и происходила свадьба.

Попытки А. О. Зашука объяснить описываемые им явления часто были неудачными, а иногда носили совершенно ненаучный характер. Так, указывая на широко распространенный в Бессарабии обычай отделения взрослых детей от родителей, А. О. Зашук, не поняв экономической сущности этого явления, объяснил его неуживчивостью молдавских женщин.

Установившийся обычай отделения взрослых детей был связан с порядком наследования. Согласно молдавскому обычному праву основным наследником являлся младший сын. Такой порядок, согласно которому отцовская усадьба и большая часть земельного надела являлись потенциальной собственностью младшего сына, служил причиной отделения остальных сыновей. Ценность работы Зашука состоит в наличии в ней обширного фактического материала по быту молдавских крестьян середины XIX века.

Впоследствии материалы, собранные А. О. Зашуком легли в основу многих популярных изданий по этнографии Бессарабии. Ими широко пользовался Л. С. Берг, П. Усов, М. Мостовский, и др.¹

При восстановлении картины сельского быта второй половины XIX века значительную помощь могут оказать критически использованные статьи сельских священников, регулярно помещавшиеся в «Кишиневских Епархиальных ведомостях» на протяжении второй половины XIX столетия. Поставив задачу укрепления религиозной идеологии, православная церковь в Бессарабии изучала дохристианские народные праздники, обычаи и верования с тем, чтобы с позиций православной церкви легче бороться с ними.

Некоторые статьи, печатавшиеся в «Кишиневских Епархиальных ведомостях», носили этнографический характер. Таковы статьи П. Сырку — «Святочные обряды и песни у бессарабских молдаван на Рождество и Новый год», Д. В. Щеглова — «О приметах», «Русалки», А. К. Конского — «Простонародные праздничные обычаи в Бессарабии», С. Н. Кульчицкого — «О суеверных обычаях, повериях и приметах жителей с. Ставучан»².

Авторы перечисленных заметок, приоткрыли картину крайне отсталых восприятий крестьянами окружающего мира. Критически используя эти материалы, а также свидетельства предшествующих описателей крестьянского быта, современный этнограф может восстановить в общих чертах мировоззрение молдавских крестьян XIX века.

Эти материалы показывают нам, что в условиях тяжелого безысходного труда в условиях неграмотности и невежества, когда умственный

¹ Л. С. Берг, Бессарабия, Пгб. 1918; П. Усов, Русские румыны, «Новь», 1891, № 9, 10; М. Мостовский, Этнографические очерки России, М., 1874.

² См. К.Е.В. за 1874, 1884, 1870, 1875 гг.

кругозор крестьян не выходил из рамок однообразной бедной жизни села, явления окружающей среды воспринимались и преломлялись в сознании крестьян традиционно, по раз усвоенным образцам. Пережитки древнего быта, застывшие в форме различных обрядов и верований, продолжали тяготеть в их сознании. «Нечистая сила», черти и ведьмы, русалки и домовые продолжали фигурировать в мировоззрении крестьян. Тесно связанные с «нечистой силой» чародейство, заговоры, ворожба, напускание болезни все еще занимали ум молдавских крестьян вплоть до начала XX века.

Богатым источником для изучения обычаев, верований и семейного уклада крестьян конца XIX — начала XX-веков является свод материалов, помещенных в «Описании рукописей Ученого архива Русского географического общества». Эти данные собирались путем рассылки анкет сельским учителям. Собранные материалы были затем отредактированы известным русским этнографом Д. К. Зелениным.

Обильный материал по изучению молдавских обычаев и верований начала XX века издан в сборнике «Din datina Basarabiei»¹.

В книге описаны обычаи и верования, связанные с годовыми народными праздниками, свадебные, родильные и похоронные обычаи, а также наиболее распространенные песни, частушки, заговоры, загадки и поговорки. Запись сведений производилась по всей Бессарабии, при этом было охвачено около 180 сел, местечек и городов. Это позволяет проследить локальные черты обычаев и верований. В целом вырисовывается картина единства обычаев и верований молдавского крестьянства всей Бессарабии, варьируют лишь отдельные детали того или иного обычая или верований. Сравнение материалов сборника «Din datina Basarabiei», вышедшего в 1936 году, с записями обычаев и верований XIX века, например с записями А. О. Защука, относящимися к первой половине XIX века, показывает насколько медленно изменялся духовный мир крестьян за период около 80 лет. Причиной столь сильной живучести в среде молдавских крестьян множества предрассудков и суеверий являлись нищета и безграмотность, попрежнему царившие в молдавской деревне.

В Бессарабии в 30-е годы румынским социальным институтом были изданы монографические описания сел Копанка и Нишканы, Бендерского уезда². Это квалифицированные этнографические работы, в которых наряду с описанием обычаев и верований включены в фольклорные и лингвистические данные, а также описываются сельскохозяйственные орудия и предметы домашнего обихода.

Если мы обратимся к теоретическим исследованиям по этнографии Молдавии, то увидим, что в этой области имеется лишь незначительное количество работ.

В области исследования молдаво-русских и в целом молдаво-славянских связей имеется ряд работ П. Сырку. Им была предпринята интересная попытка сравнения молдавского и болгарского циклов сельскохозяйственных обрядов³. Установив, что почти все народные молдавские годовые праздники соответствуют тем же праздникам у славян, Сырку доказывает это положение на примере общности молдавских народных

обычаев с болгарскими. Особенно подробно он прослеживает общность новогодних и рождественских обычаев.

У молдаван имелись общие с болгарскими обычаи, сопутствующие рождественским праздникам. У тех и у других готовился калач обрядового назначения. У молдаван и болгар существовал обычай, по которому этот калач после праздников дробился, размещивался с отрубями и солью и давался в корм скоту для предохранения его от болезней.

У молдавских крестьян существовало предание, что в канун рождества «нечистая сила», чувствуя свое падение, старается сделать как можно больше зла людям. У болгар также дни от кануна рождества до крещения считались нечистыми. С «буднего вечера» появлялся «кара-кончо» — чорт. Сравнивая аграрные обычаи народного земледельческого календаря болгар и молдаван, Сырку установил много общего.

Сырку принадлежит оригинальное объяснение происхождения слова «крэчюн» (рождество). Он связал происхождение этого слова с названием языческого праздника Карачуна. Звуковое сходство несомненно, возможно имеется и приемственность. Но Сырку¹ при этом некритически использовал труды русских мифологов Квашнина-Самарина и А. Н. Афанасьева, и в результате полностью повторил их ошибочные положения. Словом Карачун назывался языческий праздник, которому впоследствии соответствовал христианский сочельник. Квашнин-Самарин и другие мифологи изобразили празднество Карачун божеством и создали легенду о Карачуне — боге тьмы и зла, смешав его с Ситивратом. Сырку некритически использовал эту легенду и в целом его объяснение происхождения слова «крэчюн» остается лишь интересной гипотезой.

Положительное значение работ Сырку состоит в том, что в них впервые широко ставится вопрос о славянском вкладе в культуру молдаван и делается попытка проиллюстрировать это на конкретном этнографическом материале.

В этой области имеется капитальный труд А. Н. Веселовского «Румынские, славянские и греческие колядки»,² в котором он привлекает материалы молдавских колядок. Веселовский пришел к выводу, что новогодний обряд колядования, известный у многих европейских народов, ведет свое происхождение от греко-румынских традиций. Веселовский прослеживает в колядках этих народов следующие элементы: 1) языческий элемент, 2) христианские мотивы, 3) бытовые черты, 4) балладные эпические мотивы.

Вопросу родства румынских и молдавских колядок с украинскими и болгарскими посвящена работа П. Карамана³. Общности румынских и молдавских колядок с болгарскими и римскими посвящено исследование Б. П. Хаждеу⁴. Как установлено молдавское слово «колиндэ» происходит от римского «календе». Совпадение тематики колядок у многих народов явилось результатом широкого распространения христианских легенд, которые легли в основу ряда колядок. Такова композиция колядок об Иоанне Крестителе и о Богородице.

Несколько этнографических исследований принадлежат перу Л. С. Берга. Монография «Бессарабия» является кратким сводом ранее накопленных этнографических данных. Большую ценность представ-

¹ П. Сырку, Святочные обычаи и песни у бессарабских молдаван на Рождество и Новый год, КЕВ, 1874.

² А. Н. Веселовский, Разыскания в области духовного стиха. Сборник ОРЯС, СПб, 1883, т. XXXII.

³ Р. Караман, Obrzed koledowania u slowian i u rumunow. Prace komosji etnograficznej. Krakow, 1933, № 14.

⁴ В. Р. Нășтеу, Cuvinte din bătrâni. Iași, 1880.

¹ O. I. Constantinescu și I. I. Stoian, «Din datina Basarabiei» Chișinău, 1936.

² Buletinul institutului social Român din Basarabia, Chișinău, 1937—1939, v. I—II.

³ П. Сырку, Народный календарь румынского населения в Бессарабии «Живая Старина», вып. I—II, 1913.

ляет этническая карта Бессарабии, составленная Л. С. Бергом в 1907 г. и переизданная в 1923 г. Эта карта является пока единственным опытом этнического картографирования Молдавии.

В основу «Этнографической карты сельского населения Бессарабии» были положены данные, собранные В. Н. Бутовичем и данные всероссийской переписи 1897 г.¹

При составлении карты Л. С. Берг пользовался методом этнических территорий, который имеет преимущество перед методом этнических границ. Сущность этого метода состоит в том, что он позволяет показать на карте каждый народ, как бы не был он численно мал, что невозможно сделать при пользовании методом этнических границ.

Но карта Л. С. Берга неточно представляла этнический состав тех районов Молдавии, где имелось смешанное население. Создавалось впечатление об обособленных районах бытования нацменьшинства Молдавии. Каждое село, деревня или местечко, где, например, преобладали украинцы, закрашивалось лишь цветом, которым обозначались украинцы. Такой способ не отражал специфики отдельных районов, где имелись переходные типы русско-молдавской или украинско-молдавской материальной и духовной культуры.

Рассматривая этнографические работы по изучению культуры и быта молдаван, нельзя пройти мимо работ румынских этнографов. Следует отметить, что многие проявления духовной и материальной жизни, которые мы констатируем у молдавских крестьян XIX в., прослеживаются и у крестьян Румынии. Имеющиеся различия (меньшие в области духовной культуры, большие — в области жилища и одежды) в большей степени носят характер не этнических различий, а областных.

Наиболее крупные работы, в которых содержатся материалы по быту румынских крестьян — это труды Б. П. Хаждеу², С. Ф. Мариану³, Т. Памфиле⁴, Д. Теодореску⁵, А. Коровей⁶.

Привлекая работы румынских этнографов, следует иметь в виду, что румынская этнография XIX и начала XX веков развивалась под сильным влиянием так называемой «латинской школы». Латинское течение в румынской историографии оказало большое влияние на разработку вопросов этнографии и фольклора.

Вопреки очевидным фактам «латинисты» отрицали влияние славян на формирование румынского и молдавского народов. Особенно сильно влияние латинской школы нашло выражение в работах румынских этнографов А. Кандря, Т. Папахаджи, К. Геротэ, рассматривавших в своих работах и молдавские обычаи и верования.

Увлечение поисками римских аналогий сказалось и в оценке молдавских культурно-бытовых традиций. Так, в сборнике «Бессарабия» под редакцией А. П. Крушевана обосновывалась тесная связь между молдавским свадебным обрядом и римскими сатурналиями⁷. Однако, если сравнить молдавскую свадьбу с украинской, то окажется, что между свадебными обрядами этих народов общих черт гораздо больше, а отдельные черты совпадают до деталей. Так, речь сватов и у молдаван и у

¹ В. Н. Бутович, Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии, Киев, 1914.

² B. P. Haşdeu, Etymologicum magnum Romaniae, Bucureşti, 1886—1893, I—IV.

³ S. F. Marian, Sărbătorile la Români, Bucureşti, 1898, 1901; его же, Nunta la Români, Bucureşti, 1890.

⁴ T. Pamfile, Industria casnică la Români, Bucureşti, 1910.

⁵ G. D. Teodorescu, Poezii populare române, Bucureşti, 1885.

⁶ Al. Corovei, Credinţe şi superstiţii ale poporului român, Bucureşti, 1915.

⁷ А. П. Крушеван, Бессарабия, М., 1903.

украинцев посвящена теме охоты: у молдаван — на серну или козочку, у украинцев — на купцу.

Основные этапы молдавских и украинских свадеб одинаковы. Можно установить много общего в свадебных обрядах этих народов. Такой общей чертой является обычай торжественного просеивания женщинами муки, предназначенной для свадебного пиршества. Этот обычай называется у молдаван «дзыуа чернутулуй», у украинцев «просенец». У украинцев и молдаван имелся обычай разрывания калача над головами молодых. Общим был обычай дохристианского происхождения, заключавшийся в том, что над изголовьем постели новобрачных втыкались стрелы, что было связано, видимо, с верованием в злых духов.

Таким образом цикл молдавских свадебных обычаев имеет гораздо больше общих черт с обычаями украинского народа, чем с греко-римскими традициями.

Приведем другой пример безосновательного отождествления молдавских культурных традиций с римскими. Происхождение молдавских круговых танцев велось от римского античного танца «chorus»¹.

Последние археологические находки опровергают эту точку зрения. В стоянке Фрумушика (Румыния) румынскими археологами найдена глиняная подставка, изображающая 6 человеческих фигур, танцующих в кругу². Находка относится к трипольской культуре (Кукутени Б.). Изображение танцующих в кругу людей свидетельствует о древнем распространении круговых танцев среди населения карпато-дунайских земель. Воспринятый из культуры древних насельников карпато-дунайских земель, круговой танец до сих пор сохранился у болгар и сербов в виде «танка», «коло», «ора», а у румын и молдаван в виде различных многочисленных круговых танцев. Таким образом, как свидетельствуют археологические данные, круговые коллективные танцы у румын и молдаван являются самобытным явлением.

Сторонники латинской школы в этнографии, исходя из правильных предпосылок о наличии в румынской и молдавской культуре римских и греческих влияний, преувеличивали значение этих влияний. Стремление к поискам римских заимствований приводило к нарушению исторической объективности в решении многих вопросов. Это выражалось в том, что ряд самобытных явлений румынской и молдавской культуры объявлялся заимствованиями от других народов, значение славянского элемента было принижено.

Изучение культуры и быта молдавского народа советскими учеными развернулось в годы после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С 1946 года вышло в свет несколько статей, посвященных вопросам духовной и материальной культуры.

Статья Н. Ф. Николаева посвящена вопросам социалистических преобразований в быту и культуре колхозников молдавского села Журы, Рыбницкого района МССР. В статье приводится краткий историко-экономический очерк села до Великой Октябрьской социалистической революции. На примерах из жизни некоторых крестьян автор показывает общую картину экономического и культурного состояния села, трудящееся крестьянство которого до революции находилось в постоянной нужде. Автор собрал много фактов, иллюстрирующих тяжелое экономическое положение крестьянских хозяйств до революции, но почти совсем не показал культуру дореволюционного села. Этот существенный недостаток

¹ В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Россия, т. XIV, СПб, 1910.

² Studii şi cercetări de istoria artei, 1955, № 1—2, p. 24.

сказывается и во второй части статьи, где описан период социалистического строительства с. Журы.

Победа колхозного строя явилась переворотом во всем укладе жизни крестьянства, как в области его экономического положения, так и в области духовной жизни. Здесь автор, как и в первой части статьи, сосредоточил все внимание на вопросах экономики. Приведено много цифр и фактов, показывающих как из года в год росло благосостояние колхозов, но ничего не говорится о колхозной семье. Автор ограничивается простой фиксацией фактов: в колхозе имеется Дом культуры, средняя школа, больница, почтовое отделение. Описание колхозных центров культуры само по себе необходимо, но оно не должно превращаться в самоцель. Колхозная семья не оказалась в центре внимания автора, в результате этого статья воспринимается как очерк об экономических успехах колхоза.

Этнографические материалы, относящиеся к молдавскому народному жилищу, содержатся в статьях архитекторов И. Г. Кадиной¹, М. Н. Владимирской² и Ф. П. Наумова³. В статьях описана техника строительства и подробно исследуются архитектурные детали дома.

Серьезному изучению подвергнуто молдавское народное жилище в статье М. Я. Салмановича «Жилище коренного населения Молдавской ССР»⁴.

Статья была написана по материалам экспедиции Института этнографии АН СССР, собранных в 1945 году в Слободзейском, Тираспольском, Дубоссарском, Оргеевском и Кишиневском районах МССР. Рассмотрены строительные материалы и техника возведения дома, планировка и назначение частей дома и его убранство, усадьба и поселения. Эти вопросы дополняются сведениями о семейном быте молдавских крестьян в прошлом и настоящем.

Автор стремился не ограничиться рамками изучения современного молдавского народного жилища, а решить вопрос о культурно-исторических связях молдаван с восточными и южными славянами. Эти связи со славянским миром проявляются как в строительных приемах, так и в планировке дома и поселений, внутреннем убранстве дома и назначении его отдельных частей.

Вместе с этим работа М. Я. Салманович имеет ряд существенных недостатков. Проследивая историю развития молдавского жилища, автор рассматривает этот элемент материальной культуры вне классового состава молдавского общества. В разделе «Строительная техника» автор не указывает на наличие в северных районах Молдавии срубного обматанного дома. В разделе «Усадьба» не обобщены типы усадьбы на территории Молдавии.

В последние годы велась работа в области молдавской антропологии. Вопросами антропологической классификации населения Молдавии посвящена работа Р. С. Левман⁵.

¹ И. Г. Кадина, Народные жилища в северных районах Молдавии «Жилой дом», 1950, № 2.

² М. Н. Владимирская, Народные жилища в центральных районах Молдавии. «Жилой дом», № 2.

³ Ф. П. Наумов, Архитектурные детали из камня-ракушечника в Молдавском народном зодчестве. ВИА УРСР, 1950, № 4.

⁴ М. Я. Салманович, Жилище коренного населения Молдавской ССР, СЭ, 1947, № 4.

⁵ Р. С. Левман, Антропологические типы коренного населения Молдавской ССР (к проблеме этногенеза молдаван) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1950.

Изучались вопросы молдавского ковроделия¹ и семейного быта молдавских крестьян конца XIX века².

Однако эти статьи не могут восполнить тот пробел, который существует в изучении этнографии молдаван. Неясно, например, какие изменения происходили в жилище, одежде, ремесле молдавских крестьян с развитием капиталистических отношений. Как отражались капиталистические отношения в сознании народа, в его представлениях об окружающем мире, правовом положении членов семьи, в их взаимоотношениях между собой, численности семьи, участие в праздниках, родильных, свадебных, похоронных обрядах. Не выяснены еще вопросы классовых различий в жилище, одежде, пище молдавской деревни XIX века.

Необходимо рассмотреть эволюцию явлений материальной и духовной культуры в связи с развитием общественных отношений.

Остается еще совершенно неизученной проблема путей социалистического преобразования быта молдавского колхозного крестьянства. Изучение современности требует от этнографов высокой теоретической подготовки. Одновременно необходимо тщательно изучать традиционные формы национальной культуры как духовной, так и материальной.

Развивающаяся социалистическая культура продолжает сохранять традиционные национальные формы, вкладывая в них социалистическое содержание. Наиболее ярко национальные формы культуры находят выражение в языке, танцах, музыке, архитектурном стиле, одежде и других проявлениях народного творчества. Однако было бы ошибочно рассматривать национальную форму культуры как нечто законченное. Все формы культуры динамичны и им присуще развитие. В настоящее время происходит активный процесс взаимного обогащения культур народов СССР. Такой процесс имеет место и во взаимоотношениях молдавской социалистической культуры с культурами народов нашей страны и в первую очередь с русским и украинским народами.

¹ Д. Н. Гоберман, Ковры Молдавии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, Ленинград, 1955.

² В. С. Зеленчук, Семейный быт крестьян Бессарабии второй половины XIX — начала XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1954.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй В. С. Зеленчук «Кум сынт дескрипсе култура народникэ ши траюл молдовенилор ын лукрэриле де этнографии»

Уна дин примеле лукрэрэ де этнографии а Молдовой есте опера луй Д. Кантемир «Descriptio Moldaviae», ын каре ау фост фиксате ун шир де обичеюрэ ши крединць, датынд ынкэ дин епока диннаинтя крештинизмулуй, каре циркулау ын Молдова ла сфыршитул вакулуй XVII ши ынчепутул вакулуй XVIII. Деаму ын вакул XIX мулте динтр'ынселе ау диспут, дар о парте дин еле ынтрукытва скимбате континуау сэ дэинуяскэ пынэ ла ынчепутул вакулуй XX.

Мулте дате деспре култура ши траюл сатулуй молдовенеск дин вакул XIX — ынчепутул вакулуй XX пот фи гэсите ын лукрэриле луй А. О. Зашук «Материале пентру география ши статистика Русией», ын лукраря «Дескриеря манускриселор дин Архива штинцификэ а обштьй географиче русе» де суб редакция луй Д. К. Зеленин ши ын лукраря «Din datina Basarabiei», апэрутэ суб редакция луй О. О. КонстантINESCU ши И. И. Стоян. Дин ачесте материале путем ведя, кэ дэторитэ нивелулуй економик де вяцэ скэзут ши аналфabetизмулуй, че домня ла сате, аич континуау сэ дэинуяскэ рэмэшициле траюлуй стрэвекь, суб форма диферитор ритурь ши суперстиций. Ын женерал литература этноафизкэ, апэрутэ пэнла револуцие, авя ун характер дескриптив. Лукрэрэ теоретиче ерау фоарте пуцыне, требуе сэ семналэм ынсэ лукраря луй П. Сырку, каре а елаборат принтре примий проблемеле ынрыуририлор славе асупра културый народниче молдовенешть.

Ын аний, че-ау трекут дела мынтуиря Марелуй рэзбой пентру апэра-ря Патрией, с'ау дисфэшура лукрэрэ ку целул студийерий проблемелор локуинций народниче молдовенешть, трансформэрилор сочиалисте ын култура ши траюл сатулуй молдовенеск, цэсутулуй ковоарелор молдовенешть, траюлуй фамилиар ал цэранилор молдовень дела сфыршитул вакулуй XIX, с'ау студият деасэменя проблеме але антроположией молдовенешть.

Ын время де фацэ одатэ ку студийеря културый ши траюлуй сатулуй молдовенеск дин епока феодализмулуй ши а капитализмулуй, о деосэбитэ ынсэмнэтате о аре ши черчетаря трансформэрилор сочиалисте дин култура ши траюл цэрэнимий колхозниче молдовенешть.

RÉSUMÉ

de l'article de V. S. Zelentchouk «Vie et culture du peuple moldave dans la littérature ethnographique».

L'une des premières études sur l'ethnographie de la Moldavie est l'étude de D. Kantemir «Descriptio Moldaviae», où il a décrit les coutumes et les croyances du peuple moldave de la fin du XVII-e siècle et du commencement du XVIII-e siècle. La majeure partie de ces coutumes et croyances a disparu au XIX-e siècle, mais quelques unes ont persisté sous une forme modifiée jusqu'au commencement du XX-e siècle.

Les études suivantes contiennent des matériaux sur la culture et la vie des paysans moldaves au XIX-e siècle et au commencement du XX-e siècle: «Matériaux concernant la géographie et la statistique de la Russie» de A. O. Zastchouk, «Description des manuscrits de l'Archive scientifique appartenant à la Société Géographique russe» sous la rédaction de R. K. Zelenine, «Din datina Basarabiei» sous la rédaction de O. O. Constantinescu et I. I. Stoian. Ces matériaux montrent que le bas standard de vie et l'analphabétisme des paysans ont contribué à la conservation de différentes coutumes et croyances du passé. La littérature ethnographique d'avant la Révolution avait un caractère principalement descriptif. Les études de caractère théorique étaient moins nombreuses. Les plus remarquables sont celles de P. Syrkou, qui fut l'un des premiers à traiter les questions de l'influence slave sur la culture nationale des Moldaves.

Après la Grande Guerre Patriotique on a continué les recherches et l'étude du système de construction moldave, des transformations socialistes dans la vie et la culture des paysans, de la tapisserie, des mœurs de la famille moldave de la fin du XIX-e siècle, ainsi que des questions d'anthropologie moldave.

Actuellement on accorde la même importance aux études des transformations socialistes dans la vie et la culture des kolkhozs moldaves, qu'aux études de la vie et de la culture des paysans moldaves de l'époque féodale et de celle du capitalisme.

II. МАТЕРИАЛЫ, СООБЩЕНИЯ И ХРОНИКА

А. П. ЧЕРНЫШ

РАЗВЕДКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ДНЕСТРЕ
в 1952 г.

Отряд первобытной археологии Молдавской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИИЯЛ МФ АН СССР в 1952 году проводил разведки археологических памятников в зоне затопления Дубоссарской ГЭС на участке от с. Выхватинцы, Рыбницкого района, вверх по Днестру до с. Каменки.

Во время разведок обследовались археологические памятники различных периодов древнейшей истории человеческого общества на обоих берегах Днестра как непосредственно на участке затопления, так и на более высоких точках рельефа. Эти работы дали возможность открыть и обследовать ряд разнообразных стоянок и местонахождений, и в том числе большое количество памятников палеолитического и мезолитического времени.

Отрядом было обследовано около 38 местонахождений палеолита и мезолита, среди которых 30 являются новооткрытыми пунктами.

В настоящей статье дается краткое изложение данных об этих местонахождениях.

Разведочные работы были начаты в окрестностях с. Выхватинцы, Рыбницкого района, МССР, где в 1946—1947 гг. был обнаружен ряд разновременных памятников¹.

На поверхности мыса третьей террасы Днестра (местонахождение Выхватинцы I) был обнаружен небольшой массивный отщеп нижнепалеолитического времени с глубокой белой патиной с коричневыми точками, на брюшке отщепа наблюдается крупный ударный бугорок.

На пункте Выхватинцы IV (склон третьей террасы над правым обрывом оврага Рипа Мафтея) были обнаружены находки позднепалеолитического времени: нуклеусы, короткий скребок, отщеп, несколько пластин и обломок терки из песчаника.

Значительное количество находок было поднято на местонахождении Вермитка I (поверхность юго-западного склона оврага Вермитка). В 1952 году на этом пункте с целью выявления культурного слоя были заложены два шурфа. Культурный слой находился на глубине 1,4—1,6 м в суглинках коричневого цвета. Остатков фауны здесь не было встречено. Выше культурного слоя были обнаружены отдельные кремневые поделки.

Собранный на местонахождении Вермитка I кремневый инвентарь состоит из 20 нуклеусов, отбросов производства, пластин и обломков пластин, 24 орудий (см. рис. 1—1-22). Кремневые поделки покрыты белой патиной. Длина нуклеусов от 30 до 85 мм, по форме они относятся к

¹ А. П. Черныш, Новые палеолитические местонахождения на территории Молдавской ССР, КС ИИМК, 1949, вып. XXVI.

призматическим и неправильно призматическим. Орудия труда состоят из одного отбойника, 9 резцов (двойные, угловые, билатеральные, нуклевидные), 4 скребков на пластинах и отщепах (один с прямым рабочим

Рис. 1. Кремневые поделки позднепалеолитических стоянок Молдавии.
1-2 — Вермитка I, Подъемный материал; 13-22 — Вермитка I, шурф № 1; 23-35 — Вермитка II
подъемный материал; 36-40 — Зозуляны. Подъемный материал.

краем), 4 пластин и фрагментов пластин со следами краевой ретуши, 2 скребков-резцов, резца-скобеля, пластины со скошенным ретушью краем, отщепа с ретушью и пластинки с боковой выемкой. Кроме кремневых поделок, в шурфах были встречены терки из известняка.

Кремневый инвентарь с местонахождения Вермитка I можно сравнить с материалами верхнего слоя стоянки Вороновица I¹, что позволяет датировать это местонахождение началом позднемадленского времени.

На следующем, ранее открытом, местонахождении, Вермитка II (мыс плато над правым склоном оврага Вермитка), также было поднято много кремневых поделок. Они состоят из 15 нуклеусов, 40 пластин, 21 орудия, отщепов и обломков. Нуклеусы по форме преимущественно относятся к неправильно призматическим, в одном экземпляре был встречен нуклеус призматической формы. Средние размеры нуклеусов 50—60 мм, пластины тонкие, удлиненные. Среди находок с данного местонахождения преобладают поделки с белой патиной, реже встречена серо-синяя патина.

Среди кремневых орудий (рис. 1—23-35) больше всего было обнаружено скребков (10 экз.). Эти орудия состоят из 6 мелких концевых скребков на отщепах и обломках коротких пластин, размерами от 14 до 30 мм; двойного скребка на отщепе и трех скребков на отщепах и пластинах (один скребок имеет рабочий край на боку пластины). В двух экземплярах были найдены пластинки со скошенным ретушью краем. Кроме того, были подняты также два фрагмента резцов, 3 фрагмента пластин со следами краевой ретуши, проколка, орудия с подтеской и обломки двух терок из песчаника.

Новые данные по палеолиту Поднестровья, особенно исследования верхних мезолитических горизонтов многослойной палеолитической стоянки Молдова V, позволяют уточнить время собранного на местонахождении Вермитка II комплекса находок и отнести его к мезолитическому времени. Об этом свидетельствуют находки небольших скребков на отщепах и пластинках, пластинок со скошенным краем и краевой ретушью, небольших нуклеусов. Необходимо отметить, что на этом пункте было найдено несколько предметов более древнего времени.

В 1952 году открыто позднепалеолитическое местонахождение у с. Выхватинцы, на мысообразном выступе на правом склоне у устья оврага Вермитка (Вермитка III).

На этом пункте были подняты отщепы, пластины, 11 нуклеусов призматической и неправильнопризматической формы, размерами по 40—45 мм; нуклевидный резец, угловой резец, средний резец, три скребка. Материалы с этого пункта можно отнести к мадленскому времени.

На левом берегу Днестра у с. Зозуляны, Рыбницкого района, на склоне плато, были обнаружены три нуклеуса, пластинки, 2 концевых скребка на небольших пластинках, двойной скребок, нуклевидный резец, угловой резец, проколка и отбросы производства (рис. 1—36-40). Это новое местонахождение, повидимому, относится к концу позднего палеолита.

Следующее местонахождение открыто на склоне плато и поверхности мыса третьей террасы на левом берегу Днестра ниже с. Большой Молокиш, Рыбницкого района, где были встречены отщепы с белой патиной, скребки на пластинах с краевой ретушью и отщепах.

Кроме того, у с. Белочь, того же района, на левом берегу Днестра, на поверхности второй террасы у развалин дота также были подняты отщепы и обломки пластин, угловой резец позднепалеолитического времени. В окрестностях, этого же села на мысу плато над правым склоном оврага у устья, где расположено с. Белочь, были собраны нуклеусы призматической и неправильнопризматической формы, отщепы, обломки, резец на сколе от нуклеуса, 3 фрагмента пластин с мелкой краевой ретушью, средний и угловой резцы, скребок на отщепе. Эти находки аналогичны

материалам указанных выше месторождений мезолитического времени. Здесь же были встречены отщепы с крупными ударными бугорками с глубокой белой патиной, которые относятся к более древнему времени.

Отдельные находки позднелепеолитического времени были встречены у с. Сарацея, Рыбницкого района, на склоне плато; у сел Солончены (два пункта) и Тарасовка, Резинского района. В последнем из этих пунктов небольшое количество кремневых поделок было собрано на поверхности склонов третьей и второй террас (нуклеусы, концевые скребки, угловые резцы) и на поверхности склона второй террасы за церковью этой деревни (скребок-резец, проколка, пластины и отщепы). Возле с. Черна, Резинского района, отдельные палеолитические поделки были встречены на склоне оврага у железнодорожного моста, а также на склоне плато у левого берега другого оврага между с. Черна и г. Резина.

Незначительное количество находок палеолитического времени было обнаружено у с. Барсуки, Вертюжанского района, у с. Кликовцы, Котюжанского района, и у с. Сокол того же района на правом берегу Днестра. На последнем пункте материалы были собраны на мысу плато между левым склоном оврага и правым берегом Днестра. Кроме этих местонахождений, у с. Пояна, Котюжанского района, на поверхности склона между второй и третьей террасами был поднят материал позднелепеолитического времени: отщепы, обломки пластин, резец, фрагменты пластины с краевой ретушью.

Более интересными оказались два новых местонахождения, открытые на правом берегу Днестра у с. Санатовка, Вертюжанского района.

На первом из них (поверхность мыса второй террасы над правым берегом Днестра возле села Санатовка) были подняты два нуклеуса, обломок нуклеуса, тонкие пластинки, отщепы, нуклевидный резец, двойной резец, угловой резец, пластинка с ретушью на конце, поделка на пластине, напоминающая наконечники свидерского облика, размерами $45 \times 13 \times 6$ мм (рис. 2—7—9). Эти находки относятся к мезолитическому времени.

На втором местонахождении (поверхность третьей террасы ниже с. Санатовка) было обнаружено около 150 экз. поделок. Они состоят из трех небольших нуклеусов (в том числе 1 конический), обломков нуклеусов, тонких небольших пластинок, отщепов, обломков, округлого скребка на отщепе, скребка на короткой пластине, пластинки с ретушью на краях, фрагмента резца (рис. 2—21—17). На этом пункте в обрыве оврага, в лёссе были встречены ракушки из рода *helix* и обломки костей животных. Материалы с этого пункта возможно отнести к ранней поре мезолитического времени.

Следующая группа местонахождений была открыта на левом берегу Днестра возле с. Подойма, Каменского района МССР.

На первых трех среди этих пунктов (склон второй террасы в колхозном саду выше с. Подойма по Днестру, мыс плато между склоном оврага и левым берегом Днестра, ниже с. Подойма, и поверхность мысообразного выступа третьей террасы у развалин дота) мы не будем останавливаться в связи с небольшим количеством собранных там материалов, но коротко опишем местонахождение Подойма IV.

На данном пункте (поверхность второго мысообразного выступа третьей террасы) было собрано около 150 экз. изделий: 14 нуклеусов призматической, неправильно призматической и округлой формы (длина нуклеусов по 30—40 мм); тонкие мелкие пластинки, орудия труда. Последние состоят из 3 скребков на пластинках, длиной от 16 до 31 мм; 2 резцов; остря; 2 пластинок с боковыми выемками; пластинки со следами подтепки по брюшку (рис. 2—18—31). Материалы данного местонахождения

аналогичны материалам местонахождения Вермитка 2, и верхнего горизонта Молдовы V и других памятников мезолитического времени, что позволяет датировать этот пункт ранней порой мезолита.

Рис. 2. Кремневые поделки позднелепеолитических стоянок Молдавии: 1—6, 11 — Белочь II; 7—9 — Санатовка I; 10 — Белочь I; 12—17 — Санатовка II; 18—31 — Подойма IV; 32—34 — Рашков VI; 35—36 — Рашков V.

Небольшое количество находок было собрано также на левом берегу Днестра у с. Подольница, Каменского района (поверхность мыса плато) и у с. Каменки (поверхность второй террасы в колхозном саду, участок возле здания оросительной станции, на мысу плато над берегом Днестра ниже села).

Группа местонахождений памятников была обнаружена на левом берегу Днестра возле с. Рашков, Каменского района.

Небольшие пластинки и отщепы были собраны в размытом выкиде могил кладбища с. Рашков (Рашков I), несколько отщепов с белой патиной было встречено на поверхности второй террасы в колхозном саду с. Рашков; небольшие нуклеусы из кремневых галек, отщепы, пластины и обломки с белой патиной и обломки костей мамонта были прослежены на поверхности второй террасы в урочище Пологи (Рашков III); в колхозном саду с. Рашков, выше по течению Днестра от этого села, на поверхности второй террасы были найдены небольшой нуклеус, несколько пластин и отщепов с белой патиной (Рашков IV); нуклеусы, отщепы, резец и скребок на отщепе (рис. 2—35—36) были подняты на склоне плато над левым берегом Днестра у с. Рашкова (местонахождение Рашков V).

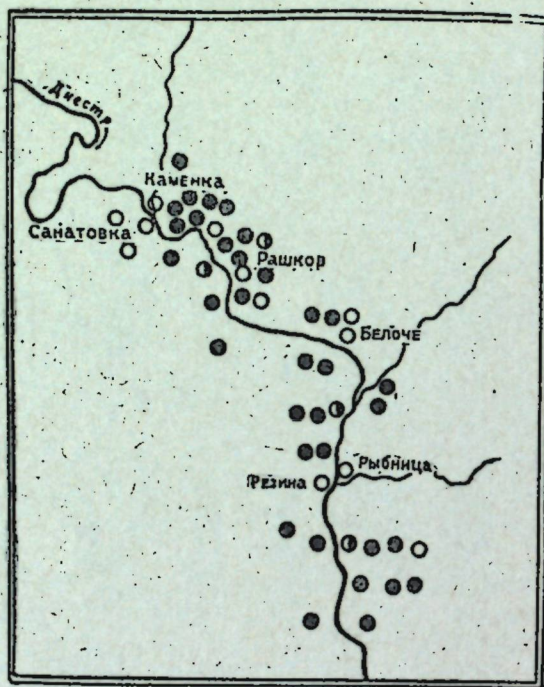

Рис. 3. Схематическая карта района разведок на Днестре в 1952 г.

1 — верхнепалеолитические местонахождения; 2 — местонахождения фауны; 3 — местонахождения эппалеолитического времени; 4 — местонахождения нижнего и среднего палеолита.

Наконец, на мысу плато между левым берегом Днестра и правым склоном оврага, в устье которого находится с. Рашков, были собраны кремневые поделки с белой патиной (местонахождение Рашков VI). Среди собранных здесь поделок — обломок срединного резца на отщепе, угловой резец и трапецевидное орудие размерами $22 \times 16 \times 2$ мм (рис. 2—32—34). Последняя поделка является четвертым орудием геометрической формы, встреченным в Поднестровье, так как до настоящего времени две трапеции были найдены С. Н. Бибиковым¹, а обломок ромбовидного орудия был обнаружен Ч. Амброжевичем². Эта находка свиде-

¹ С. Н. Биби́ков «Верхнепалеолітичні знахідки на середньому Подністріві». Археологічні пам'ятки УРСР, 1949, т. II, стр. 299.

² С. Ambrojevici, «Câteva cuvinte despre prezenta epipaleoliticului în regiunea Nistrului din Basarabia de Nord», Buletinul Facultății de științe din Cernăuți, Cernăuți, 1932, v. VI.

тельствует о позднемезолитическом времени материалов местонахождения Рашков VI.

Осуществленные в 1952 году на правом и левом берегах Днестра разведки позволили открыть серию новых палеолитических и мезолитических местонахождений (рис. 3). Большинство этих пунктов было определено на участке Поднестровья, где ранее вообще не были известны памятники этого времени. Среди этих местонахождений преобладают пункты с материалами конца палеолита и мезолитического времени. Последнее особенно важно, так как мезолит на Днестре до настоящего времени является слабо изученным периодом. Собранный на всех этих местонахождениях кремневый инвентарь свидетельствует о процессе микролитизации в конце палеолита, как характерной особенности памятников этого времени: в комплексе находок начинают преобладать небольшие нуклеусы, пластины и орудия, а в мезолитическое время появляются поделки геометрических форм и поделки свидерского облика.

Проведенные на Днестре в 1952 году разведки дали возможность также определить на некоторых открытых памятниках эпох палеолита и мезолита наличие культурного слоя. Эти местонахождения необходимо исследовать путем раскопок.

Задачей дальнейших исследований по изучению палеолита и мезолита Поднестровья в пределах Молдавии является проведение разведочных работ в других еще слабо изученных районах и осуществление раскопок на ряде пунктов с целью всестороннего изучения памятников населения этой территории.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй А. И. Черныш «Черчетаря монументелор палеолитиче депе малул Ниструлуй ын курсул анулуй 1952»

Ын курсул анулуй 1952 пе секторулу малулуй рыулуй Нистру, каре се ынтинде дела сатул Выхватинць пынэ ла сатул Каменка, отрядул археоложией примитиве ал экспедицией археоложиче молдовенешть а черчетат апроапе 38 локурь де афларе а палеолитулуй ши мезолитулуй, 30 динтре каре сынт ной дископерите. Ын ачест район пынэ акум н'ау фост гэсите монументе де типуриле аминтите. Материалул, че-а фост адунат, доведеште, кэ ла сфыршитул палеолитулуй а авут лок аич ун прочес де микролизацие, ын унеде пункте а фост гэситэ пэтура културалэ.

RÉSUMÉ

de l'article de A. P. Tchernych «Exploration des monuments paléolithiques dans les régions du Dniester en 1952».

En 1952 le détachement d'archéologie primitive de l'expédition archéologique moldave a exploré la section du Dniester entre le village Vykhvatintsi et le village Kamenka et a étudié à peu près 38 emplacements du paléolith et du mézolith, dont 30 points ont été nouvellement découverts. Les monuments des types indiqués étaient inconnus jusqu' à présent dans cette région. Les matériaux de ces recherches témoignent qu' à la fin du paléolith les outils rapetissaient et acquéraient des formes géométriques; à certains points il y a des couches de culture.

А. А. НУДЕЛЬМАН и Э. А. РИКМАН

НАВЕРШИЕ И КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ УКРАШЕНИЙ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОЛДАВИИ

В Республиканский музей краеведения Молдавской ССР в последние годы поступил ряд уникальных находок скифского времени.

Одна из них — бронзовое навершие (рис. 2)¹ было найдено в 1953 году А. И. Ширяевым в окрестностях с. Раскойцы, Олонештского района МССР. По словам А. И. Ширяева предмет обнаружен на вершине кургана, расположенном на правом берегу Днестра.

Литое массивное навершие состоит из овальной в сечении втулки с двумя отверстиями для прикрепления к древку и отходящей от нее сверху пластинки в форме стилизованного изображения птичьей головы. Между втулкой и верхней частью справа и слева находятся две расположенных под углами пластины с отверстиями на концах, служившими для прикрепления колокольчиков. Длина навершия 25,5 см, диаметры втулки 7,5 и 3 см.

Изображение птичьей головы выполнено в характерной манере, свойственной скифскому звериному стилю. У хищной птицы выделены глаз, спирально завернутый клюв и заостренный гребень-восковица. По краям обеих сторон клюва имеется по семь выпуклых изображений стилизованных голсов, видимо, водоплавающих птиц (утиные головки).

Бронзовые навершия в VI—V вв. до н. э. надевались на концы дышл, а может быть в иных местах колесниц, и выполняли апотропеические функции по отношению к лошадям².

Дата бронзового навершия из с. Раскойцы уточняется благодаря сходству ряда его особенностей с характерными чертами аналогичного предмета из Ульского кургана (Сев. Кавказ). Близки контуры обоих предметов, одинаковое расположение «ока», на обоих предметах имеются по краям дополнительные украшения в виде стилизованных птичьих головок. Все это может свидетельствовать о том, что оба навершия относятся примерно к одному времени, которое для навершия из Ульского кургана определяется VI или V вв. до н. э.³ Вместе с тем навершие из с. Раскойцы не схоже полностью ни с навершием из Ульского кургана, ни с другими навершиями из скифских курганов.

В 1954 году у с. Матеуцы, Резинского района, близ опушки леса на поле в 6 км от р. Днестр агрономом т. Челпан во время пахоты на глубине 0,4 м обнаружен клад украшений скифского времени (рис. 1). На расстоянии 0,5 км от места находки на распахиваемой поверхности се-

¹ Рисунки выполнены художником Г. А. Фюрером.

² В. В. Шлеев, К вопросу о скифских навершиях, КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, стр. 61.

³ С. И. Копышина, Памятники звериного стиля из Ольвии, КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, стр. 47.

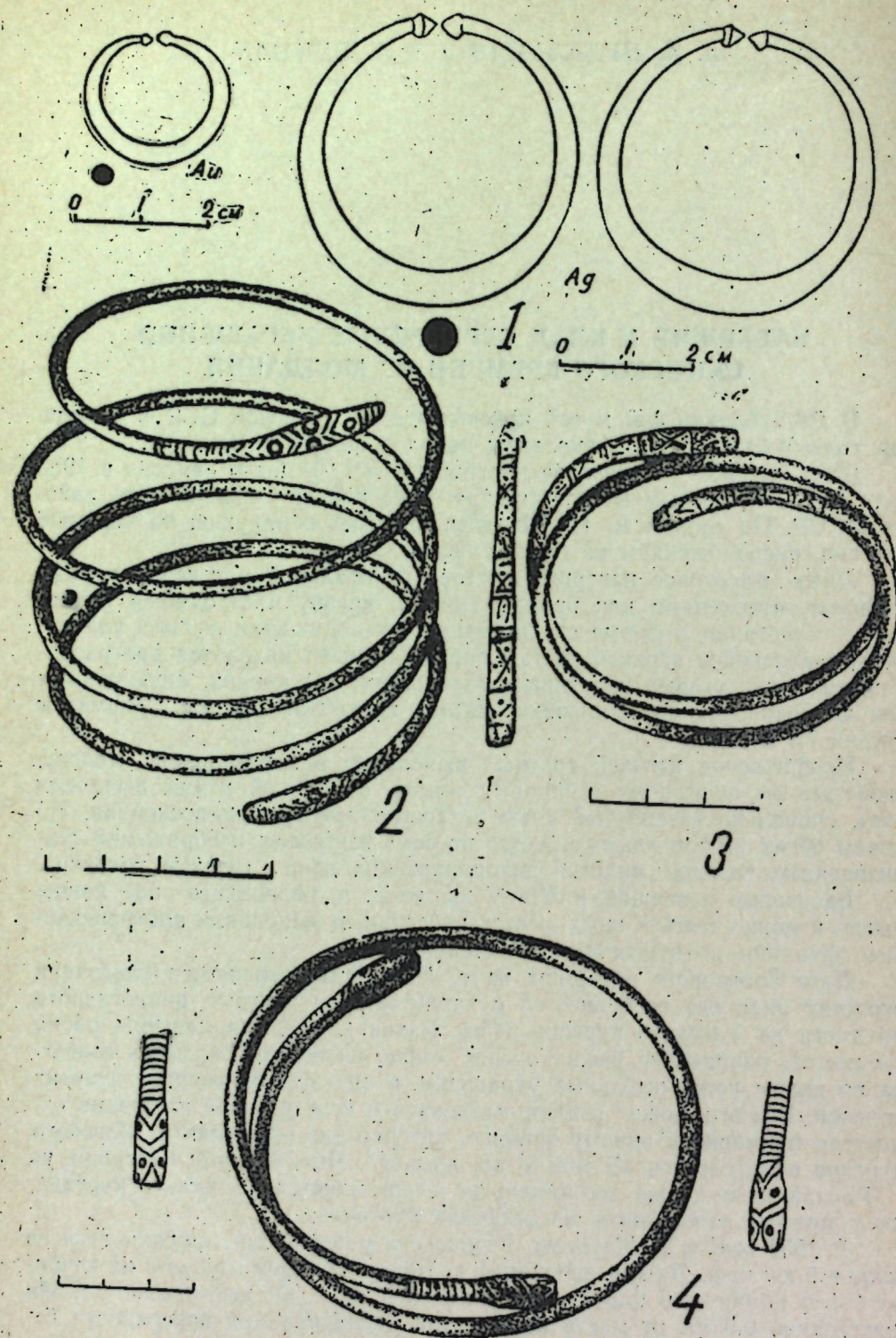

Рис. 1. Украшения IV—III вв. до н. э. из клада, найденного у с. Матеуцы;
1 — височные кольца; 2, 3 — браслеты; 4 — гривна.

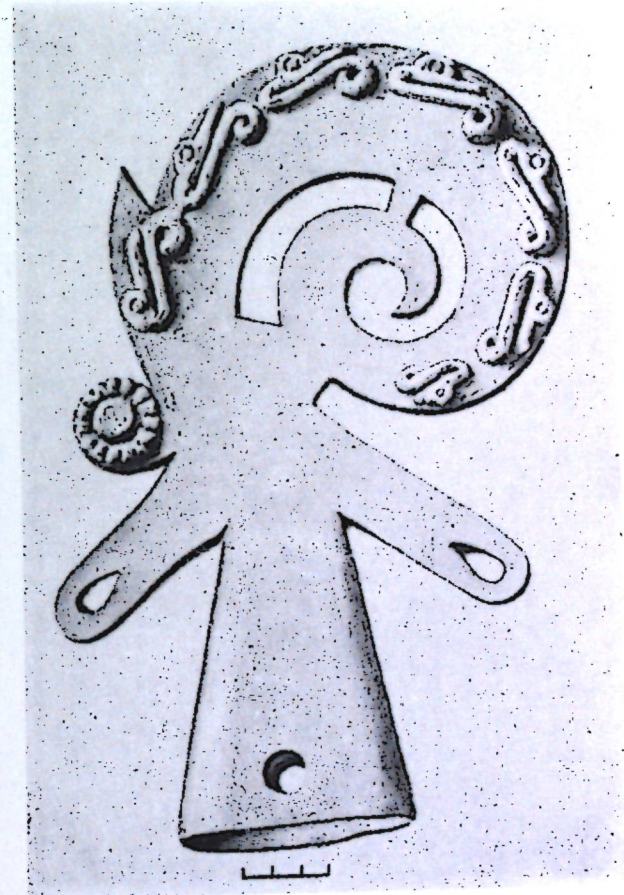

Рис. 2. Бронзовое навершие VI—V вв. до н. э.
из с. Расконцы.

лица встречаются в небольшом количестве фрагменты керамики ранне-трипольской, грубой лепной нелощеной керамики скифского времени и кости животных.

Клад состоит из золотого и двух серебряных височных колец, двух серебряных браслетов и серебряной шейной гривны. Один браслет представляет собой спираль из пяти витков круглой в сечении проволоки. Концы проволоки расплющены и на них сверху с помощью гравировки и округлых отпечатков штампов выполнены стилизованные головки змей.

Второй браслет представляет собой спираль из трех витков круглой в сечении проволоки. Концы проволоки расплющены и на них сверху выгравирован геометрический орнамент из прямых, косых, перекрещивающихся линий и точек.

Гривна представляет собой неполных два витка из серебряной круглой в сечении проволоки. Концы гривны утолщенные, тоже круглые в сечении и оформлены в виде головок животных. Изображения выполнены при помощи прямых и кривых глубоких и четких надрезов и точек. На головках видны глаза, ноздри, пасти, грива.

Два височных кольца сделаны из серебряной круглой в сечении проволоки. С одной стороны кольца утолщены, а несомкнутые концы их оканчиваются маленькими конусиками. Золотое височное кольцо аналогично по форме серебряным, но меньшего размера.

О дате клада, найденного у с. Матеуцы, можно судить по сходству изображений на несомкнутых концах серебряной гривны и браслетов из клада с изображениями на аналогичных предметах из скифских памятников. Изображения на концах матеуцкой гривны и бронзового браслета, выполненного в традициях вырождавшегося звериного стиля, сходны с изображениями на браслете, найденном при раскопках Каменского скифского городища,¹ отдельные участки которого датируются IV—III вв. до н. э.

Браслеты, обычно бронзовые, с геометрическим орнаментом найдены в скифских курганах Нижнего Поднепровья² IV в. до н. э. Они более или менее аналогичны матеуцкому браслету с геометрическим орнаментом. Однако, здесь следует отметить, что хронологический диапазон распространения браслетов с геометрическим орнаментом на несомкнутых концах весьма широк. Похожие предметы имеются не только в скифских, но и во фракийских курганах IV—III вв. до н. э. Все эти данные говорят о том, что матеуцкий клад относится к позднескифскому времени.

Украшения из этого клада и навершие, найденное у с. Раскайцы, послужат материалом для изучения звериного стиля и художественного мастерства скифского времени.

¹ Д. Либеров, Раскопки каменных «кучугур» в 1952—1953 гг. ВДИ, 1954, № 4, стр. 177—178.

² Любезное сообщение И. В. Яценко.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй А. А. Нудельман ши Е. А. Рикман «О инсигнэ де бронз ши о комоарэ де подоабе де аржинт дин периоада счицилор ын Молдова»

Ын артикол сынт дескрисе объекте уникале, каре провни дин периоада счицилор, ши каре се гэсеск ын времэ де фацэ ын фондуриле Музеулуй републикан де черчетэрь а цынутулуй дин орашул Кишинэу.

Инсигна де бронз, гэситэ ын анул 1953 лынгэ сатул Рэскэець, аре форма унуй кап де пасэре рэпитоаре, екзекутат ынтр'о манерэ, проприе стилулуй считик. Ын аналогие ку вырфул де бронз, гэсит ын мовила Ульский, се пресупуне, кэ объектул ачеста провине де прин вакуриле VI—V ыннаинте де ера ноастрэ.

Комоара, гэситэ ын анул 1954 лынгэ сатул Матеуць, ый алкэтунтэ динтр'ун инел де аур ши 2 де аржинт, че се пуртау ла тымпле, 2 брэцарь ши о гривнэ де аржинт.

Объекте идентиче ау фост гэсите ын мовилеле считиче дин курсул инфериор ал Нипрулуй ши ын мовилеле трачиче дин вакуриле IV—VII ыннаинте де ера ноастрэ.

RÉSUMÉ

de l'article de A. A. Nudelman et E. A. Rickmann «Pointe en bronze et trésor de parures d'argent appartenant à l'époque des Scythes en Moldavie».

Les auteurs présentent dans cet article une description d'objets uniques, appartenant à l'époque des Scythes, qui se trouvent dans le Musée d'étude de la région de Kichinev.

La pointe de bronze trouvée en 1953 près du village de Raskoïtsi a la forme d'une tête d'oiseau de proie, travaillée de la manière propre au style animalistique scythique. Cet objet est daté du VI-e—V-e s. a. n. é., par analogie à l'embout du kourgane d'Oulsk.

Le trésor trouvé en 1954 près du village de Mathéutsi consiste de deux anneaux temporaux en argent, d'un troisième en or, de deux bracelets et d'un cercle en argent.

Des objets analogiques ont été trouvés dans les kourganes scythiques situés dans les régions du Dniepr inférieur et dans les kourganes thraces de IV-e et III-e siècles a. n. é.

Г. П. СЕРГЕЕВ

НАХОДКА МЕДНЫХ СОСУДОВ НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВИИ

В 1954 году во время строительства колхозного пруда в с. Сипотену близ Сипотенской молдавской средней школы, Каларашского района, МССР, в глинистом грунте на глубине около 1,5 м были найдены два медных сосуда, поступившие в собрание Республиканского музея краеведения в Кишиневе от Б. М. Писарюк.

Один из них был сильно сплюснен; патина малахитового цвета, покрывавшая поверхность сосуда, в местах вмятин сошла. Судя по расположению неокислившихся участков металла без патины, можно предполагать, что сосуд деформирован при извлечении его из грунта рабочими.

Внутри сосуда ничего не обнаружено. В настоящее время сосуд реставрирован; на внутренних стенках хорошо заметен древний нагар (от варки пищи), а снаружи — костровая копоть, которые сохранились в условиях залегания в плотной глине.

Обращает на себя внимание и редкая техника изготовления сосуда — он выкован из цельного листа меди красноватого цвета. Высота сосуда — 26,5 см, диаметр отогнутой наружу горловины — 21,5 см, диаметр плоского дна — 15,5 см. Широкое в плечах тулово ко дну суживается, образуя форму, напоминающую глиняные сосуды позднескифского времени (III в. до н. э.) из Бутученского городища (рис. 1). Другой сосуд-урна (рис. 2) более хорошей сохранности имеет высоту 30 см, диаметр горла — 19 см, диаметр дна — 17 см. Он также выкован из цельного листа меди, без соединительных швов (следы ковки особенно четко заметны на стенках).

Тулово сосуда от ровного плоского дна равномерно расширяется и выше округлых плечиков переходит в прямое горло (4,5 см высоты);

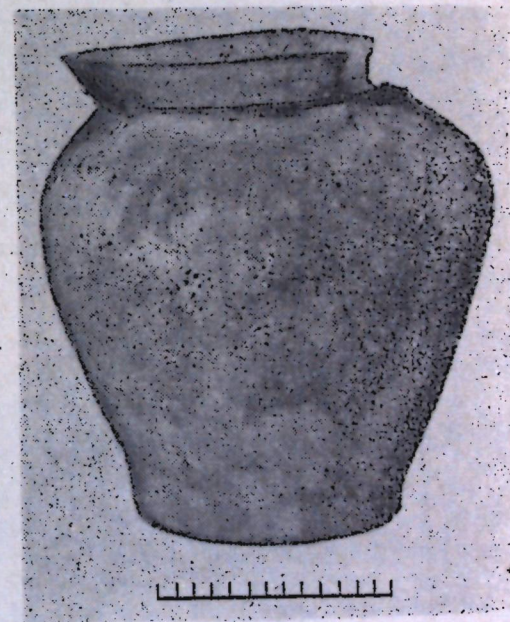

Рис. 1. Медный сосуд (после реставрации).

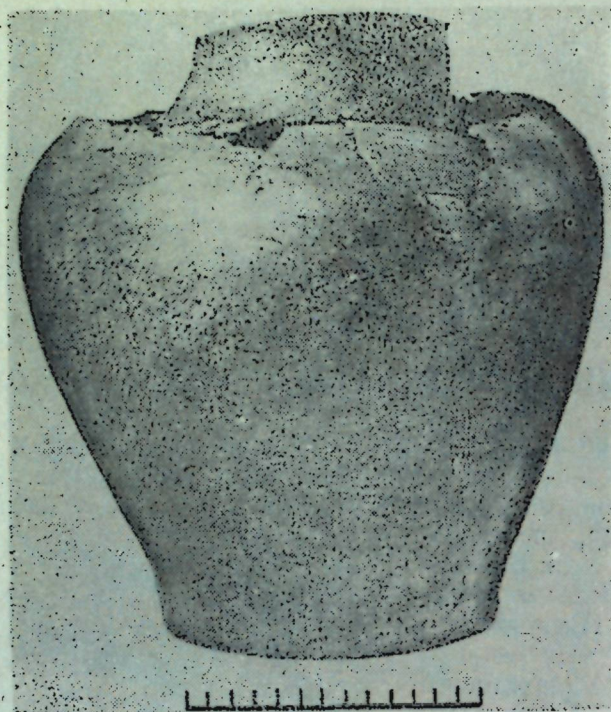

Рис. 2. Медный сосуд-урна.

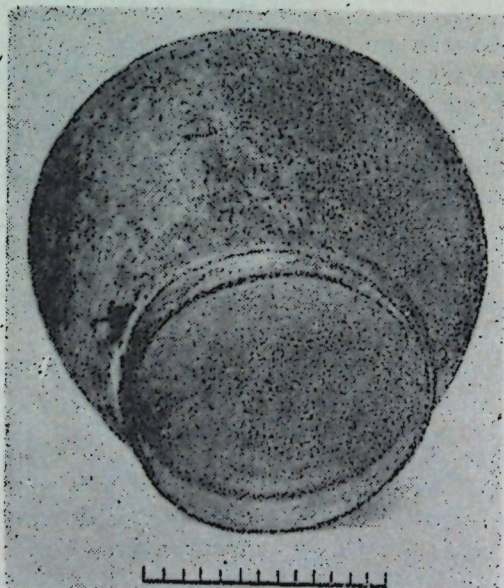

Рис. 3. Дно сосуда с пластиной на заклепках.

верхний край горла утолщен, образуя плоский валик, выступающий с внешней стороны сосуда.

В процессе, повидимому, длительного употребления для варки пищи (о чем свидетельствует толстый слой жирового нагара внутри и закопченность снаружи), сосуд был поврежден: горло у верхней части плечиков отпало, дно в уторе протерлось; еще в древности он был отремонтирован с помощью пластинок, заклепок и использован как урна.

На сосуде имелось 20 заклепок из медной проволоки, которыми, прикреплены на уторе две пластинки, а также 22 отверстия одинакового размера на плечиках. Это позволяет предположить, что верхняя и нижняя части сосуда ремонтировались одновременно и одним мастером, применившим металл однородного состава.

В период залегания урны в земле, медь покрылась темнозеленой патиной, сверху которой образовался незначительный слой светлозеленой окиси, удаленной при очистке, в процессе современной реставрации сосуда.

Содержимое урны — остатки костей человека и вещи были нарушены, прежде чем поступили в Республиканский музей краеведения. Судя по сохранившемуся содержимому, можно считать, что в урне находились мелкие пережженные кости человека. Сверху лежали небольшой фрагмент чернолощеной глиняной чаши, серебряная фибула, кольцо (рис. 4) из кованого, круглого в сечении железного стержня (толщиной 0,7 см), с не сомкнутыми концами (наружный диаметр — 3,3 см) и какой-то железный предмет; утративший свою форму. Следов действия огня на перечисленных предметах не наблюдалось. Как видно, вещи были положены в урну после совершения трупосожжения.

При самом тщательном осмотре места находки, признаков других погребений, как это бывает обычно на территории могильников, не обнаружено. По словам преподавателей Сипотанской школы, подобных сосудов-урн не было найдено и во время земляных работ на северном склоне холма.

Захоронение в урне близ с. Сипотены, вероятно, было единичным. Описанные медные сосуды-урны для территории Молдавии являются уникальными.

Сосуды весьма близкие к описанным, известны на территории распространения кельтской культуры в западной и средней Европе. Изредка они встречаются и на Украине. Так ближайшей аналогией к молдавским находкам является сосуд, происходящий из погребения у хутора Булгаковка, б. Ананьевского уезда, Херсонской губернии¹. Наиболее широкое распространение медных сосудов описанного типа у кельтских племен было в IV—III в. до н. э. Однако эти сосуды употреблялись и в более поздний период.

В качестве отправных точек для определения времени сипотенских урн, необходимо рассмотреть некоторые из предметов погребального комплекса. Прежде всего следует остановиться на фрагменте чернолощеной глиняной чаши, нахождение которой в урне не случайно, так как никаких следов селища с подобной керамикой на месте находки урны нет.

Фрагмент стенки чаши с небольшой частью дна позволяет реконструировать ее форму и определить технику изготовления сосуда. Это была небольшая чаша с отлогими, прямыми краями (толщина их не

¹ L. Jakounina-Ivanova, Une trouvaille de la Russie Meridionale (Fig. 9) ESA, Helsinki, 1927, v. I.

превышала 0,5 см) и плоским дном. Чаша лепной работы, тщательной формовки, стенки снаружи и внутри лощеные, черного цвета; глина в изломе тоже равномерно черного цвета с примесью частиц серого, шамота, которые хорошо заметны на черном фоне.

По внешнему виду, составу глины и технике изготовления фрагмент чернolощеной части аналогичен керамике из Лукашевского могильника (Оргеевский, район МССР), датированного III—I вв. до н. э.¹

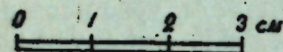

Рис. 4. Железное кольцо.

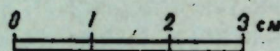
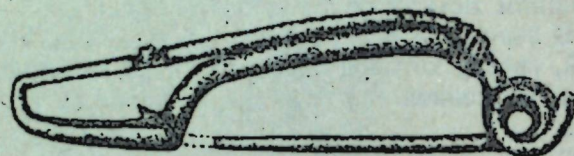

Рис. 5. Серебряная фибула.

Хорошо датирующим предметом является упомянутая выше серебряная фибула. Она сделана из цельного, круглого в сечении стержня; длина фибулы — 7,2 см, высота (от иглы до спинки) — 1,9 см (рис. 5).

Спиральная пружина фибулы состоит из 4 витков, попарно расположенных между дугой и заключенных в полукольцо, исходящее от двух

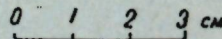

Рис. 6. Железная фибула из Лукашевского могильника.

боковых колец пружины. Стержень дуги исходит от одного из витков, как и игла — от расположенного рядом витка. Приемник для иглы находится с левой стороны (если держать фибулу спинкой и пружиной вверх) и представляет собой вытянутую ложечку, на правой щеке которой (внутренняя часть изгиба) имеется острый, наклонный зубчик. Ложечка переходит, после изгиба, в круглый стержень концевой отрезка, загнутого на спинку дуги. Этот отрезок в верхней части, против зубчика украшен полусферической шишечкой с двумя полукольцевыми бороздками по бокам. Дальше, возле изгиба, ближе к пружине, конец отрезка украшен четырьмя попарно расположенными под углом узкими бороздками. Конец отрезка расплюснен в пояс с выгравированными желобками и обхватывает стержень дуги около спирали в виде обоймы.

¹ Могильник раскопан в 1953 году Молдавской экспедицией ИИМК АН СССР и ИИЯЛ МФАН СССР под руководством Г. Б. Федорова.

Фибула почти такой же формы и размера, из круглого железного стержня, была найдена в одном из разрушенных погребений Лукашевского могильника в 1953 году (рис. 6).

Подобные фибулы довольно широко распространены в западной Европе, а в СССР — от Волыни до Черноморских побережий и Кавказа и достаточно подробно описаны и датированы в археологической литературе¹.

По западно-европейским аналогиям сипотенская фибула относится к среднему периоду латенской культуры, то есть к III—II вв. до н. э. Принимая во внимание хорошо развитую форму средне-латенской фибулы из с. Сипотены наиболее вероятной датой находки можно считать II в. до н. э.

Эта датировка подтверждается и местным археологическим материалом, в частности из Лукашевского могильника. Отсюда, наиболее вероятным следует считать, что погребения в бронзовых урнах близ с. Сипотены относятся ко II в. до н. э.

¹ А. П. Калигинский, «О некоторых формах фибул из Южной России», *Seminarium Kondasovianum*, Прага, 1927, т. I.

² В. И. Ханенко, *Древности Приднепровья*, Киев, 1907, в. IV, таб. IV, стр. 130, 131.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Г. П. Сергеев «Васе де араме, гэсите пе териториул Молдовей»

Ын анул 1955 т. Б. М. Паскарюк а трансмис Музеулуй републикан де этнографии ал РСС Молдовенешть доуэ васе де араме — урне, гэсите лынгэ сатул Сипотень, районул Кэлэрэш, ын время сепэтурилор ынтрепринсе спре а фаче ун яз колхозник.

Унул динтрынселе ера фоарте туртит. Ыннэлцимья луй (дупэ реставраце) ера де 26,5 см, яр диаметрул гытулуй ера де 21,5 см, диаметрул фундулуй — 15,5 см.

Васул ал дойля с'а пэстрат май бине. Ел авя урмэтоареле дименсиуны: 30 см ыннэлциме, 19 см диаметрул гытулуй ши 17 см диаметрул фундулуй. Васеле сынт фэурите дин таблэ де араме рошине. Пе васул ал дойля се ведяу урме де репарацие фэкутэ ын трекут. Пе фундул васулуй ерау фиксате плэчь, принсе ку ажуторул унор нитурь дин сырмэ ротундэ де араме. Ши ла гытул васулуй се вэд гэуреле, фэкуте пентру нитурия унор плэчь, че требуяу сэ ынкидэ локуриле узате. Ын ачест вас ау фост гэсите оасе оменешть арсе, ун инел де фер, ун хырб де чашкэ луструите де кулоаре нягрэ ку маржинь нетезь ши о фибулэ де аржинт.

Ын цынтиримул, каре а фост дизгрозат лынгэ сатул Лукашевка, районул Орхей, ын курсул сепэтурилор, ынфэптуите ын анул 1953 де Г. Б. Фьодоров, ау фост гэсите объекте де черамикэ нягрэ луструите ши о фибулэ де фер, каре самэнэ ку объектеле гэсите ла Сипотень. Фибуле асэмэнэтоаре ау фост гэсите пе териториул Униуний РСС дела Волынэ пэнла Маря Нягрэ ши Кауказ, прекум ши ын Еуропа де Асфинцит, ши еле провин дин периоада латенулуй медну.

Васеле де араме дела Сипотень пот фи датате ку вакул II ыннаинте де ера ноастрэ.

RÉSUMÉ

de l'article de G. P. Sergueyev «Découverte de vases de cuivre sur le territoire de la Moldavie».

En 1955 B. M. Paskariuk a remis au Musée d'étude de la région de la R. S. S. M. deux vases en cuivre, trouvés près de la station Sipoteni (district Calarache) pendant les travaux de terrassement, entrepris en vue du creusement d'un réservoir pour le kolkhoz.

L'un des vases était très froissé et avait 26,5 cm de hauteur, 21,5 cm de diamètre au col et 15,5 cm de diamètre au fond (les dimensions ont été mesurées après la restauration).

Le second vase, presque intact, avait les dimensions suivantes: 30 cm de hauteur, 19 cm de diamètre au col et 17 cm de diamètre au fond. Les deux vases étaient forgés de tôles de cuivre rouge. Le second portait des traces d'ancienne restauration en forme de plaques, attachées au jable du fond à moyen de rivures faites d'un fil de cuivre de section circulaire. Dans la partie supérieure il y avait aussi des trous faits pour river le col, qui était usé et à moitié perdu. Dans ce vase se trouvaient des ossements brûlés, un anneau en fer, un fragment de bol modelé de céramique noire lustrée et une fibule en argent.

Un fragment analogue de céramique noire lustrée à mouchetures blanches et une fibule façonnée d'une verge de fer, ayant une grande ressemblance à celle de Sipoteni, a été trouvée par G. B. Fiodorov en 1953 pendant les fouilles au cimetière de Loukachevka (district Orgueyev). Des fibules analogiques ont été découvertes sur le territoire de l'U. R. S. S. sur toute l'étendue de Volyni à la Mer Noire et au Caucase, de même qu'en Europe occidentale. Elles datent du latène moyen.

Les vases de cuivre de Sipoteni, découverts pour la première fois en Moldavie, datent du II-e s. a. n. è.

А. А. НУДЕЛЬМАН и Э. А. РИКМАН

ДВА КЛАДА И НАХОДКИ ОТДЕЛЬНЫХ МОНЕТ (РИМСКИХ И РАННЕ-ВИЗАНТИЙСКИХ) ИЗ МОЛДАВИИ

В нумизматических работах¹, посвященных изучению памятников первых столетий нашей эры Восточной Европы, недостаточно отражены материалы, обнаруженные на территории Молдавии, которая вопреки ее территориальной близости к завоеванному Римом землям, якобы оказывалась слабо насыщенной находками римских монет. Таким образом, создавались неточные представления о размещении в Восточной Европе римских монет.

Цель предлагаемой работы ввести в научный оборот находки отдельных монет и кладов из Молдавии. Из публикуемых кладов особенно интересен тот, который найден на поселении. Находки кладов в таких условиях дают некоторые возможности для выяснения важного и спорного вопроса о времени прекращения жизни на селищах «культуры «полей погребений»».

1. Оргеевский клад

В 1951 году т. Коломаев обнаружил в 3 км восточнее города Оргеева справа от дороги в село Будэй на глубине 0,4 м клад, состоящий из 127 серебряных монет² хорошей сохранности Констанция II, находившихся в красноглиняном кувшинчике, наполненном древесной золой. Кувшинчик — круговой, техника формовки — ленточная. Сосуд — с широким устьем, со сливом, узким горлом, книзу — расширяется, причем в нижней трети образуется резкий перегиб. Днище — плитчатое (рис. 1).

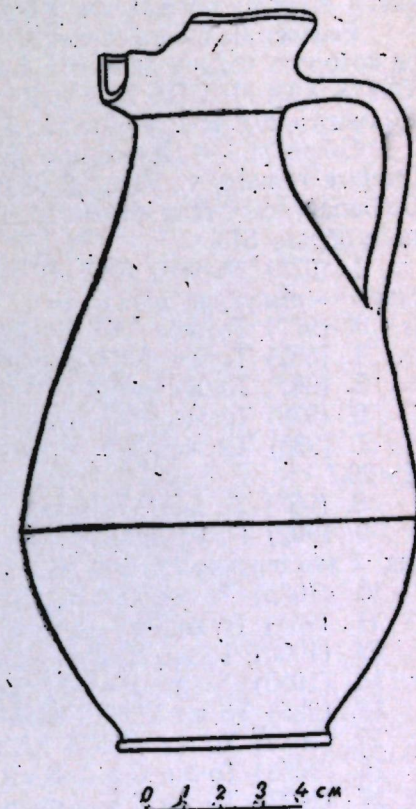

Рис. 1. Кувшин, в котором находился оргеевский клад римских монет.

¹ В. В. Кропоткин, Клады римских монет в Восточной Европе, ВДИ, № 4, 1951 г.; Он же, Топография кладов римских и ранне-византийских монет на территории СССР, ВДИ, № 3, 1954 г.; М. Ю. Брайчевский, О распространении римских монет у древних восточных славян, ВДИ, № 1, 1954 г.

² Монеты хранятся в Республиканском музее краеведения МССР.

Сосуд с монетами найден на территории селища культуры «полей погребений», расположенного на склоне у ручейка. Среди подъемного керамического материала встречены обломки сосудов трех основных групп: серолощенных (чернолощенных), сероглиняных шероховатых и красноглиняных. Найдены обломки слабо профилированных, иногда выразительно отогнутых венчиков, плитчатых и кольцевых днищ, стенок с линейным и желобчатым орнаментом. Посуда описанных типов широко распространена на селищах и в могильниках первых столетий нашей эры на территории Поднестровья. Вместе с керамикой найден кусок обожженной глины с отпечатком ветки, относящийся к развалинам наземного глинобитного жилища.

Описание монет¹

1. (980)² *Аверс*: Погрудное изображение императора Констанция II влево в диадеме. Император в плаще, застегнутом на правом плече фибулой. Круговая надпись: DNCONSTANTIVSPFAVC; Изображение и надпись обрамлены ободком из выпуклых точек.

Реверс: Лавровый венок. В верхней части венка — кружок, в центре которого четыре лепестка, в нижней — перевязь. В венке надпись: VOTIS XXX MVLTVS XXXX; В обресе ANT; Тот же ободок; Вес $z=3,15$ г; Диаметр=20,2 мм; Антиохия. Соотношение осей³: $\uparrow \searrow$.

Cohen H. — Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain, v. VI, pag. 300, № 150, но в обресе LVG или TES. Dictionary of roman coins republic and imperial; London, 1889, стр. 263, но в обресе SIN.

2. (979) То же⁵, ANT. В веночном кружке на реверсе вместо лепестков — выпуклая точка. В=3,10 Д=20,2 $\uparrow \searrow$.

3. (977) То же. ANT. В=3,30 Д=20,2 $\uparrow \searrow$.

4. (982) То же. ANT. В=2,92; Д=19,9 $\uparrow \searrow$.

5. (981) То же В=3,20 Д=20,8 $\uparrow \searrow$.

6. (978) То же, но с лепестками В=3,20 Д=20,1 $\uparrow \uparrow$.

7. (983) То же, но с точкой. ANTД. 4 мастерская, В=3,14 Д=20,7 $\uparrow \searrow$.

8. (997) То же С. Кизик (?) В=3,15 Д=20,3 $\uparrow \uparrow$.

9. (992) То же, но с лепестками С-A VOTIS XXV MVLTVS XXX Кизик, 1 мастерская В=2,98 Д=21,0 $\uparrow \uparrow$.

10. (1025) То же VOTIS XXX MVLTVS XXXX В=3,10 Д=20,5 $\uparrow \searrow$.

11. (994) То же, но с точкой В=2,81 Д=20,5 $\uparrow \uparrow$.

12. (1000) То же В=2,86 Д=20,9 $\uparrow \uparrow$.

13. (1033) То же В=2,93 Д=21,1 $\uparrow \searrow$.

14. (995) То же VOTIS XXX MVLTVS XXXX В=3,04 Д=21,2 $\uparrow \downarrow$.

15. (1032) То же VOTIS XXX MVLTVS XXXX; В=3,22 Д=21,3 $\uparrow \uparrow$.

16. (1051) То же С A В=2,74 Д=20,1 $\uparrow \searrow$.

17. (1071) То же С V В=2,61 Д=20,6 $\uparrow \downarrow$.

18. (1072) То же В=2,92 Д=20,9 $\uparrow \searrow$.

19. (1006) То же С-В В=3,08 Д=21,0 $\uparrow \nearrow$.

¹ Авторы благодарят В. В. Кропоткина и К. В. Голенко за помощь, оказанную им при написании настоящей работы.

² В скобках указаны инвентарные номера музея.

³ Вес ниже обозначается буквой «В» и приводится в граммах, диаметр — буквой «Д» и дается в миллиметрах.

⁴ Вначале дается ось аверса, затем — реверса.

⁵ Обозначение относится к непосредственно предшествующей монете. Отличные элементы оговариваются. Звездочкой (*) обозначена точка над буквой L.

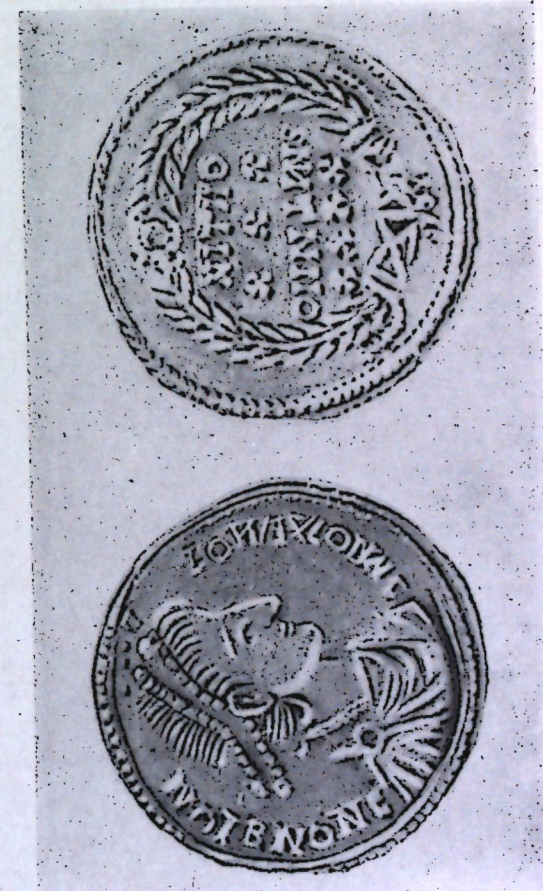

Рис. 2. Варварское подражание римским монетам.

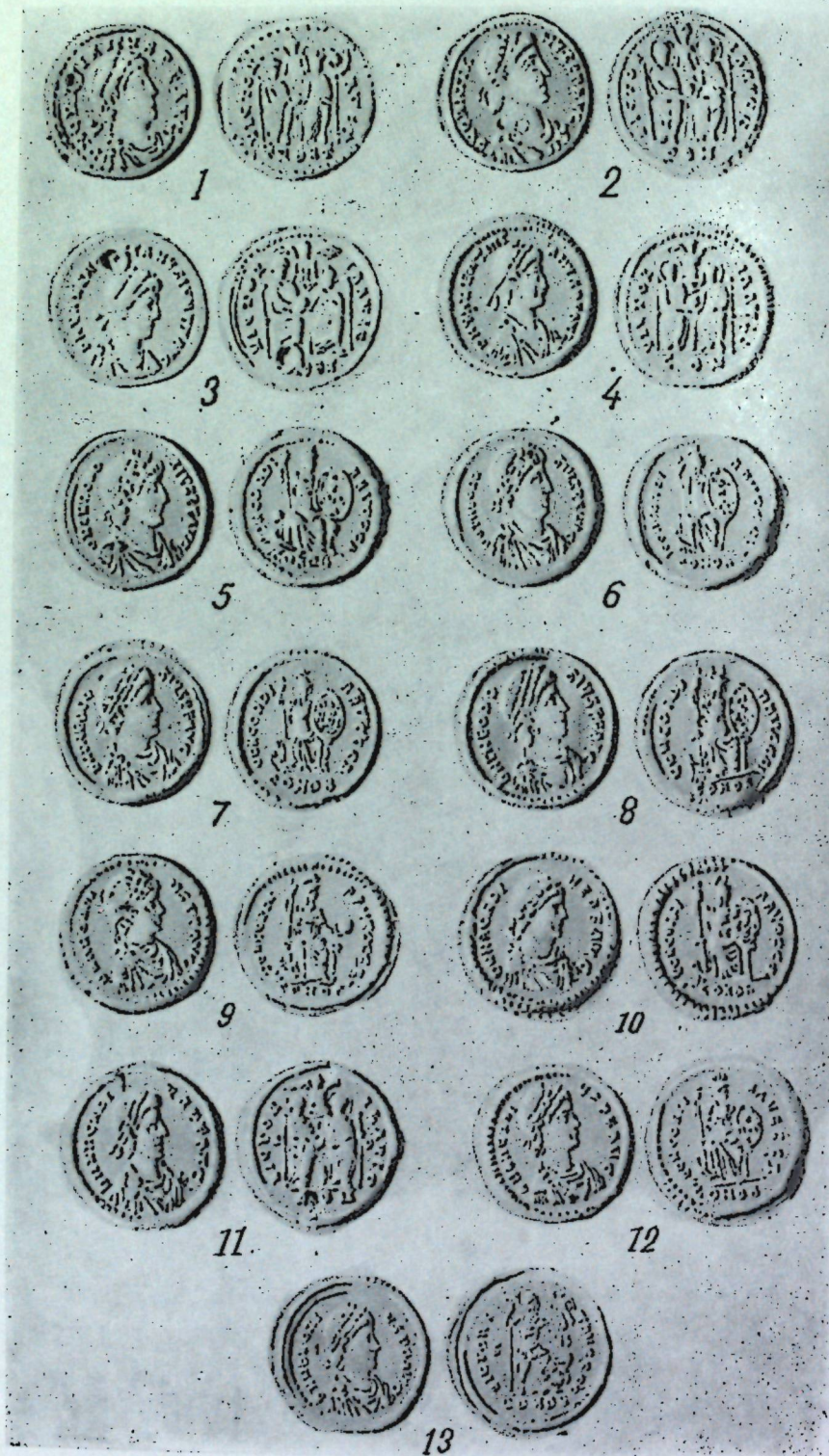

Рис. 3. Золотые монеты из Кириленского клада.

20. (1005) То же VOTIS XXX MVLTTIS* XXXX; B=3,14 Д=21,3 ↑↘.
 21. (1052) То же С В В=3,23 Д=21,3 ↑↓.
 22. (1050) То же В=3,71 Д=21,1 ↓.
 23. (1010) То же С-Г В=2,70 Д=21,7 Кизик. 3 мастерская ↑↘.
 24. (1016) То же В=2,90 Д=21,3 ↑↘.
 25. (1013) То же В=2,90 Д=21,5 ↑↘.
 26. (1015) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX; B=3,00 Д=20,9 ↑↑.
 27. (1011) То же VOTIS XXX MVLTTIS* XXXX B=3,00 Д=21,1 ↑↘.
 28. (1008) То же В=3,13 Д=20,6 ↑↓.
 29. (1014) То же В=3,13 Д=21,3 ↑↑.
 30. (1012) То же В=3,21 Д=20,8 ↑↑.
 31. (1009) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX B=3,27 Д=20,8 ↑↑.
 32. (1059) То же С В Г VOTIS XXX MVLTTIS* XXXX B=2,74 Д=20,3 ↑↑.
 33. (1058) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX B=2,98 Д=22,6 ↑↘.
 34. (1055) То же VOTIS XXX MVLTTIS* XXXX B=3,06 Д=20,5 ↑↑.
 35. (1066) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX B=3,09 Д=21,3 ↑↘.
 36. (1056) То же В=3,20 Д=20,7 ↑↓.
 37. (1057) То же В=3,28 Д=21,3 ↑↘.
 38. (1054) То же VOTIS XXX MVLTTIS* XXXX B=3,55 Д=20,8 ↑↓.
 39. (998) То же С-Д VOTIS XXX MVLTTIS XXXX B=2,97 Д=21,2 Кизик, 4 мастерская ↑↑.
 40. (1001) То же В=3,10 Д=20,7 ↑↑.*
 41. (999) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX B=2,79 Д=20,6 ↑↑.
 42. (1003) То же В=3,00 Д=20,8 ↑↑.
 43. (1002) То же В=3,05 Д=21,5 ↑↘.
 44. (996) То же В=3,26 Д=21,8 ↑↘.
 45. (1007) То же В=3,37 Д=20,5 ↑↓.
 46. (1061) То же С В Д VOTIS XXX MVLTTIS XXXX B=3,45 Д=20,9 ↑↘.
 47. (1053) То же В=3,56 Д=20,2 ↑↘.
 48. (1041) То же С-Е Кизик, 5 мастерская B=3,08 Д=20,4 ↑↘.
 49. (1044) То же В=3,15 Д=21,2 ↑↘.
 50. (1043) То же В=3,19 Д=21,1 ↑↓.
 51. (1045) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX* B=3,20 Д=21,0 ↑↑.
 52. (1037) То же С-З VOTIS XXX MVLTTIS XXXX B=3,06 Д=20,7 Кизик, 6 мастерская ↑↑.
 53. (1067) То же В=3,10 Д=21,0 ↑↑.
 54. (1038) То же В=3,22 Д=21,1 ↑↑.
 55. (1036) То же В=3,37 Д=20,8 ↑↑.
 56. (1039) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX* B=3,18 Д=20,8 ↑↑.
 57. (1040) То же В=3,19 Д=20,4 ↑↘.
 58. (1068) То же С В С В=3,20 Д=19,9 ↑↓.
 59. (1069) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXX B=2,70 Д=21,0 ↑↑.
 60. (1065) То же В=2,85 Д=22,1 ↑↘.
 61. (1035) То же С-З VOTIS XXX MVLTTIS XXXX* B=3,24 Д=20,8, Кизик, 7 мастерская ↑↑.
 62. (1064) То же С В З В=3,05 Д=21,0 ↓↘.
 63. (1063) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX B=3,17 Д=20,9 ↑↘.
 64. (1028) То же С-Н В=3,00 Д=21,3 Кизик, 8 мастерская ↑↓.
 65. (1027) То же В=3,02 Д=21,5 ↑↑.

* Обозначения СГ, а также СД могут относиться и к мастерским Константинополя. См. Bernhart M., Handbuch zur Münzkunde der römischen Kaiserzeit, v. I, II, Halle, 1926, Textband, s. 356.

66. (1026) То же В=3,05 Д=21,1 ↑ ✓.
 67. (1024) То же В=3,07 Д=21,9 ↑ ↑.
 68. (1031) То же В=3,17 Д=20,6 ↑ ✓.
 69. (1030) То же В=3,20 Д=21,2 ↑ ✓.
 70. (1034) То же В=3,29 Д=20,6 ↑ ↑.
 71. (1062) То же С II Н VOTIS XXX MVLTTIS* XXXX В=2,97 Д=21,7 ↑ ↑.
 72. (1060) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX В=2,56 Д=21,0 ↑ ↑.
 73. (1074) То же В=3,09 Д=21,1 ↑ ↓.
 74. (1004) То же С Θ VOTIS XXX MVLTTIS* XXXX В=3,27 Д=21,1, Кизик, 9 мастерская ↑ ✓.
 75. (1047) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX В=2,77 Д=21,1 ↑ ✓.
 76. (1046) То же В=3,17 Д=20,6 ↑ ✓.
 77. (1042) То же В=3,36 Д=20,8 ↑ ↑.
 78. (1070) То же С II Θ В=3,51 Д=20,5 ↑ ✓.
 79. (1018) С I VOTIS XXX MVLTTIS* XXXX В=3,15 Д=21,3, Кизик, 10. мастерская ↑ ↑.
 80. (1022) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX В=3,05 Д=22,5 ↑ ✓.
 81. (1020) То же В=3,11 Д=21,0 ↑ ✓.
 82. (1021) То же В=3,21 Д=20,4 ↑ ✓.
 83. (1019) То же В=3,25 Д=20,7 ↑ ↑.
 84. (1023) То же В=3,25 Д=20,8 ↑ ↑.
 85. (1017) То же В=3,30 Д=21,1 ↑ ✓.
 86. (986) То же С I A VOTIS XXX MVLTTIS* XXXX В=2,74 Д=20,3 Кизик, II (?) мастерская ↑ ↑.
 87. (991) То же В=3,18 Д=20,8 ↑ ✓.
 88. (988) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX В=2,99 Д=22,0 ↑ ↑.
 89. (993) То же В=3,00 Д=20,8 ↑ ✓.
 90. (985) То же В=3,12 Д=20,9 ↑ ↑.
 91. (989) То же В=3,13 Д=21,4 ↑ ↑.
 92. (987) То же В=3,30 Д=21,0 ↑ ↑.
 93. (990) То же В=3,31 Д=20,5 ↑ ✓.
 94. (1029) То же С II VOTIS XXX MVLTTIS* XXXX В=3,17 Д=21,1 ↑ ↑.
 95. (964) То же SIRM VOTIS XXX MVLTTIS XXXX В=2,95 Д=22,0, Сирмий ↑ ↑.
 96. (953) То же В=3,21 Д=21,0 ↑ ✓.
 97. (951) То же В=3,22 Д=21,3 ↑ ↓.
 98. (975) То же SIRM В=2,90 Д=22,2 ↑ ↓.
 99. (952) То же В=2,93 Д=22,2 ↑ ↑.
 100. (966) То же В=3,05 Д=21,7 ↑ ✓.
 101. (956) То же В=3,14 Д=21,7 ↑ ✓.
 102. (971) То же В=3,14 Д=21,9 ↑ ↑.
 103. (957) То же VOTIS XXX MVLTTIS* XXXX В=3,15 Д=22,7 ↑ ✓.
 104. (967) То же VOTIS XXX MVLTTIS XXXX В=3,17 Д=21,7 ↑ ✓.
 105. (961) То же В=3,48 Д=22,0 ↑ ✓.
 106. (962) То же В=3,57 Д=23,1 ↑ ↑.
 107. (974) То же В=3,61 Д=22,0 ↑ ✓.
 108. (950) То же В=3,72 Д=21,6 ↑ ✓.
 109. (973) То же VOTIS MVLTTIS* XXXX В=3,07 Д=22,2 ↑ ✓.
 110. (954) То же В=3,40 Д=21,5 ↑ ↑.
 111. (963) То же SIRM VOTIS XXX MVLTTIS XXXX В=2,82 Д=22,0 ↑ ↑.
 112. (959) То же В=2,88 Д=21,8 ↑ ↓.
 113. (972) То же В=3,12 Д=22,1 ↑ ↑.

114. (958) То же В=3,16 Д=21,6 ↑ ↓.
 115. (968) То же В=3,26 Д=21,7 ↑ ↑.
 116. (955) То же В=3,30 Д=20,9 ↑ ✓.
 117. (969) То же В=3,30 Д=21,3 ↑ ✓.
 118. (965) То же В=3,32 Д=21,4 ↑ ↑.
 119. (970) То же В=3,46 Д=21,4 ↑ ✓.
 120. (960) То же В=3,60 Д=21,0 ↑ ✓.
 121. (976) То же SIRM В=3,00 Д=21,0 ↑ ✓.
 122. (1048) То же Буквы, определяющие место чеканки стерты. В=2,87 Д=20,2 ↑ ↓.
 123. (1075) То же В=2,86 Д=20,2 ↑ ✓.
 124. (1049) То же В=3,04 Д=20,7 ↑ ✓.
 125. (984) То же В=3,08 Д=20,0 ↑ ✓.
 126. (1073) То же В=3,39 Д=21,7 ↑ ✓.

127. (1076) Особый интерес представляет находящееся в составе клада варварское подражание римским императорским монетам (рис. 2). Аверс: погрудное изображение женской (?) фигуры влево, в плаще, в диадеме с фибулой на правом плече. На шее — ожерелье. Круговая надпись: ONONSION — IOIИИOMC; ободок из выпуклых точек. Реверс. Окруженная венком надпись: MΠIO XXX OIИИИIS XXXX; в обресе пять неразборчивых знаков. Ободок из зигзагов и выпуклых точек. В=2,64; Д=20,0. Соотношение осей ↑ ✓. По своему облику описываемая монета близка к монетам Констанция II из данного клада.

Сто двадцать шесть монет из клада чеканены императором Константином II (337—361 гг.). Из них, в Антиохии — 7 (1 экз. — в 4 мастерской), в Кизике — 87 (в десяти или одиннадцати мастерских), в Сирмии — 28, неопред. — 4. Все монеты без отверстий. Общий вес монет — 397,74 г. Клад синхронен поселению, которое, как и др. аналогичные памятники культуры «полей погребений», по фибулам и керамике относится к II—IV вв. н. э. Клад был зарыт, вероятно, во второй половине IV в. н. э. Не исключена возможность, что зарытие клада и гибель поселения связаны с нашествием гуннов.

II. Кириленский клад

В 1952 году в 1,0 км к юго-востоку от села Кириллы, Сынжерейского района, на поле при плантажной вспашке под сад вершины склона найден клад золотых солидов хорошей сохранности. Как свидетельствовали очевидцы, монеты находились в небольшом кувшинообразном красном глиняном сосуде с тонкими шероховатыми стенками. Неподалеку от места находки монет имеется 2 кургана высоты; 1,1—1,3 м.

ОПИСАНИЕ МОНЕТ (рис. 4)

Грациан (367—383).

1. (66) — На аверсе: DNCR[AT]IANVSPFAVC. На реверсе: VIC-TOR — [IA]AVCC. В обресе: TROBT В=4,34 Трип, 3 мастерская. Время чеканки: 24 августа 367 г. — 17 ноября 375 г. Монета просверлена, она служила подвеской. Соотношение осей: ↑ ↑.

Mattingly H., т. IX, стр. 17, № 17 g. 5; Cohen H., т. VIII, стр. 131, № 38.

1. Определены по H. Mattingly, C. H. V. Sutherland, R. A. G. Carson, The Roman imperial coinage, т. IX, London, 1951.

2. (63) На аверсе: DNCRATIA—NVSPFAVC. На реверсе: VICTOR—IAAVCC В обрезе: С О М; В=3,90 Милан. Время чеканки: 9 августа 378 г. — 25 августа 383 г. Соотношение осей: $\uparrow \searrow$.

Mattingly H., т. IX, стр. 77, № 5d, I; Cohen H., т. VIII, стр. 131, № 38.

Валентиниан II (375—392)

3. (74) — На аверсе: DNVALENTINIANVSIVNPFACV. На реверсе: VICTOR—IAAVCC В обрезе: [TR]OBT В=4,43 Трир, 3 мастерская. Время чеканки: 17 ноября 375 г. — 9 августа 378 г. Монета просверлена, она служила подвеской. Соотношение осей: $\uparrow \downarrow$.

Mattingly H., т. IX, стр. 21, № 39e; Cohen, т. VIII, с. 143, № 36.

4. (72) — На аверсе: DNVALENTINI—ANVSPFAVC. На реверсе: VICTOR—IAAVCC В обрезе: COM В=4,45 Милан. Время чеканки: 9 августа 378 г. — 25 августа 383 г. Соотношение осей: $\uparrow \searrow$.

Mattingly H., том IX, стр. 77, № 5e.

Феодосий I (379—395)

5. (70) — На аверсе: DNTHEODO—SIVSPFAVC. На реверсе: CONCORDI—AAVCCCA В обрезе: CONOB На щите: VOT V MVL X В=4,34 Константинополь, 1 мастерская. Время чеканки: 25 августа 383 г. — 28 августа 383 г. Соотношение осей: $\uparrow \uparrow$.

Mattingly H., том IX, стр. 224, № 70 в, I.

6. (69) — На аверсе: DNTHEODO—SIVSPFAVC; На реверсе CONCORDI—AAVCCCI В обрезе: CONOB На щите: VOT X MVL XV; В=4,34 Константинополь, 10 мастерская. Время чеканки то же. Соотношение осей: $\uparrow \uparrow$.

Mattingly H., том IX, стр. 231, № 71 в, 5 В каталоге на щите: MVLX.

7. (62) — На аверсе: DNTHEODO—SIVSPFAVC; На реверсе: CONCORDI—AAVCCCH. В обрезе: CONOB На щите: VOT V MVL X; В=4,49 Константинополь, 8 мастерская. Время чеканки то же. Соотношение осей: $\uparrow \downarrow$.

Mattingly H., том IX, стр. 231, № 70 а, 3.

8. (64) — На аверсе: DNTHEODO—SIVSPFAVC; На реверсе: CONCORDI—AAVCCCI В обрезе: CONOB На щите: VOT V MVL X В=4,37 Константинополь, 10 мастерская. Время чеканки то же. Соотношение осей: $\uparrow \searrow$.

Mattingly H., т. IX, стр. 231, № 70 а. В каталоге нет 10 мастерской.

Аркадий (395—408)

9. (68) — На аверсе: DNARCADI—VSPFAVC На реверсе: CONCORDI—AAVCCCE В обрезе: CONOB В=4,43 Константинополь, 5 мастерская. Время чеканки: 17 ноября 375 г. — 9 августа 378 г. Соотношение осей: $\uparrow \downarrow$.

Mattingly H., т. IX, стр. 224, № 46 g, I, 5 мастерской нет. И. Толстой, в. 1, табл. 1, № 20¹.

¹ И. Толстой, Византийские монеты, в. 1, СПб, 1912.

10. (67) — На аверсе: DNARCADI—VSPFAVC На реверсе: CONCORDI—AAVCCCQ; В обрезе: CONOB На щите: VOT V MVL X В=4,45; Константинополь, 9 мастерская. Время чеканки: 25 августа 383 г. — 28 августа 383 г. Соотношение осей: $\uparrow \downarrow$.

Mattingly H., т. IX, стр. 231, № 70 с, 5; Толстой, в. 1, табл. I, № 27.

11. (71) — На аверсе: DNARCADI—VSPFAVC На реверсе: VICTOR—IAAVCC В обрезе: COM В поле: M D В=4,48 Милан, Время чеканки 25 августа 383 г. — 28 августа 383 г. Соотношение осей: $\uparrow \downarrow$.

Mattingly H., т. IX, стр. 78, № 8 с Толстой, в. 1, табл. I, № 36.

12. (65) — На аверсе: DNARCADI—VSPFAVC На реверсе: CONCORDI—AAVCCCZ В обрезе: CONOB; Надпись на щите: VOT X MVLX В=4,46 Константинополь, 7 мастерская. Время чеканки: 25 августа 383 г. — 28 августа 383 г. Соотношение осей: $\uparrow \downarrow$.

Mattingly H., т. IX, стр. 231, № 71 d, 4 И. Толстой, в. 1, табл. 1, № 23.

Гонорий (395—423)

13. (73) — На аверсе: DNHONORI—VSPFAVC На реверсе: VICTORI—AAVCCCE В обрезе: COMOB В поле: SM; В=4,43 Сирмий, 5 мастерская. Время чеканки: весна 393 г. — 17 января 395 г. Соотношение осей: $\uparrow \searrow$.

Mattingly H., т. IX, стр. 161, № 14 d, но 5 мастерской нет.

Похожая — у Cohen'a H., т. VIII, стр. 185, № 44.

Из клада, найденного у села Кириллы, в Республиканский музей краеведения Молдавской ССР поступило тринадцать вышеописанных монет. Монеты принадлежат пяти императорам: 2 — чеканены Грацианом, 2 — Валентинианом II, 4 — Феодосием I, 4 — Аркадием и 1 — Гонорием. Монеты чеканены: в Константинополе — 7, Милане — 3, Трире — 2 и в Сирмии — 1. Представлены мастерские: Константинополя — 1, 5, 7, 8, 9, 10-я, Трира — 3-я, Сирмия — 5-я.

Возможные хронологические границы чеканки монет 367—395 гг. н. э. Две ранние монеты клада с отверстиями служили подвесками. Они вместе с монетами были зарыты как сокровище. Клад зарыт на рубеже IV—V вв. н. э., т. е. не в семидесятых годах IV в., когда на Поднестровье обрушились гунны¹, а позже.

Общий вес монет 48,89 г., и это отмечает скопление значительного имущества у какого-то жителя Поднестровья на рубеже IV—V вв. н. э.

III. Единичные находки²

Ниже публикуется список хранящихся в Республиканском музее краеведения Молдавской ССР монет, найденных (как указано в инвентарных книгах) в разное время на территории бывш. Бессарабской губернии. Несколько монет найдены в последние годы.

Из общего количества 52 монет 31 — бронзовых. Монеты удовлетворительной сохранности. Данные о находках бронзовых монет в дне-

¹ А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, Л., 1951 г., стр. 149.

² Определение монет по Cohen'у А. А. Сиверса.

стровско-прутском междуречье¹ позволяют предполагать использование бронзовых монет в этом районе в качестве средства внутреннего денежного обращения. О том же говорят и находки серебряных монет в культурном слое селищ эпохи «полей погребений».

А. Серебро

1. (834) Август (27 г. д. н. э. — 14 г. н. э.) — В=3,40 Д=20,1 просверлена чек. 2 г. д. н. э. т. I, стр. 69, № 42 ↑↑.
2. Нерон (54—68) — найдена в 1955 г. на огороде в с. Ниспорены; просверлена В=2,95 Д=20,6.
3. Траян (98—117) — найдена на селище «полей погребений близ села Требужены, у местности, именуемой «Фынтына жоей», 1955 г. В=2,80 Д=1,8.
4. (833) Траян (98—117) В=3,20 Д=19,0 чек. 116 г. т. II, стр. 34, № 150 ↘↓.
5. (826) Адриан (117—138) — В=2,29 Д=17,7 т. II, стр. 216, № 1334 ↑↓.
6. (825) Адриан (117—138) В=2,72 Д=18,3 просверлена в двух местах (по диаметру) т. II, стр. 168, № 716 ↑↘.
7. (824) Адриан (117—138). — В=2,90 Д=18,0 т. II, стр. 139, № 393 ↑↘.
8. (830) Антонин Пий (138—161) — В=2,77 Д=18,6 чек. 149 г., т. II, стр. 296, № 238 ↑↓.
9. (829) Антонин Пий (138—161) — В=3,07 Д=18,1 чек. 140—143 гг. т. II, стр. 289, № 173 ↑↘.
10. Фаустина Старшая (ум. 141) — найдена у с. Балцата в 1955 г.
11. Марк Аврелий (145—146 гг.) — найдена на территории городища Старый Орхей, 1949 г., В=2,95 Д=17,62.
12. (832) Фаустина Младшая (ум. 175) — В=2,62 Д=18,7 т. III, стр. 153, № 205, но медная ↑↑.
13. (831) Луцилла (ум. 183) — В=2,83 Д=18,6 т. III, стр. 222, № 89 ↑↑.
14. (827) Коммод (177—192) — В=2,70 Д=18,7 чек. 183 г., т. III, стр. 342, № 879 ↑↓.
15. (828) Коммод В=2,85 Д=17,7 чек. 183 г., т. III, стр. 339, № 859 ↑↘.
16. (837) Септимий Север (193—211) — В=2,35 Д=17,8 чек. 193 г. т. IV, стр. 5, № 16 ↑↓.
17. (838) Септимий Север (193—211) — В=2,05 Д=17,9 ↑↑.
18. (2506) Валериан Старший (253—260) — В=3,04 Д=20,7 ↑↑.
19. (2505) Постум (258—268) — В=3,18 Д=21,6 т. VI, стр. 43, № 273 вар ↑↓.
20. (836) Констанций II (337—361) — В=2,77 Д=21,0 ↑↑.
21. (835) Констанций II (337—361) — В=3,20 Д=20,8 т. VII, стр. 492, № 336, но бронзовая ↑↑.

Б. Медь и бронза

1. Калигула (37—41) — найдена в 1951 г. у с. Радулены Старые Флорештского района.
2. (2510) Траян (98—117) — В=9,22 Д=28,5 чек. 104—110 гг. т. II, стр. 78, № 579 ↑↓.
3. Траян (98—117) Д=17,0 просверлена. Могильник II—IV вв. н. э. у села Будешты. Раскопки Э. А. Рикмана 1954 г.
4. Антонин Пий (138—161) — найдена на селище «полей погребений» у с. Требужены, 1953 г., Д=18,0.
5. (2509) Марк Аврелий (161—180) — В=2,52 Д=18,9 ↑↓.
6. (2507) Септимий Север (193—211) — В=9,93 Д=26,6 просверлена, т. IV, стр. 45, № 423, но серебро ↑↓.
7. (2508) Гордиан III (238—244) — В=12,18 Д=29,6 ↑↓.
8. (2504) Проб (276—282) — В=3,51 Д=21,7 т. VI, стр. 325, № 728 вар ↑↓.
9. (2502) Диоклетиан (284—305) — В=2,42 Д=20,0 т. VI, стр. 148, № 29 ↑↓.
10. (2503) Диоклетиан (284—305) — В=2,00 Д=22,0 ↑↑.
11. Диоклетиан (284—305) — найдена у с. Макарешты в 1954 г., просверлена, Д=21,7.
12. (2501) Максимиан Геркул (286—305) — В=2,08 Д=20,1 т. VI, стр. 498, № 50 ↑↓.
13. (2500) Максенций (307—312) — В=6,50 Д=26,2 т. VII, стр. 169, № 34 ↑↘.
14. (2499) Лициний Старший (308—324) — В=3,60 Д=20,6 т. VII, стр. 195, № 66 ↑↘.
15. (2490) Константин I (306—337) — В=1,85 Д=18,4 ↑↘.
16. (2491) Константин I (306—337) — В=2,55 Д=18,3 ↑↓.
17. (2494) Константин I (306—337) — В=2,60 Д=19,0 т. VII, стр. 237, № 86 вар ↑↓.
18. (2498) Константин I (306—337) — В=2,82 Д=24,3 т. VII, стр. 263, № 297, вар ↑↓.
19. (2495) Константин I (306—337) — В=2,95 Д=18,0 т. VII, стр. 237, № 86 вар ↑↓.
20. (2493) Константин II (337—340) — В=3,10 Д=18,4 т. VII, стр. 383, № 159 ↑↑.
21. (2483) Константин II (337—340) — В=3,36 Д=19,0 т. VII, стр. 378, № 122 ↑↓.
22. (2492) Констант I (337—350) — В=2,00 Д=18,0 т. VII, стр. 406, № 15 вар ↑↘.
23. (2497) Констант I (337—350) В=3,37 Д=18,8 ↑↘.
24. (2496) Констанций II (337—361) — В=1,37 Д=16,6 ↑↑.
25. (2489) Констанций II (337—361) — В=1,50 Д=16,1 ↑↑.

¹ В. В. Кропоткин, Топография..., стр. 174, № 773.

26. (2484) Константин II (337—361) — В=1,72 Д=18,3 т. VII, стр. 455, № 92 ↑ ↑.
27. (2486) Константин II (337—361) — В=2,21 Д=18,4 т. VII, стр. 455, № 92 ↑ ↓.
28. (2488) Константин II (337—361) — В=2,28 Д=17,7 ↑ ↓.
29. (2485) Константин II (337—361) — В=2,33 Д=16,8 т. VII, стр. 455, № 92 ↑ ↓.
30. (2487) Константин II (337—361) В=2,73 Д=17,4 т. VII, стр. 455, № 92 ↑ ↓.
31. (2482) Валент (364—378) — В=1,57 Д=15,6 т. VIII, № 68 вар ↓ ↓.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй А. А. Нудельман ши Е. А. Рикман «Доуэ коморь ши монете рэзлеците (романе ши бизантине тимпурий), гэсите ын Молдова»

Дателе деспре комориле, гэсите ын ашезэриле дизропате, пе каре ле концыне артиколул, дау путинца де а лэмури ынтр'о оарекаре мэсурэ о ынтребаре ынсэмнатэ ши дискутабилэ: кынд с'а стинс вяца ын сэлиште теле аша зысей културь ай «кымпурилор фунераре». Дин комоара, каре а фост гэситэ ын анул 1951 лынгэ орашул Орхей, пе о сэлиште а аша зысей културь ай «кымпурилор фунераре», фак парте 126 монете, бэтуте де ымпэратул Константин II (аний 337—361 ай ерей ноастре). Ын афарэ де еле ын комоара ачаства а фост гэситэ о имитацие барбарэ а монетелор романе. Комоара а фост, пробабил, ынгропатэ ын жумэтатя а доуа а вакулуй IV. Ый ку путинца, ка ынгропаря коморий ши пеиря ашезэрий ачестя сэ фие ын легэтурэ ку нэвэлиря хунилор.

Ын алкэтуинца коморий, гэсите ын анул 1952 лынгэ сатул Кирилень, ынтрэ 13 солизь, бэтуць де Грациан, Валентиниан II, Теодосий I, Аркадий ши Гонорий. Диапазонул хронологик пробабил ал батерий ачестор монете се купринде ынтре аний 367—395 ай ерей ноастре. Се пресупуне, кэ ашезэря, ын каре а фост гэситэ комоара, н'а перит ын аний 70 ай вакулуй IV, кынд ын Поднеэтровье ау нэвэлит хуний, да май тырзыу.

Ын афарэ де коморь, ын артикол се ворбеште деспре 53 монете де бронз ши де аржинт, каре се пээстрыэ ын Музеул републикан де черчетэрь а цынутулуй дин орашул Кишинэу. Монетеле ачестя ау фост гэсите ын време диферитэ пе териториул фостей губерний Басарабия, кыт ши ын декурсул ултимилор ань.

RÉSUMÉ

de l'article de A. A. Nudermann et de E. A. Rickmann «Deux trésors et découvertes de monnaies éparses (romaines et byzantines) en Moldavie».

Les trésors trouvés aux établissements et publiés dans cet article nous donnent la possibilité de clarifier une question très importante et disputable, la question du temps où a cessé la vie aux établissements du II-e — IV-e siècles. Parmi les pièces du trésor trouvé en 1951, près d'Orgueyev, dans un établissement de cette époque, il y a 126 monnaies frappées par l'empereur Constantinien le II-e (337—361), et une imitation barbare des monnaies romaines impériales. Le trésor fut probablement enseveli à la deuxième moitié du IV-e s. Il est fort possible que l'ensevelissement du trésor et la fin de l'établissement sont en rapport avec l'invasion des Huns.

Parmi les pièces du trésor trouvé en 1952 près du village de Kirileni il y a 13 solides, frappés par Gratien, Valentinien le II-e, Théodosius le I-er, Arcadius et Honorius. Les limites chronologiques probables du monnayage sont de 367 à 395.

Outre les trésors, les auteurs publient dans cet article 53 monnaies d'argent et de bronze, qui se trouvent dans les fonds du Musée d'étude de la région de Kichinev. Elles ont été trouvées, d'après les indications de l'inventaire, à différentes époques sur le territoire de l'ancienne Bessarabie, de même que ces derniers temps.

Е. В. МАХНО

РАСКОПКИ НА СЛАВЯНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ У СЕЛ ПОЯНЫ И СОКОЛ В 1953 г.

В течение нескольких лет на территории МССР совместная экспедиция ИИМК АН СССР и ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР производит археологические разведки и раскопки славянских памятников (руководитель Г. Б. Федоров).

Одним из памятников, открытых экспедицией, является поселение, расположенное между селами Пояны и Сокол, Резинского района МССР, относящееся, повидимому, к IX—X вв. н. э. Материалы раскопок на этом селище¹, проведенных в 1953 году Поянским отрядом экспедиции, еще раз подтверждают наличие связей между славянами Поднестровья и Поднепровья в конце I тыс. н. э.

Поселение расположено на правом берегу реки Днестра в 2 км к северо-западу от с. Пояны и приблизительно в 1 км к востоку от с. Сокол и занимает крайний, северо-западный мыс надпойменной террасы Днестра, ограниченный с северо-запада небольшим ручейком.

Над террасой с юга возвышается очень высокий скалистый и обрывистый, заросший лесом коренной берег Днестра, на котором расположено с. Пояны.

Вся надпойменная терраса на месте поселения и к востоку от него занята поливными огородами, табачными плантациями и виноградниками с ореховыми деревьями колхозников с. Пояны (рис. 1). Площадь открытого нами поселения, которое вытянуто вдоль берега полосой около 200 м длины и около 100 м ширины, в момент обследования оказалась свободной от посадок. На ее поверхности обнаружено сравнительно большое количество обломков характерных толстостенных горшков, изготовленных на очень медленном гончарном круге из глины, которая имеет примеси дресвы, слюды, толченого известняка. В четырех местах эти находки концентрируются, где также встречаются мелкие обломки известняка, причем на желтоватой поверхности поселения образуются едва заметные темноватые пятна. Одно из таких пятен в северо-западной части поселения было исследовано раскопками.

С помощью перекрестных траншей шириной в 2 м обнаружены контуры пятна, в основном охваченные раскопом, общая площадь которого составляла 248 кв. м. Раскоп имел форму прямоугольника длиной 18 м, шириною 12 м с небольшими выступами — остатками траншей с севера и запада (рис. 2).

Основные находки концентрировались в северной части раскопа.

¹ Работа отряда проводилась под руководством научного сотрудника ИА АН УССР Е. В. Махно, рисунки выполнены Л. С. Шилиной, чертежные работы — М. В. Слободенюком.

Здесь на глубине 0,40—0,50 м от современной поверхности были обнаружены остатки почти прямоугольного наземного сооружения с разрушенной печью из камней, перекрытого землей. План сооружения в виде прямоугольника очень хорошо фиксируют четыре угловых камня¹. Сооружение шириной 6 м и длиной 8 м, то есть площадью 48 кв. м, было ориентировано с северо-востока на юго-запад (рис. 2 и 3).

На уровне угловых камней сооружения, примыкая к нему с севера, находилась каменная выкладка, тянувшаяся параллельно упомянутому четырехугольнику. Она, повидимому, укрепляла площадку около входа, делая более удобным подход к сооружению во время распутицы. Это позволяет думать, что вход в сооружение был направлен к северу, то есть к реке.

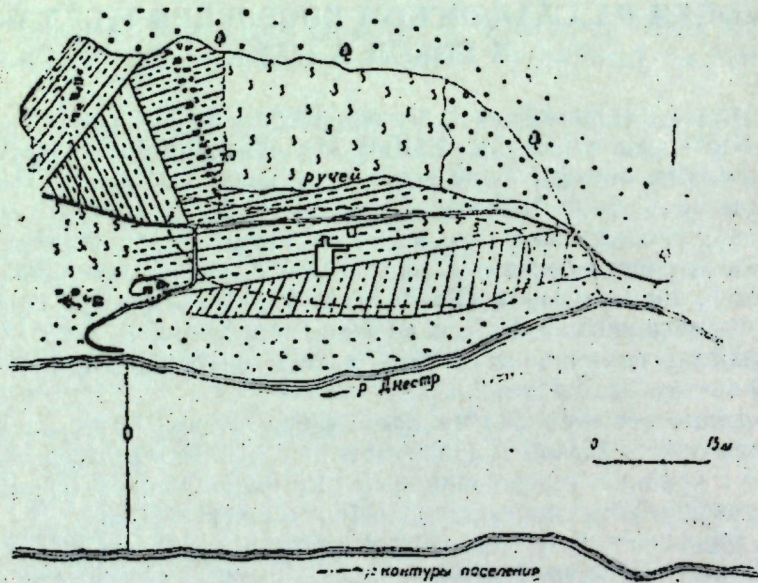

Рис. 1. Схематический план поселения X в. у с. Пояны.

Промежуток между северной стенкой и каменной вымосткой свидетельствует о том, что выход из сооружения был оформлен в виде террасы, примыкающей к северной части сооружения. Судя по расположению камней, терраса имела длину около 7 м и ширину 1,40—1,60 м (рис. 3).

На уровне всех этих камней, в пределах упомянутого четырехугольника, то есть на полу сооружения обнаружено скопление сравнительно мелких камней (многие из них со следами действия огня), концентрирующихся в северо-восточной части сооружения, которые образуют сплошной завал на площади немногим более 4 кв. м.

Эти камни, повидимому, являются остатками совершенно разрушенной печи, не позволяющими установить ее форму и размеры. Среди камней было огромное количество обломков кружальных горшков, кости животных и железные шлаки. Все это было перекрыто довольно массивным (толщиной 0,10—0,15 м) слоем известняковой щебенки, залегающей непосредственно над описанными остатками сооружения на глубине 0,20—0,35 м от современной поверхности на площади в 100 кв. м, то есть превышающей площадь сооружения.

¹ Все эти камни размером 0,60×0,60×0,15 м, 0,80×0,50×0,30 м и иногда со стороны склона подперты более мелкими камнями.

На расстоянии около 4 м на юг от сооружения, на одном с ним уровне, обнаружена выкладка из мелких камней, имеющая в плане форму овала, длиной 1,60 м, шириной 1,05 м, ориентированная с востока на запад (рис. 2) и частично разрушенная. Можно предполагать, что эта выкладка является остатками летней печи, вне пределов сооружения, которое имело, вероятно, два выхода: один на северную сторону, второй — на южную.

Рис. 2. План раскопа I на Поянском поселении X в.

Во время раскопок обнаружено 2419 предметов. Самым массовым материалом являются керамические находки (2175 фрагментов), они составляют 90% всех находок, кости животных — 8%, и остальные находки всего 2%. Почти все обломки керамики, найденной при раскопках (98%), являются обломками сосудов, изготовленных на гончарном круге, и только 2% — сосудов лепных.

Основная масса обломков кружалых сосудов принадлежит очень однообразным горшкам, преимущественно средних размеров, диаметр венчика у которых колеблется от 12 до 16 см, но часто имеет 20 см; диаметр дна, как правило, 9—10 см. У всех горшков венчики выразительно отогнуты; шейка короткая плавная, плечики покатые, но слегка приподнятые, дно совершенно плоское, никак не подчеркнутое с наружной стороны, изнутри закруглено (рис. 4). Большинство венчиков (71%) с

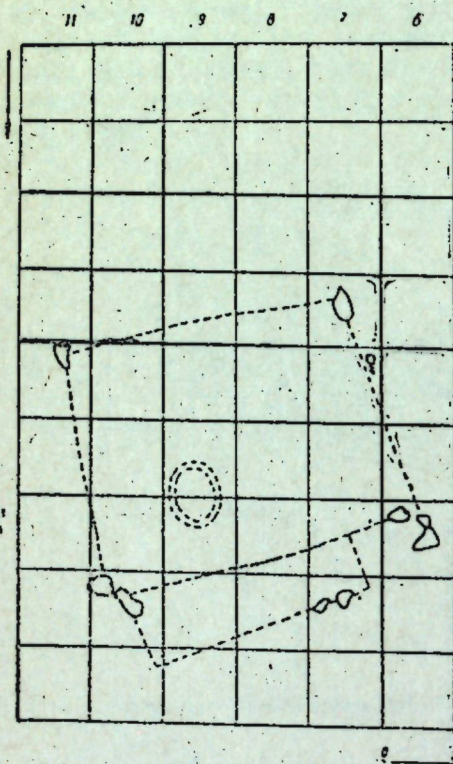

Рис. 3. Реконструкция плана наземного сооружения.

наружной стороны профилировано бороздкой и более или менее выразительным горизонтальным рельефным валиком. Наружная сторона некоторых венчиков (29%) не имеет профилировки; край у них срезан чуть-чуть косо наружу. Но срезан он инструментом, который образует в середине среза едва заметную углубленную бороздку. Эта бороздка характерна для обеих групп венчиков.

Почти весь корпус горшков, за исключением самой нижней части у доньшка и вверху у шейки покрыт линейным орнаментом. У огромного большинства этих сосудов горизонтальные полосы настолько широки и прочерчены так густо, что их поверхность напоминает рифление (рис. 4—2 и 3). (Из 1054 орнаментированных обломков стенок 968 или 91% покрыты таким орнаментом. Только некоторые из обломков (56 обломков, или 5%) украшены полосочками, прочерченными не очень аккуратно, на некотором расстоянии одна от другой. (Рис. 4—9). Изредка по верхней части шейки сосуда над этим линейным орнаментом палочкой прочерчен еще дополнительный рисунок. Этот рисунок обычно представляет собой волны средних размеров, очень мелких или двойных, наколы палочки или отпечатки ногтя (рис. 4—2-9). Таких обломков найдено 67 и они составляют 6%.

Кроме того, обнаружено 17 обломков венчиков и 12 обломков стенок от сосудов, отличающихся формой и орнаментацией от описанных выше горшков; сосуды характеризуются прямым невысоким горлом, диаметром 12—14 см и вздутым туловищем, с покатыми плечиками. Диаметр туловища не менее 28 см. Горло у них украшено рельефными полосками, которые нанесены правилкой, а тулово гребенчато-волнистыми полосами и рисунком, напоминающим мелкую волну.

На одном таком обломке сосуда тулово опоясывают две полосы с рисунком, напоминающим мелкую волну и две ленты, составленные из волнистых полосок (рис. 4—10).

Все сосуды изготовлены на медленном гончарном кругу ленточным способом. Это очень хорошо заметно на отбитых по шву большинстве венчиков, нижних частях стенок у дна, а также днищах. В глине, кроме крупного песка, известняка и дресвы, часто встречаются примесь ша-

мота. Поверхность сосудов шероховатая, пятнистая, красноватобурого и сероватого цвета.

Рис. 4. Образцы керамики, найденные на поселении у с. Пояны: 1—10 — обломки сосудов, изготовленных на медленном гончарном круге; 11—14 — обломки лепных сосудов.

Вся лепная посуда (2%) имеет также шероховатую поверхность темножелтоватого и красноватого цвета. В тесте большие примеси крупного шамота, делающие черепки крохкими. Почти все обломки принадлежат небольшим горшкам со слегка отогнутым, утонченным венчиком,

короткой плавной шейкой, сравнительно низкими, очень покатыми плечиками и плоским доньшком. Наибольший диаметр венчика от 12 до 14 см, диаметр дна — 6—8 см, толщина стенок около 1 см. Кроме того, есть один обломок сковородки, со слегка поднятым бортиком и закругленным дном, диаметр которого 16 см (рис. 4—11—14).

Около предполагаемой печи, кроме того, обнаружено 10 кусков шлака, 5 обточенных со всех сторон камней неправильных форм, которые могли быть точилами, 19 бесформенных мелких обломков кремня и 5 невыразительных обломков печины.

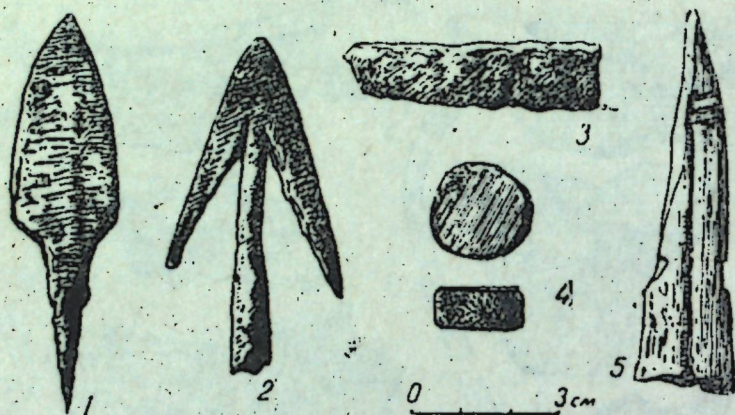

Рис. 5. Предметы, найденные на поселении у с. Пояны:

1, 2 — наконечники стрел, 3 — обломок железного ножа, 4 — заготовка пряслица, 5 — костяная проколка.

Кроме того, на раскопе обнаружено 2 обломка железных ножей, 2 железные стрелы и костяная проколка (рис. 5).

Одна из стрел подтреугольная с черенковым насадом, вторая — втульчатая с усиками (рис. 5—1—2).

Проколка длиной 7,7 см, изготовленная из длинной кости ноги крупного животного, имеет треугольную форму. Наибольшая ширина около 2 см. Один конец у нее заострен. У широкого конца проколки с двух сторон заметны небольшие вырезки — возможно служившие для скрепления с каким-то стержнем. Недалеко от острия на лицевой стороне кости видны три горизонтальные насечки (рис. 5—5).

На раскопе обнаружена, кроме того, заготовка пряслица из обломка стенки сосуда без отверстия диаметром 2 см (рис. 5—4).

Все находки, обнаруженные на поселении, очень типичны для древнерусских памятников IX, скорее X столетия н. э. северной части Среднего Поднепровья.

Ближайшие аналогии вышеописанной керамике есть среди материалов Шестовицких курганов, датируемых X ст. н. э. Дата наконечников стрел, обнаруженных на поселении, также укладывается приблизительно в эти же рамки¹.

Таким образом, раскопки селища у с. Пояны подтвердили мнение² о типично древнерусском характере культуры населения Поднепровья в IX—X вв. н. э.

¹ Материал ИА из раскопок Д. И. Блительда. Глина сосудов из Шестовицких курганов лучшего качества, стенки тоньше, обжиг лучше.

² Г. Б. Федоров, Работа Славяно-Днестровской экспедиции, КСИМК, 1952, в. IIIV, стр. 90.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Е. В. Махно «Сэпэтуриле фэкуте пентру дископерия уней ашезэрь стрэвекь русе лынгэ сателе Пояна ши Сокол ын курсул анулуй 1953»

Ын анул 1953 отрядул дин Пояна ал экспедицией археоложиче молдовенешть а дископерит о ашезаре русэ стрэвекь, каре провине пробабил де прин вакул Х ал ерей ноастре. Еа се афлэ пе ун промоториу мик ал терасей де деасупра лунчий малулуй дрепт ал Ниструлуй, деасупра кэруя динспре мязэ-зы се рыдикэ малул стынкос фоарте ынналт.

Ашезэря се ынтинде апроапе пе 2 хектаре. Пе супрафаца де 248 метр патраць, пе каре с'ау фэкут деаму сэпэтурь, ла о адынчине де 0,40—0,50 метр ау фост дископерите рестуриле уней клэдирь дрептун-гюларе, авынд лунжимя де 8 метр ши лэржимя де 6 метр, планул кэрея поате фи ушор стабилит дэторитэ петрелор дела колцуриле перецилор.

Пробабил клэдиря ачаства авя ун акопериш де пэмынт. Ла ынтрая ын клэдире че ешы спре рыу а фост гэсит ун лок пават де 7 метр лунжиме ши 1,80 метр лэчине. Динспре малул стынкос лынгэ клэдире а фост гэсит ун куптор, чеяче не-а сужерат идея, кэ аколо се афла ынкэ о ынтрае ын клэдире.

Нумероаселе рестурь де оале де лут, каре ау фост анч гэсите, сынт асэмэнэтоаре челор гэсите ын мовилеле дин Шестовицы, вакул Х. Ачаства не доведеште, кэ популяция русэ стрэвекь дин Поднепровье ши Поднепровье ынтрацяня легэтурь културале стрынсе.

RÉSUMÉ

de l'article de E. V. Makhno «Fouilles à l'ancien établissement russe près de Poiana et Socol en 1953».

En 1953 le détachement de Poiana de l'expédition archéologique moldave a découvert un ancien établissement, datant probablement du Xe siècle de n. e. Il est situé sur un petit promontoire de la terrasse sur la rive droite du Dniester, au-dessus de laquelle s'élève une haute berge rocheuse.

L'établissement occupe près de 2 hectares. Sur une superficie de 248 m², à des profondeurs variant de 0,40 à 0,50 m., on a découvert les débris d'une construction rectangulaire située à la surface du sol, longue de 8 m. et large de 6 m., dont le plan est bien fixé par les pierres angulaires.

La construction était probablement couverte d'une couche de terre. Devant l'entrée dans la construction, dirigée vers la rivière, on a trouvé un pavage de pierre, long de 7 m. et large de 1,80 m. Près de la construction, du côté de la berge rocheuse, on a découvert un four, qui nous permet, dans une certaine mesure, de supposer l'existence d'une autre entrée dans la construction.

Les nombreux vestiges de poterie travaillée au tour ont des analogues dans les matériaux des kourganes Chestovites appartenant au Xe s. Cela nous permet de parler d'une liaison culturelle entre l'ancienne population russe de la région du Dniester et de celle du Dnieper.

Э. А. РИКМАН

К МЕТОДИКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ МОЛДАВИИ¹

В работе археологических экспедиций в Молдавии обращает на себя внимание разнообразие приемов, с которыми исследователи подходят к раскопкам. Отчасти это объясняется многообразием археологических памятников. Но зачастую разные приемы применяются к одинаковым памятникам¹. Эти приемы еще не сведены, не обобщены. Имеющаяся литература ориентирует читателя в некоторых областях полевой методики раскопок памятников различных эпох².

Цель настоящей работы рассмотреть, сопоставить различные технические приемы, вырабатываемые при раскопках средневековых, в частности, древнерусских поселений Молдавии, попытаться выбрать из этих приемов проверенные и целесообразные. Проблемы методики рассматриваются в сопоставлении с методическими установками, принятыми при раскопках древнерусских памятников.

Культурный слой селищ и некоторых городищ бывает неодинаковой толщины, прерывист, а остатки сооружений сохраняются на небольших и отдаленных друг от друга участках. На других городищах и в городах культурный слой мощный, насыщенный многими ярусами разновременных сооружений. На памятниках второго типа нередко поздние перекрытия, нарушающие их стратиграфию. Все это заставляет перед закладкой больших раскопок прибегать к разведочным работам на малых площадях. Применение на новых площадях разведочных раскопок нецелесообразно лишь в некоторых городах, где после долгих раскопок уже установлена сохранность древнего культурного слоя.

Цель разведочных раскопок на древних поселениях — выявить наиболее пригодные для исследования участки памятников. Предварительное изучение письменных источников, графических материалов, литературу по памятнику, который намечен для раскопок, обязательно. Полезно знать и историю строительства на месте будущих раскопок. По этим материалам изучается историческая топография объекта и составляется его описание. Указания письменных источников, относящихся к топографии памятника, могут обусловить места разведочных раскопок. Необходимо учитывать данные археологических наблюдений, которые ведутся в ряде древних городов музеями, доставляют ценный материал и могут обусловить места развертывания раскопок.

Разведка начинается со сбора подъемного материала на поверхности памятника и зачисток на местах земляных нарушений, если таковые

¹ Печатается в порядке обсуждения.

² Список работ и инструкций дается в приложении.

имеются. Особого внимания заслуживают остатки жилищ в виде скоплений печины, золы, развалов каменной и кирпичной кладки. Скопление керамики на поверхности земли — признак наличия и разрушенности культурного слоя, что не всегда дает достаточные основания для разбивки разведочных объектов. При разведочных работах иногда представляется возможным сократить объем земляных работ путем раскопок на местах ям, оврагов и других естественных обнажений.

Далее разведки ведут в одних случаях с помощью шурфов, других — траншей. В условиях древнего города вести разведку с помощью траншей нецелесообразно. Траншея обычно шириной 2 м при многометровой толщине культурного слоя в городе не дает возможности вести эффективные наблюдения. Она разрушает памятники, не дав возможности в них разобраться. В древних городах целесообразнее вести разведку с помощью шурфов площадью не менее, чем в 16 кв. м. По обнаружении сооружений или массового содержания находок, шурф расширяется в нужном направлении в раскоп, который ведется на поселениях большой площадью.

Разведка с помощью траншей применяется на тонкослойных городищах и селищах, с прерывистым культурным слоем. Для предварительного выяснения стратиграфии памятника ей предшествует шурфовка площадями в 4 кв. м. Длинная траншея шириной в 2 м пересекает важнейшие участки поселений и проходится на один штык ниже дернового или пахотного слоя. Если она не дает результатов, закладывается траншея, перпендикулярная первой, углубляемая также на один штык. Следующие штыки проходят по площади обеих траншей. В месте и на глубине, где обнаруживаются сооружения или находки, траншея расширяется в большой раскоп (рис. 1).

На памятниках с предполагаемым прерывистым культурным слоем полезны «пунктирные» траншеи, состоящие из отдельных шурфов площадью в 4 кв. м. каждый, расположенных на расстоянии в несколько метров друг от друга.

Важнейшим результатом разведочных раскопок является выяснение стратиграфии памятника.

Разведочные траншеи и шурфы, как и в дальнейшем раскопы, ориентируют по направлению север—юг, но иногда важнее ориентировка в соответствии с выявленными сооружениями или рельефом памятника.

При археологической разведке на поселениях находят применение почвенное бурение и, в частности, анализ фосфатных соединений почвы. Почвенное бурение дает возможность определить контуры поселения на широкой площади, стратиграфию памятника и получить предварительное представление о массовом материале.

Когда хотят раскопать поселение целиком, заранее ограничивают площадь, подлежащую исследованию. В углах прямоугольника намеченной под раскопы площади вбивают толстые основные колы. Полезно провести разбивку всей площади на квадраты сразу. С севера на юг или с запада на восток отбивают границы рядов квадратов через два метра каждую. С помощью полученных линий откладывают нужную площадь. Например, решив заложить раскоп площадью в 100 кв. м, отсчитываем уже разбитых пять полос квадратов, допустим с севера на юг, затем откладываем заново с помощью колышков пять полос с запада на восток. Раскопы отделяются друг от друга бровками шириной в 20—50 см в зависимости от крепости грунта. Предпочтительно закладывать раскопы определенной площади так, чтобы раскоп был достаточно велик в длину и в ширину и не напоминал траншею.

Исследователи древних городов, изучение которых обычно целиком невозможно, пользуются на представляющей наибольший интерес площади несколькими большими раскопами площадью в 100—300 кв. м и более каждый. Они располагаются по возможности так, что отстоят друг от друга по линиям север—юг и запад—восток на расстоянии, измеряемом четным количеством метров, учитывая возможность слияния раскопов.

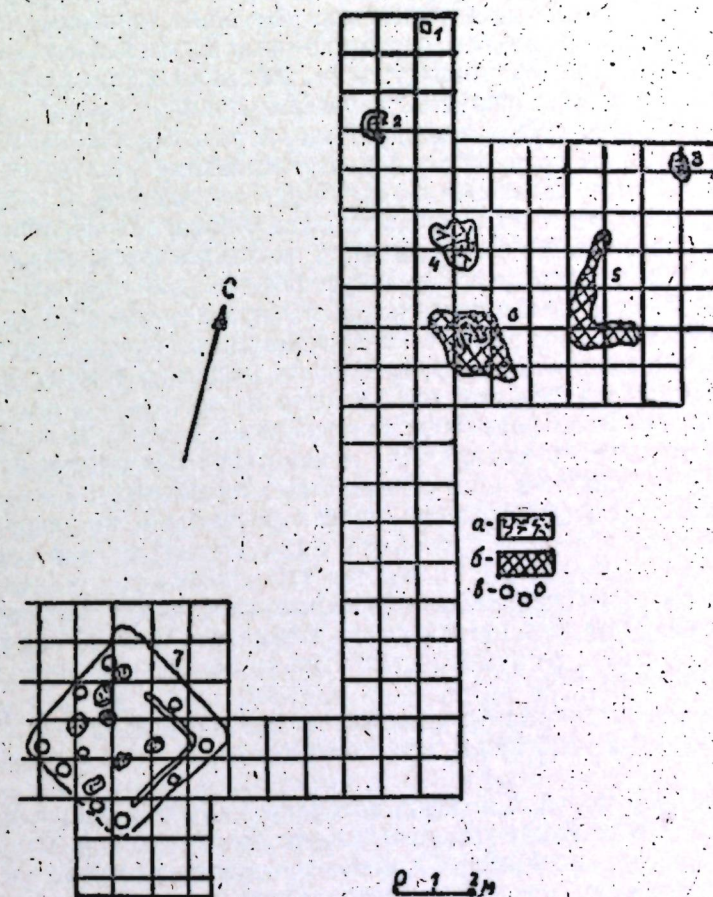

Рис. 1. Две перпендикулярные траншеи, расширенные в раскоп (по М. Ю. Смишко).

Раскопки большой площадью сулят много преимуществ, но при фиксации не только профилей стенок раскопа, но и промежуточных бровок. Размещение бровок определяется конкретными задачами исследования памятника.

Закладка бровок нецелесообразна при площади раскопов меньшей, чем 16 кв. м и необходима при отделении друг от друга уже раскопов площадью в 100 кв. м. При увеличении площади раскопа срываема стенка фиксируется. Профили бровок, по мере углубления раскопа, зачерчивают, а затем разбирают. Контрольные «попы», образцы культурных напластований, в исключительных случаях оставляют до момента зачистки материка. При разборе бровок находки фиксируют и присоединяют к материалу остального штыка.

В случае, если на большой площади ведут сразу несколько смежных раскопов, следят за тем, чтобы одновременно вскрывались попадающие на их территории части одного сооружения, однородные слои.

Если экспедиция ведет постоянные раскопки памятника на большой площади, кажется возможным в отдельных случаях не доводить за один сезон раскоп до материка, зафиксировав раскопанную площадь и оставив ее под охраной до следующего сезона раскопок. Такое решение представляется более предпочтительным, нежели доведение небольших участков в течение сезона до материка. Большие раскопы позволяют глубже понять памятник, чем несколько разновременных смежных.

Когда культурный слой прерывист и мало насыщен, за основную рабочую единицу иногда принимают участки прямоугольной формы площадью в несколько десятков квадратных метров. На той глубине, на которой открываются сооружения к первоначальному участку прибавляется новый в том направлении, куда уходит сооружение. Каждый последующий участок отделяется от предыдущего бровкой. Пройденные до материка, после полной фиксации всего их содержимого, при отсутствии сооружений, отдельные участки могут служить для выбросов грунта с соседних раскопов. Такая система работы при несомненных преимуществах в фиксации профилей чревата серьезными затруднениями при сопоставлении стыков отдельных небольших раскопов. Работа на стыках при такой методике особенно ответственна и сложна.

Площадь раскопа разбивают на квадраты в 1, 4, 16, 25 кв. м систему координат, служащую для отсчетов и измерений при нанесении на план сооружений и находок. Сетка с квадратами площадью в 1 кв. м удобна при фиксации мелких сооружений типа зерновых ям, но затрудняет работу землекопателей. Такую сетку трудно сохранить. Наиболее предпочтительна сетка с квадратами площадью в 4 кв. м. При достаточной возможности для фиксации, данная разбивка удобна для расстановки рабочих. Разбивка раскопа на квадраты площадью 16 и 25 кв. м каждый оправдана большой загруженностью слоя архитектурными сооружениями.

В тех случаях, когда установить на дне раскопа деревянные колы невозможно (из-за скопления сооружений), пользуются металлическими прутами.

Расстановку колов квадратов во время работы проверяют несколько раз от исходных границ раскопа, или от базовой линии. Особенно надо следить за краями раскопа, так как они дают основные линии для всех отсчетов и проверок. Края раскопа (и другие линии) трассируют с помощью шнура, по которому канавкой, обращенной внутрь раскопа, отбивают линию. Стенки систематически защищают, ведут книзу под небольшим наклоном, чтобы избежать их осыпания. Поэтому измерения в глубине раскопа производят не от границ его дна, а от верхнего внешнего края или от внутренних линий квадратов.

Колы, находящиеся на краю раскопа, часто выпадают, поэтому можно отвести их на 20—30 см от края, зафиксировав этот факт передвижения в дневнике (при отсчетах передвижки учитываются), либо удалить вовсе, прочертив через 2 м линии на стенках.

Распространены две системы обозначения квадратов. В первом случае вертикальные ряды их обозначаются буквами, горизонтальные — цифрами; каждый квадрат обозначается буквой и цифрой горизонтального и вертикального рядов. Буквы и цифры, обозначающие ряды квадратов, можно прочертить на стенках. Второй способ, при котором каждый квадрат обозначен порядковым номером, обеспечивает удобства при увеличении площадей раскопов.

Площадь, подлежащая раскопкам, нивелируется в углах всех квадратов или по крайней мере нивелируются края раскопов. При нивелировке избирается относительный «О» для одного и нескольких раскопов, обычно наивысшая или низшая точка на краю одного из них — тогда относительные отметки остальных точек будут однозначны. Этот «О» привязывается к близлежащему сооружению, сохранность которого в течение ряда лет не внушает опасений. Полезно фиксировать в дневнике абсолютную отметку нуля. Привязывание «О» к прочно существующим сооружениям, определение ее абсолютной отметки необходимы для того, чтобы при последующих раскопках вести измерения глубины по одной системе и связывать между собой однородные слои и находки раскопов, ведущихся в разное время. Привязка способствует проверке нивелировочных данных последующими исследованиями. Пронивелировав поверхность будущих раскопов, получаем исходные данные для последующих отсчетов глубины от условного «О».

От «О» и верхнего края раскопов промеряются глубины дна, залегания сооружений и находок. На небольших раскопах для измерения глубины пользуются рейками и уровнем, на больших — не обойтись без нивелира. Он применим при порельефной и горизонтальной съемке культурного слоя. В первом случае к исходным данным прибавляют 20, 40 и последующие количества сантиметров, получая глубины штыков. Соответственно показанию нивелира дно выравнивается. Для той же цели можно пользоваться рейкой с положенным на нее уровнем. Когда раскоп углубляется настолько, что рейкой пользоваться нельзя, внутри его устанавливают репер, относительная глубина которого известна. Репером пользуются вместо «О», учитывая поправку. При замерах производят округления до 5, 10, 15 см и т. д. Это не относится к сооружениям типа водостоков, нивелируемым с точностью до 1 см.¹

Весьма эффективным, обоснованным исторически, является прием раскопок сооружений и прилегающего культурного слоя по строительным ярусам, разработанный Новгородской археологической экспедицией, руководимой А. В. Ардиховским.

При благоприятных условиях культурный слой снимают послойно. При одном приеме раскоп начинают со стороны защищенного обрыва, где видны напластования, которые и снимают одно за другим.

Если обрыва нет, то на площади будущего раскопа закладывают траншеи, где обнажаются напластования, и снимаются послойно. Прimesняют прямоугольную замкнутую траншею шириной в 2 кв. м, опоясывающую будущий раскоп, причем наслоения видны сразу с четырех сторон и это облегчает процесс их отделения и снятия.

Б. А. Рыбаков вел раскопки приемом, в котором сочетались методы послойной и штыковой выемки грунта. Продольными и поперечными бровками раскопы разбивались на ряд прямоугольных «кессонов». Земля из кессонов выбиралась штыками, и затем бровки разбирались послойно. При раскопках Тмутаракани Б. А. Рыбаков применял раскопы, разделенные бровками на участки по 25 кв. м. На одном из раскопов, расположенном на краю плато, культурный слой был снят послойно. Послойно была выбрана и учтена керамика, результаты анализа которой сведены в таблицу. Этот раскоп стал стратиграфическим эталоном для всех остальных.

Многие исследователи снимают культурный слой не послойно, а ровными срезами, отходя от этого приема на границе соприкосновения слоев, отслаивая их. Выемка грунта частью археологов производится шты-

¹ Для определения относительных отметок можно пользоваться уклономером системы Н. Ф. Николаева.

ками, параллельными выровненной поверхности земли ровными срезами на глубину, которой достигает лопата рабочего (20—25 см) с тем, чтобы глубина была одинаковая по всей площади. При прохождении каждого штыка измеряют глубину оптимально в четырех углах каждого квадрата. Этот прием кажется наиболее удобным:¹ он дает достаточные возможности для фиксации.

Другие исследователи снимают культурный слой горизонтальными срезами — пластами по 20 см каждый, что требует большого внимания к лопате рабочего, систематического контроля за глубиной. Трудно добиться снятия пластов ровно по 20 см. Однако, если это удастся, массовый и индивидуальный материал распределяется в пределах вертикальной шкалы, каждый отрезок которой составляет ровно 20 см. Это дает возможность провести сравнительное изучение материала в равномерно пройденном грунте.

Культурный слой не всегда целесообразно снимать горизонтально. Если он залегает на поселении наклонно, раскопки следуют за естественным наклоном, иначе разновременные слои будут перерезаны и спутаны. Фиксация остается той же, что и при горизонтальном снятии грунта.

Когда выявлено сооружение, ясно видимый слой, работа ведется применительно к ним, условные срезы отступают на задний план. Перекопы изолируют и изучают отдельно. Важной задачей при прохождении раскопов в глубину является установление дневных поверхностей, соответствующих, например, верхнему уровню фундамента. В земле обычно сохраняются нижние подземные части срубов, верх которых соответствует дневной поверхности. Иногда сохраняются и самые нижние венцы надземных частей срубов. Бревенчатые надземные остатки, как правило, растаскивались населением.

При прохождении культурного слоя внимательно следят за снимаемым грунтом в разрезе, что дает возможность во время по различию грунтов уловить в профиле край землянки, зерновых ям и т. п. Тщательная зачистка, после снятия среза культурного слоя его подошвы, а также стенок раскопа, позволяет выявить контуры землянок, хозяйственных ям. Иногда до снятия очередного штыка, из опасения разрушить сооружение, необходимо с помощью пересекающей раскоп траншейки шириной в 20—30 см заглянуть в его толщу.

Когда культурный слой снят, проходят по меньшей мере один-два штыка в промежуточном слое материка с запылами культурного слоя. Шурф, заложенный после этого у одного из углов раскопа, удостоверяет полную выборку культурного слоя. После этого, перед зачерчиванием профиля, для его освежения (хорошо «читается» влажный грунт) иногда стенки поливают водой, производится его окончательная зачистка.

Центральной и ответственной задачей является расчистка сооружений — выявление их со всем заполнением «in situ». Каменные фундаменты церкви, деревянные срубы, подобные московским, можно расчистить с помощью ножа, совка или кисти, иногда пульверизатора, пинцета и ланцета. Сооружения постепенно и осторожно расчищают, начиная от вскрытых частей к не вскрытым. При расчистке надо видеть объект, поэтому расчистка с применением подкопов и подбоев недопустима. Расчищаемый объект должен находиться выше остального грунта. Тяжелее, когда сохраняется лишь древесный тлен, исчезающий при снятии грунта уже под действием солнечных лучей. Вскрытые участки сооружений

¹ Ниже мы для обозначения отдельного среза культурного слоя пользуемся понятием штык.

Рис. 2. Расчистка землянки (по М. К. Каргеру).

закрывают травой или бумагой. Бывают случаи, когда сохраняются лишь отпечатки сооружений, обугленные куски, полости в грунте. Формы деревянных изделий можно получить, заливая полости гипсом. Важно так расчистить заполнение сооружения, чтобы сохранившиеся на местах предметы дали возможность выявить реальную древнюю обстановку. Сдвигать предметы в процессе расчистки нельзя.

Надо выяснить характер и конструкцию сооружения, его дату, причину уничтожения. Если в раскопе несколько сооружений, выясняется их взаимоотношение в пространстве и во времени. Определение абсолютной датировки одного из строительных звеньев облегчает датировку остальных.

Время создания, например, колодца, датируется по наиболее ранним из найденных в нем вещей, засыпки — по наиболее поздней. Засыпка ямы вокруг колодца датируется по наиболее поздним из найденных в грунте ямы вещам. Сопоставление указанных трех дат дает возможность установить время существования колодца.

Землянки, зерновые ямы, ямки столбов выделяются на общем фоне грунта иной окраской, структурой, иногда плотностью заполнения. С того уровня, когда они замечены, землянки и ямы расчищают. Очень важно во время увидеть, не срезать сверху их стенки. Далее происходит, по выражению В. А. Городцова, «вычерпывание» землянок. При выемке грунта важно не нарушить дна сооружения. Расчистка стенок и пола землянок не должна производиться лопатой. При исследовании землянок оставляют внутри бровки или выбирают заполнение по половинам, или четвертям площади. С помощью этих приемов определяют характер напластований внутри и соотношение сооружений с окружающим грунтом. Профили последовательно зачерчивают. Грунт при расчистке землянок и срубов вынимают штыками с соответствующей фиксацией находок.

Достоинство этого способа расчистки землянок состоит в том, что они выявляются в раскопе в их естественном виде (рис. 2). При другом способе эти сооружения видны в целом только на чертеже. Зафиксированная первоначально в плане, землянка раскапывается по четвертям ее площади вместе с окружающим грунтом. Фиксация обычная. В результате получаем продольный и поперечный профиль сооружения и окружающего грунта. Легко получить и сводный план постройки. Такая методика приемлема лишь при изучении простых по внутреннему устройству землянок преимущественно в тех случаях, когда на первый план ставится задача выяснения соотношения землянки и окружающего грунта.

При датировке сооружений необходимо учитывать, что после их гибели оставшиеся от них ямы начинают немедленно заплывать. При расчистке небольших ямок представляется необходимым вначале получить их разрезы, так как при расчистке сверху искажается форма стенок ямок.

Важнейшим этапом изучения сооружений — является их разборка. В ходе ее важно прежде всего выделить для единовременной фиксации группы одновременных сооружений. При разборке становится особенно ясны многие особенности конструкции, приемы создания, история их.

Сооружения изучают в связи с окружающими напластованиями. Важно установить соотношения сооружений с древними «дневными поверхностями», отложился ли окружающий грунт при существовании сооружения или после его гибели. Если сооружение выходит за пределы раскопа, весьма желательно сохранить вскрытую часть до того времени, пока оно не будет вскрыто и изучено целиком.

Раскопки валов и рвов городищ — тема особая, но тесно связанная с изучением поселений. Чаще всего вал, ров и прилежащие площади

поселений разрезают траншеей, перпендикулярной валу. Несоблюдение перпендикулярности дает искаженное представление о разрезе сооружений. Очень важно исследовать стык напластований вала и поселения, то есть перерезать вал до материка по вертикали и за пределы его по горизонтали, что даст возможность их относительной датировки. Траншея разбивается на квадраты, причем сетка квадратов проектируется на вал и ров.

Как и поселение, вал раскапывается горизонтальными и порельефными срезами. Последний, как следующий за обычно наклонными наслоениями валов и рвов, кажется более предпочтительным. При зачерчивании профилей вала и рва важно проследить остатки их конструктивных элементов. Изредка бывает важно вычертить профили вала и рва в масштабе 2:1 по отношению к масштабу плана. Но в основном для сопоставления необходимо профили валов и рвов, как и профили стенок раскопок, вычерчивать в одном масштабе с планами соответствующих объектов.

При фиксации профилей вала и рва полезны цветные зарисовки. Кроме разрезов, применяют вскрытие отрезков вала изнутри и снаружи. Цель таких вскрытий — обнаружить поверхности внутренних сооружений вала и исследовать жилища, часто врезанные в валы городищ.

Советской археологической науке присуще максимальное внимание к массовому материалу, стремление изучать типичные для памятника вещи, производство и культуру социальных низов. Массовый материал состоит из керамики, костей животных, обрывов кожи, зерна. Находки, как правило, сотрудники экспедиции собирают поквратно. Для обеспечения сбора проводят инструктаж рабочих. Иногда за каждым из них закрепляют квадрат.

Нужно, чтобы находки собирали «in situ», а не за пределами раскопа. Это заставляет уделять внимание «лопате» рабочего. Он должен делать тонкий срез (2—3 см), переворачивать землю, разбивать ее. Лишь тогда, когда подобным образом проработана вся земля, начинается ее выбрасывание. Особенно эффективен этот прием при раскопах с песчаными грунтами.

На раскопах с более твердыми грунтами просмотр ведут рабочие, которые в раскопе или за его пределами (что хуже) поквратно просматривают землю, разминая ее, раздробляя ножом. Хорошо просмотренная земля имеет вид гречневой и даже манной крупы. Нередко оба способа просмотра сочетаются. Находки систематически следует выбирать из раскопок, иначе может забыться их местонахождение.

Рядом с раскопом разбивают сетку квадратов, повторяющую раскоп в целом или в миниатюре. С соответствующих квадратов раскопа на квадраты вспомогательной сетки раскладывают массовый материал, который моют еще в поле, это облегчает его систематизацию и описание. В поле полезно и составление инвентаризационных описей находок. В этом случае находки пакууют в пакеты по квадратам, причем материал разных видов отделяют.

Каждую группу находок снабжают этикеткой. Книжка с корешками тех же этикеток служит для учета пакетов массового материала. На каждый раскоп заводят особую книжку этикеток. На обертке пакета ставят наименование экспедиции, год раскопок, наименование раскапываемого объекта, номера раскопа и пакета и указывают вид материала.

Если памятник раскапывают много лет и керамика его статистически изучена на большом материале, и таким путем установлены ее руководящие формы, исследователь вправе брать только образцы ранее известной посуды (венчики, днища, плечи, орнаментированные стенки). Керамику

ранее неизвестных типов берут целиком. Нельзя отбирать образцы по интуиции.

Остеологические находки — ценнейший вид массового материала. Берут все определяемые кости (наиболее важны кости черепа и конечностей). Особенно выделяют костные находки из жилищ, ям, погребов и прочих сооружений. Соединение костей из разных частей раскопа, иногда возможное при однородности грунта, отсутствии сооружений, должно быть обосновано.

Мелкие неопределимые, нехарактерные, но учтенные, описанные фрагменты костей и керамики для проверки складывают в кучи, а затем зарывают в место, точно зафиксировав в дневнике.

Зерно берут целиком вместе с землей, чтобы избежать его потери, папортизируют. Важно собрать и зерна дикорастущих растений.

Не всегда обращают внимание на остатки кожи. Между тем, изучение образцов кожи и обрезков-отходов, добытых при раскопках Москвы, позволило не только реконструировать основной тип обуви, но и проследить его изменение во времени.

Полевая обработка массового и индивидуального материала должна повседневно поспевать за ходом раскопок, она позволяет уже в ходе раскопок определить, например, наличие на памятниках следов разновременных поселений, даже если профиль не устанавливает их присутствия.

Находки, имеющие значение при определении даты, характера сооружений («индивидуальные») выделяют из общей массы вещей, зафиксировать их в поле необходимо наиболее тщательно. Находки, относящиеся к сооружениям, раскапывают и фиксируют так, чтобы выявилась реальная обстановка существования сооружения. Местоположение каждой находки наносят на план, измеряют глубину нахождения. Для нанесения на план пользуются специальной рамкой площадью 1×1 м, разделенной на квадраты площадью 10×10. Это относится, например, к монетам — важнейшему датировочному материалу. Для микронизучения фауны и флоры, в частности, для пылецевого анализа берут образцы почв, дерева, золы, угля и т. д.

Для паспортизации индивидуальных находок используют особые книжки этикеток, где проставляют все основные данные о месте и обстоятельствах нахождения, номера пакета, по плану. Полезны большие этикетки, в них можно завертывать мелкие находки (на обертке проставляют указанные выше сведения).

Иногда при выемке находок из культурного слоя приходится прибегать к услугам реставраторов. Хрупкие деревянные или костяные предметы берут в гипс уже в раскопе (метод А. В. Кирьянова). Применяется и другой метод (разработан в Эрмитаже), при котором почва и находящиеся в ней предметы пропитываются клеем. При этом в глубину почвы крепящий состав загоняется с помощью шприца.

Важно организовать хранение так, чтобы вещи были доступны в случае надобности для обозрения. Разрушающиеся предметы укрепляют и реставрируют еще в поле. Расслаивающиеся кости и керамику закрепляют клеем. Деревянные вещи хранят в сосудах с водой, куда добавлен формалин. Наиболее сохранившиеся медленно просушивают в разъемных гипсовых формах, станиоле, парафинированной бумаге. Необходима инвентаризация индивидуального материала уже в процессе раскопок.

Ход и результаты раскопок во всех их существенных чертах отражают в дневнике — основном документе археологической отчетности. Руководитель экспедиции ведет дневники раскопок поселения в целом и фиксирует основные хронологические, стратиграфические и исторические

наблюдения. Дневники ведут начальники раскопов — основных рабочих единиц. Надпись на обложке свидетельствует о том, кем, в составе каких экспедиций и отрядов, на каком памятнике, когда вели дневник. Записи ведут ежедневно и должны полностью соответствовать данным планов и профилей. Страницы нумеруют.

Записи дневника открывают описанием объекта работы. Указывают его точное расположение по отношению к ближайшему населенному пункту и ориентирам, цель, ради которой разбивается раскоп, местоположение его на памятнике, ориентировку, форму и размер, порядок нумерации квадратов и их размер, состояние поверхности раскопа (рельеф, распаханность, наличие ям).

Дальнейшее изложение ведут по штыкам или другим подразделениям, принятым исследователями. Когда открывают сооружение, ход работы, а соответственно ее описание следует за вскрытием сооружений и связанных с ним напластований. Вещи, найденные в сооружении, описывают вместе и в связи с ним. Если сооружение уходит в нижележащий штык или за границы раскопа, это оговаривают и после исследования комплекса описание его сводят воедино.

В пределах описания каждого штыка изложение ведут систематически. За порядковым номером следует отметка глубины. Затем описывают грунт, его основную массу, примеси, включения, структуру, цвет, причем фиксируются пятна, их местонахождение и размер. Ниже описывают сооружения. Указывают глубину залегания от 0, верха раскопа, древних поверхностей, основные и детальные промеры. Изложение дневника сопровождается уменьшенными до размера страницы планами раскопов с нанесенными на них схемами и рисунками построек, где проставлены размеры и отметки глубин¹.

Далее описывают массовый материал (строительные остатки, керамику, кости домашних и диких животных). Полезно прибегать к таблицам, где по вертикали в строго определенном порядке перечислен массовый материал разных видов, по горизонтали номера квадратов. В клетки таблицы проставляют количество керамики, костей, шлака, камней и др. Отмечают количество взятого материала. С помощью таких табличек экономят рабочее время и место в дневнике. После заполнения таблицы дают сводный анализ материала.

Желательно указать технику изготовления сосудов, состав и цвет глины, примеси, обжиг, формы, размеры сосудов и их частей (тулова, венчиков, плечиков, шейки, донца и ручек), орнамент, обработку поверхности, клейма, толщину стенок, назначение сосудов. Фиксация размеров и характера краев обломков керамики и строительных остатков помогает определить, одновременно или в течение длительного времени отложился культурный слой. Зарисовывают руководящие формы профилей и орнаментов керамики.

В дневнике приводится описание важнейших индивидуальных находок, дать полный их список при раскопках средневекового поселения, особенно города, обычно невозможно. Упоминают все те находки, которые характеризуют штык, с указанием глубины нахождения, дают их схематическую зарисовку с указанием размеров, упоминают о связи с

¹ Некоторые исследователи предпочитают вести записи в анкетах с набором вопросов или карточках, составляемых для каждого квадрата, участка, штыка, слоя архитектурного сооружения. Анкеты выгодны тем, что в максимальной мере устраняют возможность упущений, что позволяет расширить круг научных сотрудников. Анкеты и карточки удобны при составлении отчетов. Неудобство же состоит в повторениях, наличии сплошь и рядом незаполненных граф при отсутствии тех или иных данных.

жилищами, производственными комплексами. Некоторые археологи указывают в дневнике точное местоположение находки (напр. «60 см от южной стороны квадрата и в 15 см от восточной»). Подобная дублировка плана кажется нецелесообразной.

Большое внимание надо уделить описанию донной части раскопа (поверхности материка), ям на ней, зерновых, жилых, от столбов. Следы сооружений особенно хорошо видны на дне раскопа.

В конце записей по штыку дают основные выводы. В дневнике описывают профили раскопа, промежуточных бровок, предусматривающие характеристику основных слоев и прослоек. Указывают длину прослоек, толщину в узловых местах, дают характеристику формы и состава, цвета и структуры грунта. Необходимо объяснить значение и ход возникновения тех или иных прослоек. С этой целью обязательно рассмотреть и находки. Особую ценность представляет изучение слоев строительных и образующихся при пожарах. Они нередко датируются письменными источниками и дают возможность определить периодизацию напластований.

Описание профилей служит важным материалом для выводов, которые дают в конце записей по раскопу. Они рисуют историю раскопанного места, смены сооружений (планировку), возникновение напластований. Определяются даты сооружений и слоев.

В дневнике приводят опись чертежей и рисунков, сделанных по тому или иному раскопу.

В подавляющем большинстве случаев применяют графическую, а не живописную фиксацию. Последняя применяется обычно при воспроизведении находок или сооружений, когда важно зафиксировать их цвет (например, многокрасочных майоликовых полов), а также, когда исполняют общие виды раскопов. Применение планов и профилей, выполненных в живописной манере, кажется нецелесообразным.

Как основной вид графической фиксации, необходимы планы по штыкам, изготавливаемые в масштабе 1:20. Иногда составляют сводный план на несколько штыков, отражающий комплекс одного слоя или периода. Этот способ представляется менее строгим. Изображения нижних сооружений выполняются с помощью пунктира.

На планах указывают наименование экспедиции, отряда, памятника, номера раскопа, штыка или комплекса. С помощью условных обозначений, на чертеж наносят сооружения, ямы, содержащиеся в штыке, проставляются глубины залегания сооружений. На полях плана приводят перечень находок в порядке их обнаружения, где указывают материал, из которого сделана та или иная находка, глубину залегания, номер квадрата для облегчения отыскания на плане. Обычно для находок всех штыков раскопа применяют единую нумерацию, но если находок много — нумерацию по штыкам или даже участкам штыков, оговаривая это.

На полях листа с планом дается его порядковый номер по описи чертежей, цифровой и линейный масштабы, дата изготовления и фамилия исполнителя, условные обозначения. План ориентируют по сторонам света. По внешнему контуру изображения раскопа проставляются нивелировочные отметки (на стыках квадратов). Планы отдельных раскопов одного памятника сводят воедино с целью создания целостных картин. Для сводных чертежей удобен масштаб 1:40.

Обычно основной грунт штыка не обозначается, а лишь ямы, пятна. Однако некоторые исследователи применяют условные обозначения грунтов, материалов, включений при составлении планов, так же как и профилей. Возможность использования этого приема надо изучать (рис. 3).

Рис. 3. Применение условных обозначений на плане раскопа (по Л. А. Голубевой).

Наряду с планами нередко изготовляют аксонометрические рисунки раскопов, которые особенно наглядно устанавливают взаимосвязь сооружений разных уровней и времен, чертежи отдельных сооружений в масштабе 1:10 (планы, разрезы, перспективы, аксонометрические рисунки).

Профили раскопок и бровок так же важны, как и планы. Надо зафиксировать все характерные профили. Необходимы точные чертежи, предусматривающие выявление особенностей исторической стратиграфии памятников. Наилучшие возможности для толкования профиля имеются в поле. Толковательные чертежи, выполненные на кальке пунктиром, удобны для сопоставления с основными чертежами. Чертежи дополняют фотографиями профилей. Для съемки профиля на стенке раскопа отбивается горизонтальная линия на известной глубине от О, обеспечивающая правильность горизонтальных промеров, и вертикальные линии границ квадратов¹.

Правильно выполненные профили сходятся друг с другом в углах и с планами. Важно удостовериться в полном соответствии друг другу чертежей и данных дневника. В наиболее важных и уникальных случаях изготовляют монолиты профилей по методам, принятым в геологии.

Раскопы, разведывательные шурфы и траншеи, материал наблюдений наносят на сводный план памятника масштабом, например, 1:1000 при сечении горизонталей через 1 или 2 м. План изготовляется с помощью теодолита, буссоли.

При фотофиксации применяют черно-белые, цветные, а в последнее время стереоскопические снимки. Фотофиксация следует за важнейшими моментами раскопок. Необходимы общие виды раскопов, запечатлевающие соотношение сооружений, дающие возможность по прошествии длительного времени воспроизвести тот или иной момент работы, фотоснимки отдельных сооружений и их деталей. Трудно выполнимы, но важны съемки наслоений в плане и профиле.

Съемка неполноценна без масштаба, ориентировки снимка. К снимаемому объекту подкладывают номера раскопов и квадратов, снимков. Под теми же номерами систематически дается описание фотофиксации в журнале фотосъемок, где отмечают дни съемок. По окончании фотоработы создается альбом контактных отпечатков фотоснимков с пояснениями.

Киносъемка запечатлевает общий ход работы и иногда отдельные наиболее важные моменты ее, например, нахождение уникальных предметов. Материал киносъемки монтируется в научный фильм о раскопках.

Механизмы все чаще находят место при раскопках, вытесняя носилки, корзинки, тачки, вагонетки. Машины предназначены для выгрузки земли из раскопов, отвала земли от их краев, снятия балласта. Основным для раскопок является попрежнему труд рабочего-землекопа.

Для выгрузки земли из раскопов применяются механизмы, которые, находясь на краю или внутри раскопа, не вызывают обвалов стенок. Это транспортеры, скипы с ручными и электролебедками, краны «Уралец» и «Пионер». У последних широко расставлены колеса, что предохраняет края раскопов от обвалов. Грунт поднимается на тросе в ящике. Применение кранов такого типа рационально. Для очистки краев раскопов применяются скреперы, бульдозеры, тракторы-погрузчики, экскаваторы. Необходимо следить за работой этих тяжелых механизмов на краю раскопа, во избежание обвалов. Для снятия балласта удобны скреперы, у которых глубина среза грунта точно регулируется.

¹ Линии слоев на чертеже получают путем соединения точек, лежащих на пересечениях границ квадратов и границ слоев. Глубины промеряются от О и вспомогательной линии.

Объем раскопочных работ зависит от количества средств и наличия научного персонала. Научный сотрудник может вести наблюдение, приблизительно, за 5—10 рабочими. Эффективность работы во многом зависит от расстановки рабочих. Наиболее правильной представляется такая, расстановка, при которой на каждый 4 кв. м приходится один копающий и наблюдающий рабочий. Известен и другой прием, при котором рабочих расставляют независимо от сетки квадратов, цепью. Необходимо учитывать направление ветра, солнечного освещения и т. д.

В раскопках средневековых поселений нередко участвуют десятки и сотни рабочих. Бывают случаи, когда глубина раскопа достигает нескольких метров. Вскрывают грунт, содержащий строительные остатки. В этих условиях к научным задачам археолога прибавляется требование обеспечить безопасность рабочих и научного персонала. Это обязывает археологов проводить среди рабочих и научных сотрудников инструктаж по технике безопасности.¹ Прохождение инструктажа должно удостовериться подписями работников.

На раскопках чаще всего угрожают обвалы стенок и насыпного грунта-выброса. С обвалами стенок борются путем создания скосов и ступенек: на 1—2 м высоты приходится ступенька шириной около 1 м. Можно пользоваться распорами из вертикально поставленных досок и горизонтальных крепящих бревен. Осыпание насыпного грунта в некоторых случаях предотвращают путем установки предохранительных деревянных решеток. При раскопках в многолюдных городах раскопы ограждают. При окончании работы раскопы засыпают, иначе туда могут упасть люди, и животные.

Археологи, имеющие право на производство раскопок, согласно «открытому листу», несут ответственность за их качество, полноту фиксации безвозвратно разрушаемых в процессе исследования памятников старины. Ход раскопок, методику их и основные результаты исследователь обязан отразить в археологическом отчете о каждом раскопочном сезоне. Отчет и прилагаемая к нему графическая документация должны соответствовать положениям инструкции.

¹ При несчастном случае, лицо, признанное в нем виновным, привлекается к административной или судебной ответственности.

Список некоторых работ и инструкций по методике раскопок поселений и могильников.

1. Авдусин Д. А., К методике раскопок больших курганов XI, 1951.
2. Блаватский В. Д., Приемы раскопок античных городов. Доклады и сообщения ист. ф-та Изд. МГУ, 1948, в. 7.
3. Блаватский В. Д., Культурный слой античного городища КСИИМК, в. XXXV, 1950.
4. Велласте Л., Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений, КСИИМК, в. VIII, 1952.
5. Воеводский М. В., О методике раскопок открытых палеолитических стоянок. Доклады и сообщения историч. факультета МГУ, Изд. МГУ, в. 7, 1948.
6. Воронин Н. Н., Некоторые вопросы методики раскопок древнерусского города. КСИИМК АН СССР, в. XXXVIII, 1951.
7. Городцов В. А., Руководство для археологических раскопок, М., 1914.
8. Д-ва С. А., Руководство к производству археологических раскопок и хранению добываемых при раскопках предметов древности, СПб., 1898.
9. Евтюхова Л. А., и Колчин Б. А., О некоторых методических приемах археологических исследований в СССР. Вестник Академии наук, СССР, 1952, в. 5.
10. Евтюхова Л. А., О некоторых приемах современной археологической методики в СССР КСИИМК I, 1953.
11. Инструкция к «Открытому листу» на право производства археологических раскопок и разведок. М.-Л. 1949.
12. Инструкция по взятию зерен культурных растений при археологических раскопках. Комитет полевых исследований при ИИМК, 1951.
13. Кирьянов А. В. Применение разъемных гипсовых форм при археологических раскопках, КСИИМК, XLIX, 1953.
14. Кислов М. Н., Приемы топографической съемки Гнездовских курганов КСИИМК XLVII, 1952.
15. Мерперт Н. Я., К методике раскопок степных курганов Поволжья. КСИИМК, в. XLVII, 1952.
16. Пивлов А. П., Заметка о способах укрепления и предохранения от окончательного разрушения полуразрушившихся предметов, найденных при раскопках. Древности. Труды Имп. Москв. Арх. Общ. Протокол № 630.
17. Пассек Т. С., Методика полевых исследований трипольских поселений, МИА СССР, № 10, М.-Л., 1949.
18. Покровский А. М., Заметка о собирании и сохранении антропологич. материала при раскопках. Археологич. летопись Южной России. т. II.
19. Руководство для раскопки. Изд. Известия, общ. естест. в т. XVII, 1877—1878.
20. Румянцев Е. А., Использование синтетических смол при археологических раскопках, КСИИМК, XLIX, 1953.
21. Самоквасов Д. Я., Инструкция для научного исследования курганов.
22. Самоквасов Д. Я., Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908.
23. Сорокин С. С., О некоторых приемах нивелирования при археологических раскопках, КСИИМК, 53, 1954.
24. Спицын А. А., Производство археологических раскопок, СПб., 1895.
25. Спицын А. А., Археологические раскопки, СПб., 1910.
26. Столяр А. Д., Опыт применения землеройно-транспортных машин при полевых работах Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950—51 гг., КСИИМК в I, 1953.
27. Федоров Г. Б., Инструкция для начальников раскопок по Молдавской археологической экспедиции. Архив экспедиции.
28. Фляк С. И., Руководство для археологических раскопок и обработка добытого раскопками материала. М., 1911.

КОНЦЫНУТУЛ СҚҰРТ

ал артиколулуй луй Е. А. Рикман «Деспре методика сәпәтурилор археоложиче пентру дископериря ашезэрилор медиевале ын Молдова»

Ауторул ыннаинтязэ спре а фи дискутате ун шир де ынтребэрь ку привире ла продучеря ши фиксаля сәпәтурилор пентру дископериря ашезэрилор. Се дескриу диферите методе де организаре а сәпәтурилор пентру черчетаре, де делимитаре а сәпәтурилор, де скоатере а пәтурий култура-ле, де курэцире а зыдирилор, де дучере а зылникулуй, де етикетаре, де лукрэрь графиче, де фиксаля ку ажуторул фотографийерий ши а филмэрий. Фэрэ а фи о инструкции, лукраря купринде енумэраля унор методе де организаре а сәпәтурилор пентру дископериря ашезэрилор.

RÉSUMÉ

de l'article de E.A. Rickmann «Sur la méthode des fouilles archéologiques aux établissements moldaves du moyen âge».

L'auteur soulève plusieurs problèmes concernant l'exécution et le fixage des fouilles aux établissements. Il décrit différents procédés de fouilles archéologiques, de disposition des fouilles, d'enlèvement de la couche de culture, de déblaiement des constructions, de rédaction des journaux, d'étiquetage, de dessin technique, de photographie et de filmage.

Ce n'est pas une instruction proprement dite. Tout de même cet article contient un résumé des procédés employés à la fouille des établissements.

Г. Ф. ЧЕБОТАРЕНКО

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ МССР

В 1955 г.¹

В 1955 году археологические раскопки на территории МССР велись двумя экспедициями: Молдавской и Прутско-Днестровской.

1. Молдавская экспедиция

Молдавская археологическая экспедиция в 1955 году, как и в предыдущие годы, была организована ИИМК АН СССР и ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР. В ее работах приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Кишинева, Львова, аспиранты и студенты Московского института архитектуры, Московского Государственного университета, Кишиневского Государственного университета, Кишиневского пединститута и др. Начальник экспедиции — Т. С. Пассек.

Экспедиция вела работу по исследованию на территории среднего и нижнего Поднестровья памятников трипольского, раннескифского, раннеславянского времени, а также производила раскопки древнего молдавского города Старый Орхей и археологические разведки. В составе экспедиции работало 4 отряда, проводивших изучение на 13 объектах.

1. Отряд первобытной археологии под руководством Т. С. Пассек продолжил исследование могильника поздне трипольского периода начала II тыс. до н. э. в с. Выхватинцы, Рыбницкого района. В 1955 году были вскрыты 25 погребений. Вскрытие могильника большой площадью (более 200 кв. м) позволило уточнить многие черты погребального обряда. Например, выяснено, что могилы, после захоронения в глубоких ямах, повидимому, перекрывались накатом из дерева и затем уже засыпались землей. Места могил обозначались в древности выкладками из плоских известковых плит, часто окружавших правильным крутом, полуovalом трупоположения. В некоторых погребениях дно могилы посыпали охрой (красной), в других случаях покойника сверху засыпали белой каолиновой глиной. Распространен обычай класть над головой известковый камень. В каждой могиле найдены от 2 до 8 сосудов.

Керамика большей частью расписная, остальные сосуды изготовлены из глиняной массы с примесью толченых раковин и украшены оттисками веревочки. Среди других находок интересны пряслице, бусы, сделанные из раковин или камня, глиняные стоячие статуэтки изображения почитаемого женского божества. Интересны и другие предметы, найденные во время раскопок 1952 года, среди которых каменный топор, медное

¹ Настоящая статья написана по данным отчетов о работах 1955 г., проведенных Т. С. Пассек, Г. Б. Федоровым, А. И. Мелюковой, Э. А. Рикманом и Г. Д. Смирновым.

шило, кремневые серпы, роговая мотыга, антропоморфные погремушки и миниатюрные сосуды.

Погребения Выхватинского могильника свидетельствуют о наличии имущественного разделения в патриархально-родовом обществе позднего Триполья.

Вторым пунктом, где проводились раскопки, является трипольское родовое поселение у села Солончены, Резинского района. Здесь вскрыт участок свыше 250 кв. м (работы проводились под наблюдением Т. Г. Мовша).

Открыты остатки большого наземного трипольского дома, характерного для матриархально-родового общества эпохи энеолита. Это огромный прямоугольный в плане дом около 20 м длины, 8—9 м ширины, общей площадью в 144 кв. м. В нем прослежены 4 отдельных камеры, 3 поперечные перегородки. В доме обнаружено 8 печей. Дом построен из обмазки глины, которая смешивалась с половой и соломой. Из глины лепились вальки, затем обжигались. В доме хорошо выделяются отдельные рабочие места. Под основой дома обнаружен череп собаки, сосуд с костями животных, повидному положенный сюда как жертвоприношение в момент закладки дома.

Среди находок интересны женские статуэтки, каменные клинья, долота, кремневые наконечники стрел. Находки злаков культурных растений в глинобитной обмазке, зернотерки, большие сосуды для хранения зерна указывают на расширение значения в хозяйстве земледелия, большое число костей домашних животных — на развитие скотоводства у трипольских племен Поднестровья в середине III тыс. до н. э.

Отрядом проведены разведывательные работы (в бассейне р. Реут) на селище неолитической культуры типа «Боян» Подунавья и раннетрипольского периода у с. Флорешты, Флорештского района, датируемой, видимо, IV тыс. до н. э. Кроме того, это поселение дало материалы, показывающие ту основу, на которой возникла раннетрипольская культура. Здесь же на поселении у с. Флорешты обнаружен нижний слой, относящийся к культуре линейно-ленточной керамики средневропейского типа. Исследование этого поселения позволит в дальнейшем разрешить вопрос о соотношении культур дунайской и средневропейской, а также вопрос о происхождении Триполья.

2. Отряд скифской археологии под руководством А. И. Мелюковой, при участии И. К. Свешникова продолжал изучение памятников эпохи раннего железа, предскифского времени у села Шолданешты, Резинского района. Работы велись параллельно на могильнике этого времени и на синхронном ему поселении.

На могильнике вскрыты интересные погребения с трупосожжением, датируемые VIII в. до н. э. Кроме того, здесь впервые для этого времени открыт древний «крематорий» — место для сожжения умерших.

На поселении продолжены раскопки по изучению жилищ предскифского времени. Здесь найдены остатки двух больших глинобитных жилищ с остатками стен, печей и др. Найдено в них немало сосудов для хранения припасов, каменных зернотерок, особых каменных вымоستков — рабочих мест в доме. Предварительные итоги раскопок у с. Шолданешты ставят по новому решению вопроса культуры и экономики одной из групп фракийских времен Поднестровья в предскифское время.

3. Отряд раннеславянской археологии под руководством Э. А. Рикмана продолжил начатое в 1954 г. изучение могильника эпохи «полей погребений» — II—IV в. н. э. у села Будешты, Криулянского района.

Вскрыто 255 погребений. На могильнике обнаружены трупосожжения и труположения, которые сочетаются примерно в равном количестве.

В погребениях с трупосожжениями встречаются одна или несколько урн, прикрытые целыми сосудами или их обломками.

Погребения с труположениями весьма различны по своим типам. Встречаются костяки без видимых ям, ориентированные по направлению с севера на юг; такие же костяки в ступенчатых ямах; погребения в ямах, ориентированные по направлению с запада на восток; такие же костяки без видимых ям и т. д. Много погребений оказались частично разрушенными, при этом отдельные части костяков сохраняются целиком, а другие полностью отсутствуют. Ориентировка этих погребений с севера на юг, а также с запада на восток.

В погребениях, как и в грунте, найдены древние вещи. В грунт они попали из разрушенных погребений.

Большинство вещей относится к черняховской культуре, как то: бронзовые пряжки, сердоликовые, стеклянные и пастовые бусы, обломки стеклянных сосудов, железные ножи и т. д.

Большой интерес представляют обнаруженные в погребениях железный кинжал и наконечник копья и найденный в грунте бронзовый наконечник стрелы. Найдены ракушки из Индийского океана, указывающие на некоторые связи с другими народами.

Керамика, найденная в погребениях, сделана на гончарном круге и лепная. Среди форм керамики, сделанной на круге, типичны округлобокие горшки на плитчатых и кольцевых днищах. Среди форм лепной посуды — вытянутые горшки. Керамика изготовлялась на месте, так как недалеко от могильника на селище, синхронном могильнику, найдены развалины печи для обжига керамики. Печь состоит из обжигательной и топочной камер. Топка расширена, а устье ее вытянуто к предпечной яме.

Неподалеку от печи найдены развалины наземной, прямоугольной в плане, глинобитной жилой постройки. К востоку от нее найдено скопление жерновов и под печи из камней. Здесь, повидному, было производство мукомольное и по выпечке хлеба. Раскопки селища показали, что оно синхронно могильнику.

Могильник и синхронные ему селища, расположенные неподалеку, датируются бронзовыми фибулами с подвязанным приемником II—IV вв. н. э.

4. Отряды по изучению молдавского средневековья. Под руководством Г. Д. Смирнова продолжено изучение молдавского средневекового города Старый Орхей. В 1955 году закончены раскопки мастерской, изготовлявшей печные изразцы. Пол мастерской залегал на глубине почти 3 м от поверхности земли. Стены сделаны из толстых бревен диаметром 25—35 см с двумя тамбурами — входами, направленными на север и запад. Различаются два строительных периода. Мастерская разделена на 2 помещения — хранилище сырья и изделий и рабочее помещение, где было, повидному, 5 станков.

В этом же году были продолжены работы по изучению цитадели. Изучался воронкообразный в разрезе ров, сооруженный, повидному, раньше каменной цитадели и являющийся частью земляной цитадели, предшествующей каменной.

Продолжались раскопки молдавских кладбищ. Найдены христианские погребения (ориентированные головой на запад), руки перекрещены на груди. В одном погребении найдена бронзовая литая пуговица. Раскопана также гончарная печь — прямоугольная в плане с топоч-

ной и обжигательной сводчатой камерами. Печь сложена из обожженного кирпича, квадратной формы.

Одновременно на территории цитадели велись раскопки жилища — землянки первой половины XV в. Землянка предшествовала сооружению цитадели. Глубина землянки доходит до 2 м. Здесь наблюдаются два строительных периода. В первом строительном периоде землянка представляла собой квадратную яму с земляными стенами и ступенчатым земляным входом, направленным на запад, покрытая, повидимому, соломой или камышом. В юго-западной половине находился небольшой очаг, а в восточном углу — углубление, сделанное в стенке землянки, служившее хранилищем припасов. В землянке жили недолго. Второй строительный период более продолжительный. Пол поднят почти на 60 см над уровнем прежнего, стены забраны бревнами, вертикально расположенными и в свою очередь обшитыми досками. Крыша, вероятно, двускатная, камышевая или земляная, вход также ступенчатый обращен на запад. В южной стенке, повидимому, имелось одно окно. В южной половине землянки расположена сводчатая глинобитная печь, устье которой выходило на середину землянки.

В землянке найдены две молдавские монеты первой половины XV в. Одна из них чеканена при господарях Ильяше I и Стефане II (1435—1443), другая при господаре Стефане II (1442—1444, 1445—1447). Здесь же найдены обломки сероглиняной и красноглиняной посуды. Преобладает серая. Хозяевами землянки, повидимому, употреблялась одна лишь сероглиняная керамика. Среди форм этого периода имеются стройные, высокие округлобкие сосуды с одной ручкой и без ручек, с рифленой поверхностью на верхней части туловища или без орнамента, с плоским дном и хорошо профилированным венчиком. Горшки покрывались глиняными крышками.

Среди находок интересны серьги и бубенчик. Серьги, сделанные из меди и посеребренные в виде вопросительного знака. На нижнем кольце — 3 подвески, сделанные из медной проволоки, на которой нанизаны по два пустотелых шарика, а между ними в виде цветка скручена спиралью тонкая проволока. Интересна находка старинного молдавского музыкального инструмента — дрымбы.

Группа этого же отряда под руководством Л. Л. Полевого произвела разведочные раскопки на территории сорокской цитадели. Было заложено несколько шурфов и траншей во дворе, в полуподвальных помещениях и в северо-восточной башне, а также произведена расчистка жилищ, расположенных над сводами полуподвальных помещений. Материал везде однородный XVI—XVII вв., датируемый монетой Сигизмунда III. Мощность культурного слоя варьирует от 30 см в полуподвальных помещениях до 3 м в башне. Раскопки двора дали не только молдавский средневековый керамический материал, но и материал культуры трипольской, скифского времени, эпохи «полей погребений» и древнерусской. Так как культурный слой сильно нарушен, то не удалось проследить точную стратиграфию.

Этим же отрядом произведена разведка в Оргеевском районе у с. Бравичены, где еще в 1954 году Г. Д. Смирновым был обнаружен памятник XV в. При небольшой шурфовке эти результаты подтвердились. Произведен сбор подъемного материала на селищах молдавского средневековья и культуры «полей погребений» в окрестностях с. Трибулены, Оргеевского района.

В 1955 году под руководством Э. А. Рикмана велось дальнейшее обследование городища Костешты XIV в., составлен геодезический план этого памятника.

II. Прутско-Днестровская экспедиция

Прутско-Днестровская археологическая экспедиция в 1955 году была организована ИИМК АН СССР и ИИЯЛ МФАН СССР. В ее работах приняли участие ученые Москвы и Кишинева, аспиранты и студенты Московского института архитектуры, Московского Государственного университета, Московского историко-архивного института, Кишиневского Государственного университета и др. Начальник экспедиции Г. Б. Федоров.

Экспедиция вела изучение могильника и синхронного ему селища у с. Малоешты, Рышканского района. Вскрыты 34 погребения, где сочетаются трупосожжения и трупоположения.

Среди них наиболее интересны несколько погребений. Трупосожжение в урне покрыто остатками щита — умбоном и ручкой. В отличие от остальных погребений этого типа, в урне нет остатков сожженных костей, пепла. Повидимому, это поминальное погребение по воину, который погиб где-то далеко. Определенный интерес представляет трупоположение в ступенчатой яме с небольшими углублениями — катакомбами у головы и ног покойника, где хранились вещи: 8 горшков и мисок, стеклянный бокал, скорлупа гусиного яйца и др.

Среди находок на этом могильнике представляет интерес глиняный кувшин с широким и высоким горлом, типичный для черняховской культуры, глиняная миска, покрытая у подвенчика пролощенным орнаментом с тремя маленькими ручками, 3 стеклянных бокала, из которых хорошо сохранился лишь один с греческой надписью у венчика.

Археологические раскопки 1955 года дали новые большие и ценные материалы для изучения важнейших вопросов древней истории Молдавии.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Г. Ф. Чеботаренко «Сэпэтурь археоложиче, ынфэптуитэ пе териториул Молдовей ын курсул анулуй 1955»

Ын курсул анулуй 1955 Экспедиция археоложикэ молдовеняскэ а Институтулуй де историе, лимбэ ши литературэ ал Филиалей Молдовенешть а Академией де Штинь а Униуний РСС ши а Институтулуй де историе а културый материала ал Академией де Штинь а Униуний РСС (шеф — докторул ын штинь историче Т. С. Пасек) шь-а континуат черчетэриле.

Отрядул де археоложиче примитивэ, кондус де Т. С. Пасек, а черчетат ун цынтирим дин эпока триполике тырзые — ынчепутул челуй де ал дойля милениу ыннаинте де ера ноастрэ, каре а фост дископерит ын сатул Выхватницэ, районул Рыбница. Ау фост дизгропате 25 морминте. А фост студиятэ ши ашезаря де ням дин эпока триполике дела Солончений II ын районул Резина ши ау фост ындеплините лукрэрэ де черчетаре ын ымпрежуримиле сатулуй Флорешть, районул Флорешть пентру а се гэси о ашезаре а културый де типул «Бояны» ши о ашезаре а културый де типул еуропян мижлочиу, кынд се фолосяу объекте де черамикэ ку орнаменте линиаре.

Отрядул де археоложиче считикэ, кондус де А. И. Мелюкова, а континуат сэ студиезе монументе але епочий де фер тимпурий ши ашезэрэ дин периода антесчитикэ лынгэ сатул Шолдэнешть, районул Резина.

Отрядул де археоложиче славэ тимпурие, кондус де Е. А. Рикман, а дизгропат лынгэ сатул Будешть ун цынтирим ши о сэлиште дин вакуриле II—IV але ерей ноастре. Ау фост дископерите 255 морминте ши ау фост студияте локуинць ши инсталаций де продучере (куптор де олэрие) ши а. м. д.

Отрядул, каре се окупэ ку студияр археоложиче молдовенешть медиевале, а континуат сэ черчетезе монументеле дин Векюл Орхей — ораш молдовенеск дин пряжма вакурилор XIV—XVI. Ау фост дизгропате: ун ателиер де фабрикаря кахлей, о локуинць-бордей, шанцул уней четэцы де лут ши ун куптор пентру арс кэрэмида.

Экспедиция прүто-нистриэ а студият сэлиштя дин эпока «кымпурилор фунераре», че се афлэ лынгэ сатул Малаешть, районул Болотино, ши провинце де прин вакуриле II—V але ерей ноастре; ау фост ындеплините деасэменя черчетэрэ археоложиче лынгэ сатул Бравичень, районул Орхей, ши сатул Требужень, районул Суслень.

RÉSUMÉ

de l'article de G. F. Tchébotarenko «Fouilles archéologiques entreprises sur le territoire de la Moldavie en 1955»:

En 1955 a continué ses recherches le collectif de l'expédition archéologique moldave, appartenant à l'Institut d'Histoire, Langue et Littérature de la Filiale Moldave de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S. et à l'Institut de l'Histoire des Cultures matérielles de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S. (sous la direction de T. S. Passek — docteur en histoire).

Le détachement d'archéologie primitive sous la direction de T. S. Passek a exploré le cimetière du tripolien tardif du commencement du II-e millénaire a. n. è. dans le village Vykhatintsi de la région Rybnitsa. On a découvert 25 tombes. On a effectué des recherches à l'établissement tripolien de Solontcheni, district Résina, à l'établissement de type Boian et à l'établissement de culture de la céramique linéaire de Floresti, district Floresti.

Le détachement d'archéologie scythe sous la direction de A. I. Méliucova a continué l'exploration des monuments du premier âge du fer et d'un établissement de la période préscythique situé près du village Choldanesti de la région de Résina.

Le détachement d'archéologie ancienne slave sous la direction de E. A. Rickmann a pratiqué des sondages au cimetière et aux établissements du II-e—IV-e siècles de Budesti. Il a déterré environ 255 tombes et a fait des études d'habitations, de fourneaux de potier, etc.

Le détachement d'archéologie moldave du moyen âge a continué l'étude des monuments d'Ancien Orhei, ville moldave du XIV-e—XVI-e siècles. Il a dégagé un atelier où l'on confectionnait des carreaux de faïence, une hutte, un fossé de rempart et un fourneau à briques.

L'expédition du Pruth et Dniester sous la direction de G. B. Fiodorov, a pratiqué des sondages à l'établissement du II-e—V-e siècles à Malaesti, district Bolotin, et a réalisé des explorations à Bravitcheni, district Orgueyev, et à Trébujeni, district Susleni.

А. С. КИДЕЛЬ

**МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ
ПО ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОМУ МЕЖДУРЕЧЬЮ
ЗА 1944—1955 гг.**

1. Алихова А. В., Выхватинский могильник, КСИИМК, 1954, вып. 26, с. 69—75.
2. Бибилов С. Н., Археологические раскопки у селений Поленки и Журы на Днестре в 1952 г., КСИИМК, 1954, вып. 56, с. 104—110.
3. Бибилов С. Н., Исследование трипольских памятников на Среднем Поднестровье, КСИИМК АН УССР, 1955, в. 4, с. 138—139.
4. Борисковский П. И., Некоторые дополнения к археологической карте Среднего Поднестровья, «Археология», Киев, 1950, т. 4, с. 117—131 (на украинском языке).
5. Борисковский П. И., Основные группы палеолитических местонахождений Среднего Приднестровья, КСИИМК, 1949, в. 26, с. 12—14.
6. Войцеховский В. А., Памятники архитектуры Молдавии XIV—XVIII вв., КСИИМК, 1954, вып. 56, с. 40—50.
7. Владимирская Н. Н., Народное жилище в центральных районах Молдавии, «Жилой дом», 1950, № 2.
8. Гросул Я. С., Вступительное слово на расширенном заседании ученых советов ИИМК АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященном истории материальной культуры на территории Молдавии, КСИИМК, 1954, в. 56, с. 5—7.
9. Дмитриев Л. Д., Белгород-Днестровская археологическая экспедиция, АП УССР, 1952, т. 4, с. 59—64 (на украинском языке).
10. Дмитриев Л. Д., Итоги Измаильской археологической экспедиции Института археологии АН УССР за 1947—1950 гг. и перспективы ее дальнейших работ, КСИИМК АН УССР, 1953, № 2, с. 54—55.
11. Дмитриев Л. Д., Основные итоги Измаильской археологической экспедиции 1949—1950 гг., АН УССР, 1955, т. 5, с. 111—123, (на украинском языке).
12. Дмитриев Л. Д., Раскопки в г. Белгород-Днестровский в 1947 г., АП УССР, 1952, т. 4, с. 59—64 (на украинском языке).
13. Дубинов В. В., Кремневое орудие из с. Баронча, Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 127—130.
14. Засурцев П. И., Славянские поселения в Молдавии, КСИИМК, 1949, в. 27, с. 102—103.
15. Зеленчук В. С., Семейный быт крестьян Бессарабии второй половины XIX, начала XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1954 15 с.
16. Зубарева В. И., Фауна палеолитической стоянки «Выхvatинцы», «Природа», М., 1949, № 3, с. 75—76.
17. Кадина И. Г., Народное жилище в северных районах Молдавии, «Жилой дом», 1950, № 2.
18. Кривцова-Гракова О. А., Бессарабский клад, ТГИМ, Памятники культуры, вып. 1, М., 1949.
19. Левман Р. С., Антропологические типы коренного населения Молдавской ССР (к проблеме этногенеза молдаван). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1950.
20. Маркевич В. И., Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна, Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 131—145.
21. Мельниковская О. Н., Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы, КСИИМК, 1954, в. 56, с. 69—75.
22. Мелюкова А. И., Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952—1953 гг., Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 51—72.
23. Мелюкова А. И., Памятники скифского времени на Среднем Днестре КСИИМК, 1953, в. 51, с. 60—73.

24. Мелюкова А. И., Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии, КСИИМК, 1954, в. 56, с. 59—68.
25. Мовша Т. Г., Глинобитное жилище раннетрипольского поселения Солончены I, Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 5—14.
26. Наумов Ф. П., Архитектурные детали из камня-ракушечника в молдавском народном зодчестве, ВИА УРСР, 1950, № 4 (на украинском языке).
27. Николаев Н. Ф., Рост социалистической культуры молдаван села Журы, СЭ, 1951, № 2, с. 73—84.
28. Оболдуева Т. Г., Курган эпохи бронзы на р. Когыльник, Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 31—50.
29. Пассек Т. С., Археологические разведки в Молдавии, КСИИМК, 1949, в. 26, с. 57—68.
30. Пассек Т. С., Итоги археологических исследований на Днестре в 1952—1953 гг. КСИИМК, 1955, в. 4, с. 131—132.
31. Пассек Т. С., Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии, КСИИМК, 1954, в. 56, с. 76—97.
32. Пассек Т. С., Итоги работ Трипольской (Днестровской) экспедиции в 1950 г. КСИИМК, 1952, в. 45, с. 3—18.
33. Пассек Т. С., Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 15—30.
34. Пассек Т. С., Периодизация Трипольских поселений (III—II тысячелетие до н. э.), МИА СССР, 1951, т. 10, гл. 8 (К вопросу о древнейшем населении в Днепровско-Днестровском бассейне), с. 231—239.
35. Пассек Т. С., Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре, КСИИМК, 1953, в. 51, с. 46—59.
36. Пассек Т. С., Результаты работ Молдавской (Дубоссарской) экспедиции в 1955 г. Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1955 г., М.-Л., 1956, с. 17—19.
37. Пассек Т. С., Трипольские поселения на Днестре, КСИИМК, 1950, в. 32, с. 40—56.
38. Полевой Л. Л., К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии, Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 85—94.
39. Работа Славяно-Днестровской экспедиции (хроника), Известия АН СССР, серия истории и философии, 1950, т. 7, № 6, с. 579.
40. Резолюция расширенных заседаний ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы МФАН СССР 20—23 мая 1953 г., посвящен. истории материальной культуры на территории Молдавии, КСИИМК, 1954, в. 56, с. 136—138.
41. Рикман Э. А., Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты, Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 95—112.
42. Рикман Э. А., К вопросу о славянских чертах в народной материальной культуре Молдавии, КСИИМК, 1954, в. 56, с. 51—58.
43. Рикман Э. А., Разведывательные раскопки в с. Лапушня в 1953 г., Известия МФАН СССР, 1954, № 6 (20).
44. Розенфельдт И. Г., Выхватинский могильник по раскопкам 1951 года, КСИИМК, 1954, в. 56, с. 98—103.
45. Розенфельдт Р. Л., Алчедарские курганы, Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 121—126.
46. Рыбаков В. А., Уличи. (Историко-географические заметки), КСИИМК, 1950, в. 35, с. 3—17.
47. Салманович М. Я., Жилище коренного населения Молдавской ССР, СЭ, 1947, № 4, с. 209—233.
48. Салманович М. и Зеленчук В., Этнографическая литература о молдаванах, СЭ, 1954, № 3, с. 137—142.
49. Сергеев Г. П., Нефритовый топор из окрестностей с. Березка, Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 113—116.
50. Сергеев Г. П., Позднеашельская стоянка в гроте у с. Выхватинцы, СА, 1950, т. 12, с. 203—212.
51. Смирнов А. П., Заключительное слово на расширенном заседании ученых советов ИИМК АН СССР и Института истории, языка и литературы МФАН СССР, посвященном истории материальной культуры на территории Молдавии, КСИИМК, 1954, в. 56, с. 133—135.
52. Смирнов Г. Д., Археологические исследования старого Орхоя. Тезисы докладов ИИМК АН СССР и ИИЯЛ МФАН СССР, 1953 г., КСИИМК, 1954, в. 56, с. 24—39.
53. Смирнов Г. Д., Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. «Ученые записки» ИИЯЛ Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, 1949, т. 2, с. 189—202.
54. Смирнов Г. Д., Молдавская ССР, Исторический очерк, БСЭ, 2-е изд., т. 28, с. 85, М., 1954.

55. Смирнов Г. Д., Сахарнянский могильник II (Гура Гульбока), Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 117—120.
56. Смирнов Г. Д., Скифское городище и селище «Большая Сахарна» КСИИМК, 1949, в. 26, с. 93—96.
57. Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме ИИМК АН СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг., М., 1951.
58. Тиханова М. А., Археологические памятники Среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э. КСИИМК, 1953, в. 2, с. 15—19.
59. Тиханова М. А., Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции (Памятники культуры полей погребения), КСИИМК, 1955, в. 57, с. 92—99.
60. Тиханова М. А., История Молдавии, т. I, Кишинев, «Шкоला советик», 1951, Гл. 1, с. 9—20, Гл. 2, с. 21—42; Гл. 3, с. 45—51.
61. Тиханова М. А., Роль западного Причерноморья в сложении культуры Поднестровья и Поднепровья первых веков нашей эры, КСИИМК, 1940, в. 8, с. 67—71.
62. Фабрициус И. В., Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, Киев, 1951, с. 22—23.
63. Федоров Г. Б., Городище Екимауцы, КСИИМК, 1953, в. 50, с. 104—126.
64. Федоров Г. Б., Древние славяне в Молдавии, Известия МФАН СССР, 1955, № 5 (25), с. 73—84.
65. Федоров Г. Б., Древние славяне в Молдавии. К итогам работ археологической экспедиции 1953—1954 г., ВАН СССР, 1954, в. 12, с. 35—43.
66. Федоров Г. Б., Из итогов работ Славяно-Днестровской археологической экспедиции в 1950—1951 гг., Известия МФАН СССР, 1953, № 3—4 (11—12), с. 41—64. Резюме на молд. яз.
67. Федоров Г. Б., Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии, КСИИМК, 1954, в. 56, с. 8—23.
68. Федоров Г. Б., Полевые исследования археологов и этнографов (Некоторые итоги работ 1953 года), ВАН СССР, 1954, в. 7, с. 30—37.
69. Федоров Г. Б., Работа Славяно-Днестровской экспедиции, КСИИМК, 1952, в. 44, с. 83—103.
70. Федоров Г. Б., Славяне Поднестровья, ВАН СССР, 1952, № 2, с. 92—101.
71. Федоров Г. Б., Славяне Поднестровья. В сборнике «По следам древних культур», М., Госкультпросветиздат, 1953, с. 121—154.
72. Федоров Г. Б., Славянские городища в Молдавии. К итогам работ Молдавской археологической экспедиции в 1952 г., ВАН СССР 1953, № 4, с. 43—51.
73. Федоров Г. Б., Тиверцы. (Из итогов работы Славяно-Днестровской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950 г.), ВДИ, 1952, № 2, с. 250—59.
74. Федоров Г. Б. и Бырня П. П., Итоги археологических и этнографических исследований 1954 года, ВАН СССР, 1955, № 8, с. 26—33.
75. Фурманская А. И., Славянские поселения на территории Измаильской области, «Археология», Киев, 1952, т. 7, с. 150—152 (на украинском языке).
76. Черныш А. П., Исследования палеолита на Днестре, КСИИМК, 1954, в. 56, с. 120—132.
77. Черныш А. П., Мустьерские местонахождения Среднего Поднестровья, КСИИМК, 1952, в. 48, с. 56—61.
78. Черныш А. П., Новые данные о палеолите и мезолите на Днестре, КСИИМК, 1950, в. 32, с. 26—39.
79. Черныш А. П., Новые палеолитические местонахождения на территории Молдавской ССР, КСИИМК, 1949, в. 26, с. 15—21.
80. Черныш А. П., Редкая находка палеолитического кремневого наконечника на Среднем Днестре, КСИИМК, 1950, в. 35, с. 129—131.
81. Черныш Е. К., Раннетрипольские поселения Среднего Приднестровья, КСИИМК, 1954, в. 56, с. 111—119.
82. Штаерман Е. М., Керамические клейма из Тиры, КСИИМК, 1951, в. 36, с. 31—49.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП УССР — Археологічні пам'ятки УРСР
 БСЭ — Большая советская энциклопедия
 ВАА УРСР — Вісник Академії архітектури УРСР
 ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
 ВАН УРСР — Вісник Академії наук УРСР
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВОКК — Вісник Одеської комісії краєзнавства
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
 ИАК — Известия Археологической комиссии.
 ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры АН СССР
 ИИЯЛ МФАН СССР — Институт истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР
 ИА АН УССР — Институт археологии АН УССР
 КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
 КСИА АН УССР — Краткие сообщения ИА АН СССР
 КЕВ — Кишиневские епархиальные ведомости
 ЛО ИИМК — Ленинградское отделение ИИМК
 МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
 РМК МССР — Республиканский музей краеведения МССР
 СА — Советская археология
 СЭ — Советская этнография
 ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
 AIIN — Anuarul institutului de istorie nationala
 AR — Academia Româna
 AAR — Analele Academiei Române
 ASAR — Analele Societății Academiei Române
 BSNR — Buletinul Societății numismatice române
 CNA — Cronica numismatica și arheologica
 ESA — Eurasia Septentrionalis antigna.
 SCB — Studii și cercetări de bibliologie
 SCJM — Studii și cercetări de istorie medie.
 CCJV — Studii și cercetări de istorie veche.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие (Т. С. Пассек)	3
I. Статьи	
Е. К. Черныш, К вопросу о раннетрипольских поселениях	5
Т. С. Пассек, Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 году	19
А. И. Мелюкова, Памятники VIII в. до н. э. на территории лесостепной Молдавии	39
Г. Б. Федоров, К вопросу о сарматской культуре в Молдавии	49
Г. Д. Смирнов, Декоративные кирпичи из молдавского города Старый Орхей	67
Г. Д. Смирнов, Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхей	75
Л. Л. Полевой, К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII—XV вв.	91
В. С. Зеленчук, Освещение народной культуры и быта молдаван в этнографической литературе	107
II. Материалы, сообщения и хроника	
А. П. Черныш, Разделки палеолитических памятников на Днестре в 1952 г.	119
А. А. Нудельман и Э. А. Рикман, Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии	129
Г. П. Сергеев, Находка медных сосудов на территории Молдавии	135
А. А. Нудельман и Э. А. Рикман, Два клада и находки отдельных монет (римских и ранне-византийских) из Молдавии	143
Е. В. Махно, Раскопки на славянском поселении у сел Пояны и Сокол в 1953 г.	155
Э. А. Рикман, К методике археологических раскопок средневековых поселений Молдавии	163
Г. Ф. Чеботаренко, Археологические раскопки на территории МССР в 1955 г.	181
А. С. Кидель, Материалы для библиографии археологических и этнографических работ по Днестровско-Прутскому междуречью за 1944—1955 гг.	189

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
34	7 сверху	полуземельного	полуземляночного
58	4 снизу	боканской	баночной
64	7 сверху	фусурь пентру торс	роате де фус
111	15 снизу	греко-румынских	греко-римских
144	1 снизу	Д=21,0	Д=21,0. Кизик.
170	6 сверху	проектируется	2 мастерская. проецируется
182	4 снизу	времен	племен

Молдавского филиала Академии Наук СССР
№ 4 (31)

Ответственный за выпуск *Е. Щетинина*
Технический редактор *М. Мандельбаум*
Корректор *С. Воленберг*

Сдано в набор 25/VIII-1956 г. Подписано к печати 28/XI-1956 г.
Формат бумаги 70x108¹/₁₆. Бумажных листов 6,13. Печатн. листов 16,78+16 вкл.
Уч.-изд. листов 13,37+16 вкл. Тираж 700 АБ02052.
Государственное издательство Министерства культуры Молдавской ССР.
Кишинев, Могилевская, 35.
Цена 10 руб. 95 коп. Заказ № 1726.

Полиграфкомбинат, Кишинев. Госпитальная, 32.